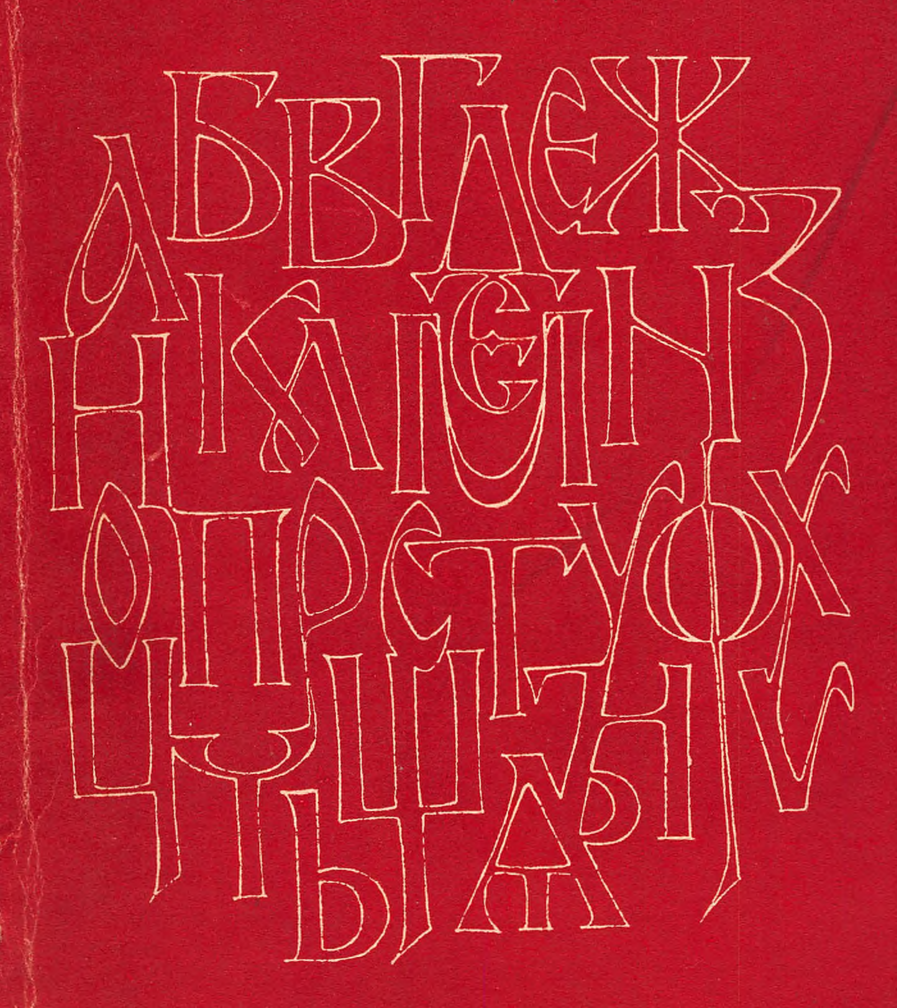
С. Б. Бернштейн

КОНСТАНТИН-ФИЛОСОФ И МЕФОДИЙ

С. Б. Бернштейн

КОНСТАНТИН-ФИЛОСОФ И МЕФОДИЙ

Начальные главы
из истории
славянской письменности

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 167 с.

В монографии освещается комплекс вопросов по кирилло-мефодиевской проблематике, которая занимает в истории славянской филологии одно из центральных мест. В книге описываются жизненные пути и деятельность основоположников славянской письменности, рассказывается об их непосредственных учениках, рассматриваются древние рукописные источники, а также дается их критический анализ.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
доктор филологических наук *Б. А. Успенский*,
кандидат филологических наук *О. А. Князевская*

Б $\frac{4603000000—213}{077(02)—84}$ 154—84

Посвящаю памяти моего учителя
Григория Андреевича Ильинского

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение многих лет мне приходилось рассказывать студентам филологического факультета МГУ о жизни и деятельности создателей славянской письменности — Константине-Философе (в монашестве Кирилле) и его брате Мефодии, об их упорной борьбе с врагами славянской культуры, об учениках и последователях Солунских братьев.

В истории средневековой европейской культуры Солунские братья занимают особое место. Велика их роль в истории славянского самосознания, в истории славянской культуры и письменности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что кирилло-мефодиевская проблематика в истории славянской филологии в XIX в. была одной из основных. «Целое столетие вопрос о Кирилле и Мефодии представляет главную привлекательную силу в истории славянской филологии»[1], — писал в 1901 г. известный русский славист акад. Ламанский. И в настоящее время многие аспекты кирилло-мефодиевской проблематики привлекают внимание специалистов в различных странах. В недавно опубликованной «Библиографии по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974» (М., 1980), составленной Можаевой, содержатся сведения о 1919 послевоенных публикациях. Изучение жизни и деятельности создателей славянской письменности является необходимым условием подготовки специалистов в области славяноведения в самом широком значении этого слова.

Cyrillo-Methodiana включает изучение жизни и деятельности Солунских братьев, их учеников, ис-

---

[1] Ламанский В. И. Появление и развитие литературных языков у народов славянских. — Изв. Отделения русского языка и словесности, 1901, т. VI, кн. 1, с. 34.

торию возникновения славянского письма, переводческую деятельность первых славянских книжников, создание первых оригинальных произведений на славянском языке, историю старославянского языка, организацию славянской литургии и др. Все эти вопросы, конечно, в разной степени важны для изучения древнейшей истории славян, истории славянских литератур феодального периода, истории славянских языков. Вот почему они занимают значительное место в системе высшего филологического образования русистов и славистов.

В данной книге освещается лишь одна сторона обширного комплекса проблем. В ней характеризуются источники и описываются жизненные пути Константина-Философа, Мефодия и их непосредственных учеников. Конечно, по ходу изложения основной темы автор порой вынужден в какой-то степени рассматривать смежные вопросы, но все эти экскурсы подчинены основной теме и тесно с ней связаны. В заключительной главе книги читатель найдет краткие сведения историографического характера.

Уже много лет у нас в стране не издавались университетские пособия по истории возникновения славянской письменности и ее ранней истории. В опубликованных курсах старославянского языка об этом сообщается предельно лаконично. Не представляют исключения в этом отношении и пособия по истории зарубежных славян. А между тем во многих работах (не только популярных, но и специальных) нередко сообщаются недостоверные факты, домыслы и предположения выдаются за подлинные. Еще в середине прошлого столетия известный русский археограф Викторов писал: «До какой степени недостаточна критическая разработка источников, относящихся к истории Кирилла и Мефодия, и не тверды ее основы, ясным доказательством может служить тот факт, что в исследованиях о ней не раз играл главную роль чистый произвол, увлечение исследователя какой-либо любимой идеей, национальные и религиозные пристрастия и вообще предвзятые мнения»[2]. К сожалению, суровые слова русского ученого может повто-

[2] Викторов А. Е. Кирилл и Мефодий. — В кн.: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, с. 4.

рить исследователь кирилло-мефодиевского вопроса и в наши дни. Это обстоятельство в первую очередь вынудило меня подготовить к печати записи моих университетских лекций, читанных в разные годы. В настоящей монографии я стремился не отдаляться от источников, не создавать новых гипотез, не выдавать своих предположений за подлинные факты.

В конце книги представлен список цитированных мной сочинений. Этот список не является рекомендательным.

Свою книгу посвящаю памяти профессора Ильинского, с именем которого связано мое первое знакомство с создателями славянской письменности, с их героической жизнью. Велик вклад этого ученого во многие разделы кирилло-мефодиевской проблематики.

Рукопись читали О. А. Князевская, Б. А. Успенский и М. Янакиев. Выражаю им глубокую благодарность за их ценные советы и замечания.

ИСТОЧНИКИ

Возникновение письменности на славянском языке, жизнь и деятельность создателей этой письменности занимали в славянской филологии, начиная с трудов Добровского, Копитара, Востокова, центральное место. С тех пор как существует славянская филология, вопрос о деятельности Кирилла и Мефодия занимал первое место в научных исследованиях славистики, отметил акад. Ягич в своем выступлении на академическом заседании, посвященном тысячелетию со дня смерти Мефодия. Речь идет о жизни и деятельности Константина-Философа, Мефодия, их учеников и последователей, о создании славянских алфавитов (глаголицы и кириллицы), о диалектной основе старославянского языка, о первых переводах греческих богослужебных книг на славянский язык, о создании оригинальных произведений, о формировании различных редакций и изводов старославянской письменности и др. Большое внимание слависты уделяли изданию древних текстов. Уже в начале XIX в. русские археографы и палеографы из кружка графа Румянцева достигли большого совершенства в точном воспроизведении памятников древней славянской письменности. В это время древние тексты в большом числе были обнаружены в монастырских, церковных и частных книгохранилищах.

Трудно переоценить величие подвига Солунских братьев, которые дали славянам письменность на родном языке, положив начало не только церковной, но и светской литературе. Они первые организовали богослужение на славянском языке, переведя на этот язык все необходимые в церковном ритуале служебные книги: Апракос, Четвероевангелие, Апостол, Псалтырь, Требник и др. Они создали первый славянский письменный язык, который в дальнейшем оказал влияние на формирование литературных языков многих славянских народов. Этот язык принято в науке называть старославянским языком (реже древнецерковнославянским).

Литература о жизни и деятельности Константина-Философа и Мефодия огромна. Ильинский образно назвал ее «грандиозной пирамидой». В составленной им библиографии до 1934 г. значится 3385 названий. После Великой Отечественной войны это число значительно увеличилось. Расширилась и география исследований. Несмотря на большое число трудов, среди которых можно указать немало превосходных сочинений, многие стороны деятельности основоположников славянской письменности остаются до сих пор невыясненными. По некоторым важнейшим вопросам между специалистами существуют серьезные расхождения. Объясняется это главным образом тем, что дошедшие до нас тексты часто содержат противоречивые сведения. Это вызвано тенденциозностью источников, интерполяциями (вставками позднего происхождения), свойственными агиографической литературе легендарными сюжетами. В своем большинстве они относятся к той характерной для средневековья литературе, в которой подлинные факты и вымыслы стоят рядом. Научный анализ подобных текстов требует от исследователя большого критического чутья и аналитического таланта, чтобы, выражаясь словами Шлёцера, «отделить золото исторической ценности от благочестивых вымыслов». Сравнительно легко выделить откровенно агиографические элементы, трактующие о чудесах славянских апостолов и их учеников. К ним, например, относятся обнаружение мощей епископа римского Климента в Херсонесе через 760 лет после его мученической смерти или рассказ о воскресении учениками Мефодия — Климентом, Наумом и Ангеларием — скончавшегося при них мальчика. Аналогичных сюжетов в источниках немало. Труднее выявить различные интерполяции и исправления, вызванные конкретными потребностями современной политической и церковной жизни. Следует иметь в виду, что сохранившиеся тексты создавались в разное время в различной исторической обстановке. Под воздействием требований времени в старые тексты вносились дополнения и даже исправления. Так, в одном позднем русском списке «Проложного жития Константина-Философа» читаем: *Святой Кирилл-Философ был родом болгарин из города Солуни. Он создал новую грамоту и вместе*

со своим братом Мефодием перевел с греческого языка на русский книги. Перед исследователем стоит трудная задача выявления всех интерполяций. Она решается сопоставлением различных списков одного памятника, сопоставлением различных памятников, освещающих одни и те же события. При этом необходимо отчетливо представлять себе те исторические условия, в которых создавались привлекаемые тексты и их позднейшие переработки. Критического отношения требуют не только тексты древних авторов, но и исследования славистов XIX—XX вв. Многое в толковании памятников, в самом отношении к деятельности Константина-Философа и Мефодия определялось национальными предрассудками, политическими взглядами ученых, их религиозной принадлежностью. В качестве примера можно назвать работу известного слависта Брюкнера «Die Wahrheit über die Slavenapostol» (1913), в которой правды очень мало. Книгу следовало бы озаглавить «Die Lüge über die Slavenapostol». Автор считал, что вся деятельность Солунских братьев принесла большой вред славянам, оторвав значительную их часть от благотворного влияния западной (католической) цивилизации, что эти хитроумные византийцы действовали только в пользу Византии и меньше всего думали о славянах. Они коварно выманили у папы Адриана разрешение вести проповеди на славянском языке, а затем и богослужение. Брюкнер целиком на стороне Святополка, который осуществил благодетельное для славянства деяние, изгнав из Моравии учеников Мефодия. Поляки, по словам автора, счастливый народ, потому что их не коснулись хитрые интриги византийцев. Известный украинский славист Свенцицкий простодушно спрашивает: «Почему он (Брюкнер. — *С. Б.*) высказал и написал столько неправды?» Ответить на этот вопрос нетрудно. Автором руководила ненависть к восточным и южным славянам, к их культуре, языку, кириллическому письму, старославянскому языку, православию. Аналогичные взгляды можно встретить и в некоторых современных работах западных славистов, посвященных жизни и деятельности Константина и Мефодия. Все это не имеет к подлинной науке никакого отношения.

Много споров возникает в связи с тем, что на эт-

ническую карту Европы IX в. ученые часто смотрят глазами людей XIX—XX вв. Государственные и национальные противоречия нового времени механически переносятся в ту эпоху, когда только еще формировались самостоятельные славянские народности, когда еще были сильны связи между ними, когда, по словам Климента Охридского, существовал единый «многоплеменной славянский народ». До нас дошли и более поздние тексты, в которых язык различных славянских народов рассматривается как один язык. Так, в хронографе 1512 г. читаем: «Константин-Философ и брат его Мефодий перевели святые книги с греческого на славянский; у болгар же и у словен, и у сербов, и у босняков, и у русских — у всех у них один язык» (Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, с. 172). Утверждение Мацурека, что славяне «никогда не жили в сфере какой-то единой славянской культуры, в длительной общей историко-культурной атмосфере» (Macůrek. Obrysy Slovanstva, s. 104), является глубоко ошибочным.

Кирилло-мефодиевская проблематика разрабатывалась преимущественно филологами. Это обстоятельство имело как положительные, так и отрицательные последствия. В лучших исследованиях уже первой половины XIX в. был высок уровень филологической критики текста, были сделаны важные, в ряде случаев основополагающие наблюдения в области изучения языка и палеографических особенностей древних памятников славянской письменности. Что же касается собственно исторической критики текста, то она стояла на низком уровне. Подводя итоги изучению деятельности Константина-Философа и Мефодия за первую половину XIX в., русский историк Бильбасов еще в 1869 г. писал: «Пособия по истории Кирилла и Мефодия многотомны, но до настоящего времени немногие из них удовлетворяют требованиям науки». Объяснял это обстоятельство Бильбасов тем, что филологи некритически подходят к сообщениям древних текстов. По его словам, они забывают, что «мы принуждены почерпать эти сведения из легенд, из житий — из источника довольно смутного, вызывающего сомнение каждой строчкой, каждым словом» (Бильбасов. Кирилл и Мефо-

дий, ч. I, с. 3). Слависты-филологи пытались решать не только собственно филологические, но и чисто исторические проблемы. Правда, делали они это часто на низком профессиональном уровне, по-дилетантски, на что обращали внимание многие историки России и Европы уже в XIX в. Как правило, слависты забывали, что перед ними тексты агиографического характера. Для многих ученых Константин-Философ и Мефодий прежде всего были святыми Кириллом и Мефодием, деятельность которых анализировали приемами, привычными только для богословия.

Изменилось положение к лучшему во второй половине XIX в. Получила дальнейшее развитие филологическая критика текста, что в первую очередь было связано с именем выдающегося слависта второй половины XIX и первой четверти XX в., хорвата по национальности, Ватрослава (по-русски Игнатия Викентьевича) Ягича. Различные аспекты кирилло-мефодиевской проблематики начали серьезно разрабатывать историки-слависты, византинисты, специалисты по истории Средней Европы. Это внесло живую струю в изучение деятельности Солунских братьев, от многих мифов пришлось отказаться, многое получило новое толкование. К сожалению, еще в XX в. публикуются книги научного и художественного содержания, в которых вымыслы выдаются за достоверные факты. Примеров можно привести немало. Вот один из них.

В Варшаве в 1927—1928 гг. был издан двухтомный труд Огиенко «Костянтин і Мефодий, їх життя та діяльність». В нем автор утверждал, что Константин-Философ постоянно общался в Константинополе с киевскими купцами, которые по торговым делам жили в столице Византии. Об этом нет никаких сообщений в известных нам источниках. Однако отсюда делается следующее заключение: Константин-Философ знал древнекиевский диалект, который сыграл существенную роль в формировании старославянского языка. Ильинский справедливо писал в связи с этим, что Огиенко умеет вычитывать из своих источников более того, что они содержат. Подобный упрек можно высказать в адрес некоторых современных исследователей.

Памятников древней письменности, освещающих

те или другие стороны жизни и деятельности Константина-Философа, Мефодия, их учеников, сохранилось сравнительно много. Однако среди них очень мало исторических документов. Пожалуй, к ним могут быть причислены прежде всего тексты на латинском языке — послания (буллы) папы Иоанна VIII, занимавшего папский престол с 872 по 882 г. Эти послания содержат много достоверных фактов, относящихся к жизни и деятельности Мефодия. Ценнейшие сведения содержатся в сочинениях Анастасия Библиотекаря (800—880), одного из образованнейших людей своего времени, который играл большую роль в церковной и политической жизни Рима в середине IX в. Его перу принадлежит ряд трудов, в которых широко освещается история Византии и Болгарии, например: «Chronographia tripertita», «Passio sancti Demetrii martyris», «Historiae de vitis romanorum pontificum» (пап Иоанна IV, Иоанна VII, Николая I, Адриана II). Большую научную ценность представляют его письма Адриану II, Гаудериху Веллетрийскому и Карлу Плешивому. Анастасий много переводил с греческого на латинский, написал несколько религиозных произведений (различных житий и служб).

Во время пребывания славянских апостолов в Риме Анастасий сблизился с Константином, часто обсуждал с ним различные политические и богословские вопросы, хотя значительную часть 868 г. Анастасий находился за пределами Рима. В своих письмах папе Адриану II, епископу Гаудериху Веллетрийскому Анастасий характеризует личные качества Константина, сообщает о его пребывании в Херсонесе. об обнаружении мощей римского епископа Климента. Некоторые сообщения Анастасия вызывали у историков недоверие. Предполагалось, что в ряде случаев он сознательно искажал истину. Очень важным источником является так называемая «Итальянская легенда» (в дальнейшем ИЛ), сочинение Гаудериха Веллетрийского, который был епископом церкви в городе Веллетри. Соборная церковь города носила имя третьего римского епископа Климента Римского. Отсюда и интерес Гаудериха к судьбе Климента. Активное участие в составлении текста ИЛ принимал дьякон Иоанн Химонид, скончавшийся в 880 г.

Ему Гаудерих Веллетрийский поручил, по свидетельству Анастасия Библиотекаря, *собрать сведения из различных латинских книг.* Есть все основания полагать, что ИЛ написана в середине 70-х гг. IX в. Впервые была опубликована баландистами в 1668 г. В этом издании она носила название «Житие и перенесение мощей св. Климента» (в дальнейшем ЖК). Впервые памятник был назван «Итальянской легендой» Добровским. До обнаружения нового списка ИЛ от XII в. (опубликован текст был лишь в 1955 г.) многие слависты относили ИЛ к XIV в. В действительности же ИЛ была написана вскоре после смерти Константина. Ее текст свидетельствует, что Гаудерих широко использовал письмо Анастасия Библиотекаря, которое было обнаружено в одном португальском монастыре в 1848 г., а издано только в 1892 г. Здесь бесспорны следы влияния ЖК. В центре внимания автора ИЛ находится хазарская миссия, точнее, обнаружение в Херсонесе мощей Климента, а также приезд Солунских братьев в Рим в 867 г., кончина там Константина-Философа 14 февраля 869 г. Цитируется ИЛ по пражскому кодексу от XIV в., так как текст этого кодекса является наиболее достоверным.

Важные факты о деятельности Мефодия содержатся в анонимной «Conversio Bagoariorum et Carantanorum» (871), в посланиях папы Стефана V (VI) (885—891), который после смерти Мефодия запретил в Моравии славянское богослужение.

Все латинские источники неоднократно издавались. У нас они были изданы без перевода и комментариев Ястребовым (Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских. Спб., 1911). Последнее издание латинских источников читатель найдет в серии «Извори за българската история, т. VII. Латински извори за българската история», т. II (София, 1960), где все тексты опубликованы в оригинале и в болгарском переводе.

Загадочно умолчание о жизни и деятельности Константина-Философа и Мефодия в византийских источниках IX—X вв. От этого периода сохранилось очень много памятников самого различного содержания, но в них нет ни слова о жизни Солунских

братьев, о миссиях, в которых они принимали участие, о возникновении славянской письменности. Часто это молчание объясняют тем, что официальная Византия не могла якобы сочувствовать созданию славянской письменности и организации богослужения на славянском языке. Однако принять подобные объяснения невозможно. Сарацинская и хазарская миссии совсем не были связаны с защитой славянских интересов. Не следует забывать, что руководители Византии охотно пошли навстречу моравскому князю Ростиславу, послали с богатыми дарами миссию, во главе которой поставили известных культурных деятелей Византии. Нельзя это объяснить и враждебным отношением к Болгарии, так как между Болгарией и создателями славянской письменности в это время никакой связи еще не было. В 863 г. в Болгарии еще было язычество. Все это тем более странно и непонятно, если учесть, что Константин-Философ играл немаловажную роль в политической жизни Византии, по своему происхождению принадлежал к высшей аристократии, был близок к императору Михаилу III и патриарху Фотию. Об этой близости сообщают не только славянские, но и латинские источники. Анастасий Библиотекарь в письме к папе Адриану II называет Константина-Философа большим другом Фотия. *Действительно, несколько лет тому назад этот Фотий проповедовал, что каждый человек имеет две души. Когда Константин-Философ муж святой и его очень большой приятель упрекнул Фотия в том, говоря: «Зачем, распространяя среди народа такое большое заблуждение, ты погубил столько душ?»* Патриарх Фотий был необыкновенно плодовитым писателем своего времени. Одних писем разным лицам сохранилось до 300. Тем более удивительно отсутствие в его сочинениях, документах и письмах каких-либо упоминаний о Константине-Философе и Мефодии.

Патриарх Фотий через четыре года после моравской миссии в 867 г. разослал восточным патриархам энциклику (окружное послание), в которой подробно сообщал об успехах византийской церкви в распространении христианства, в его укреплении и т. д. В этой энциклике нет ни слова о моравской миссии. Конечно, это странное обстоятельство долж-

но было привлечь к себе внимание историков. Нужно было как-то объяснить это умолчание. Историк Дворник, большой знаток византийских источников, в связи с этим писал: «Впрочем, в то время, когда Фотий писал это послание, двору и патриарху могло казаться, что миссия 863 г. не оправдала чаяний Византии. После нападения немцев в 864 г. Моравия перестала интересовать Византию. Стоило ли в таком случае напоминать византийцам о случае, принесшем многим из них разочарование. В этом кроется вероятная причина умолчания Фотием о миссии двух своих друзей» (Дворник. Славяне и Византия в IX веке, с. 189). Это высказывание Дворника никак нельзя признать убедительным. О каких чаяниях Византии можно говорить, если император и патриарх не выполнили основной просьбы моравского князя Ростислава, в выполнении которой, кстати, была заинтересована прежде всего византийская сторона. В послании Ростислава была просьба прислать для организации славянского богослужения в Моравии епископа и учителя: *то пошли нам, владыко, епископа и учителя такого* (ЖК). В «Житии Мефодия» (в дальнейшем ЖМ) эта просьба формулируется иначе: *пошли нам мужа, который принес бы всякую правду.* При организации миссии никто даже не вспомнил, что нужно послать не только учителя, знающего славянский язык, но прежде всего епископа. На это обстоятельство обратил внимание историк Гейль. Он пишет: «В Моравии уже было проведено крещение, и она не нуждалась в священниках, всего лишь знающих славянский язык... Ростислав требовал прислать епископа, который управлял бы самостоятельным моравским диоцезом» (Гейль. Византийское посольство в Великую Моравию..., с. 103). Совсем не случайно в послании Ростислава просьба прислать епископа стоит на первом месте. Фотий должен был ясно отдавать себе отчет в том, что Солунские братья встретят в Моравии активную оппозицию со стороны баварского духовенства, проповедующего здесь слово божие на латинском языке. Моравия в церковном отношении подчинялась Риму, а папская курия не могла благосклонно отнестись к переходу богослужения на славянский язык. Все это Фотию, конечно, было хорошо известно. Несмотря на это, воз-

главляли миссию люди, занимавшие сравнительно низкие ступени церковной иерархии, которые не имели права рукополагать своих учеников в священники. Один был священником, другой — монахом. В Моравии Константин-Философ и Мефодий вынуждены были все время бороться с очень сильными противниками, уступавшими византийцам в образованности, но опытными в организации закулисной борьбы и интриг. Фотий не проявлял никакого интереса к деятельности своих «друзей». В этих трудных условиях руководители моравской миссии проявили много самообладания, энергии, выдающийся дипломатический талант. Очевидно, что для характеристики отношения Византии ко всем этапам деятельности Константина-Философа и Мефодия мы не располагаем необходимыми документами. Нет сомнений, что такие документы были, но бесследно утрачены. О расхождении в догматических вопросах между патриархом Фотием и Константином-Философом сообщает Анастасий Библиотекарь в уже цитированном письме папе Адриану II.

До сих пор интереснейшая тема «Патриарх Фотий и Константин-Философ» еще не раскрыта. Существовали сложные взаимоотношения двух сильных личностей, об истории которых мы пока знаем очень мало. «Связи братьев с патриархом Фотием представляют для историков апостолов славянства важнейший вопрос, не получивший разрешения до настоящего времени» (Д в о р н и к. Славяне и Византия в IX веке, с. 182).

Сохранился один очень интересный византийский памятник конца XI в., который содержит важнейшие сведения о Солунских братьях, но главным образом об их учениках. Это основной источник изучения жизни и деятельности Климента Охридского и других учеников Мефодия. Речь идет о «Пространном житии Климента Охридского», которое носит еще название «Болгарской легенды» (в дальнейшем БЛ). Автор БЛ — охридский архиепископ Феофилакт, который жил во второй половине XI в. Умер он в 1107 или 1108 г. По неизвестной причине этот выдающийся церковный деятель был выслан из Константинополя в Охрид. Это был период так называемого византийского рабства (1018—1186 гг.). Вся политическая и

церковная власть в это время находилась в руках византийцев. Первоначально император Василий II сохранил автокефальность (известную самостоятельность) Охридской церкви, ее славянский характер. Однако уже в 1037 г. автокефальность была нарушена. После смерти охридского архиепископа Иоанна император назначил новым архиепископом грека Льва родом из Пафлагонии. После неудачных восстаний против Византии в 1040—1041 гг. и особенно в 1072—1073 гг. были уничтожены все следы прежней церковной самостоятельности. «Особую заслугу в этом деле имел известный охридский архиепископ Феофилакт, названный еще «болгарским» (Златарски. История на българската държава през средните векове, т. II, с. 262).

Архиепископ Феофилакт был также известным византийским писателем XI—XII вв. Среди прочих произведений ему принадлежит книга «Царское воспитание». Большой популярностью пользовались его письма, рассчитанные на широкий круг читателей.

Ко времени прибытия Феофилакта в Охрид богослужение уже было запрещено. «К его времени греческий язык, несомненно, уже был введен в болгарской церкви, т. е. богослужение повсюду в Болгарии проходило на греческом языке, а все болгарские училища, основанные учениками св. Климента, были закрыты» (Златарски. Там же, с. 265).

Известный болгарский историк Златарский так объясняет причину появления БЛ. Славянское богослужение было запрещено. Всюду господствовал греческий язык. Однако у местного населения на руках были рукописи на славянском языке, которые читали грамотные люди, поддерживая в народе славянское самосознание. В них рассказывалось о бессмертном подвиге славянских апостолов, деятельности их учеников. Феофилакт отлично понимал, что искоренить в народе любовь к этим людям невозможно. Поэтому нужно, чтобы славяне узнавали о них из книг, написанных на греческом языке. Так из-под его пера появилась БЛ, в которой поразительно уживаются открытая болгарофобия с преклонением перед Солунскими братьями. Правда, эта деятельность не дала значительных результатов. Динеков справедливо пишет, что, «вопреки всем стара-

ниям греческих книжников, они не смогли оказать никакого серьезного влияния на население в этих краях. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в течение XI—XII вв. продолжали переписываться богослужебные и прочие рукописи на болгарском языке (Евангелия, Псалтыри, Апостолы, сборники житий и поучений и т. д.)» (Динеков. Българската литература през XI—XII вв., с. 246).

Феофилакт написал свой труд на основе несохранившихся до наших дней известных ему славянских текстов и устных преданий. Немалая часть БЛ посвящена жизни и деятельности Константина-Философа и Мефодия. Достоверные сведения часто перемежаются с вымыслом. С большой симпатией византийский грек пишет об основоположниках славянской письменности и организаторах славянского богослужения. Сообщая о создателях славянской азбуки, Феофилакт на первое место ставит Мефодия, а уже затем Константина-Философа, *который был велик в языческой философии, а еще больше в христианской и познал истинную природу вещей.*

Данный порядок следования имен славянских апостолов давно укоренился в церковной службе. Объясняется это тем, что Мефодий был архиепископом, т. е. в церковной иерархии занимал более высокое положение, нежели Константин. Основная часть БЛ посвящена жизни и деятельности Климента Охридского. Перед читателем возникает очень симпатичный образ человека высоких моральных принципов, незаурядного дарования и необыкновенного трудолюбия. И одновременно с этим Феофилакт с нескрываемой антипатией и даже враждебно пишет о местном болгарском населении. «Феофилакт не любил свою паству, которая состояла преимущественно из болгар. Болгары были для него простыми, дикими... В его письмах имеются самые обидные эпитеты о болгарах» (Милев. Гръцките жития на Климент Охридски, с. 31—32, 41). Пример БЛ свидетельствует, как рискованно решать вопрос об этнической принадлежности тех или иных древних книжников по их отношению к Константину-Философу, Мефодию и их ученикам, к славянской письменности и славянскому богослужению. Не исключено, что при написании БЛ Феофилакт пользовался болгарскими

источниками, которые он порой механически, часто даже не перерабатывая их, включал в свой текст. Вот завершающий текст XXII главы БЛ: *Вообще, Климент передал нам, болгарам, все, что относилось к церкви, чем прославляется память Бога и святых и чем восхищаются души.* Так мог написать только болгарин. В связи с этим Туницкий предлагал даже иное чтение данного места греческого оригинала БЛ, но оно не было принято.

Многие слависты в прошлом высказывали сомнения в авторстве Феофилакта. Милев подробно анализирует все соображения по этому поводу и убедительно их опровергает. С полным основанием он пишет: «Мы считаем, что вопрос об авторстве Пространного жития Климента уже решен окончательно в пользу Феофилакта Охридского» (Милев. Там же, с. 71). Это не исключает того, что Феофилакт широко пользовался более древними славянскими источниками, которые не дошли до нас.

Сохранилось несколько списков рукописи БЛ. Наиболее полный известен под названием Охридского, или Московского, списка. Он был обнаружен Григоровичем в 1845 г. в Охриде и вошел в его обширную коллекцию древних славянских рукописей. В настоящее время список хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Датируется список XIV или XV в. Известен еще Ватиканский список, содержащий, однако, не весь текст жития, а также еще три списка, хранящихся в монастырях Афона. Ватиканский и Московский списки БЛ издавались неоднократно в разных странах. Среди издателей можно назвать Миклошича, Бильбасова, Туницкого, Теодорова-Балана и др. Достоверное издание греческого оригинала с переводом на болгарский язык и обстоятельным комментарием принадлежит болгарскому ученому Милеву.

Дошел до нас еще один совсем небольшой византийский памятник, известный в науке под наименованием «Охридской легенды» (в дальнейшем ОЛ). Так памятник был назван Бильбасовым. В нем речь также идет о жизни и деятельности первого славянского епископа Климента Охридского. В отличие от БЛ этот памятник принято называть «Кратким жи-

тием Климента Охридского». Автором текста был охридский архиепископ, известный византийский писатель Дмитрий Хоматиан, который жил в первой половине XIII в. Нет сомнений, что Хоматиан использовал текст БЛ. Однако в ОЛ имеются сведения, которых нет ни в БЛ, ни в других дошедших до нас памятниках. Правда, не все они вызывают доверие. Имеются и очевидные ошибки. Так, сына Бориса Симеона автор называет Михаилом. Не соответствует действительности сообщение, что Климент был рукоположен Мефодием в епископы. Это событие произошло лишь в 893 г., в новой болгарской столице Преславле, через восемь лет после смерти Мефодия. ОЛ издавалась неоднократно Григоровичем, Шафариком, Бильбасовым, Ястребовым, Ивановым, Баласчевым, Дуйчевым, Милевым и др. Известны в настоящее время пять списков ОЛ. Один из них находится в собрании Григоровича в Библиотеке им. В. И. Ленина. Сохранился древний славянский перевод ОЛ, но имеются некоторые отличия этого перевода от греческого оригинала. Так, в I главе в соответствии греческому θετταλίας в славянском переводе находим *солуньскаа*.

Сохранились службы Клименту на греческом языке, но все они содержат мало достоверных сведений. «Ценность служб как исторического источника весьма незначительна» (Туницкий. Св. Климент, епископ словенский, с. 100).

В 1856 г. в журнале «Москвитянин» Горский опубликовал неизвестный текст об открытии и перенесении мощей римского епископа Климента. Текст был обнаружен в позднем русском списке Четьи-Минеи XVI в. Позже были обнаружены еще списки. Чаще всего этот памятник называют «Сказание об обретении мощей св. Климента», но иногда «Слово на перенесение мощей св. Климента». В течение длительного времени «Сказание» не вызывало особого доверия и даже интереса. Положение изменилось после публикации Фридрихом в 1892 г. письма Анастасия Библиотекаря Гаудериху Веллетрийскому, о котором уже шла речь. Анастасий восхваляет Гаудериха за желание прославить имя знаменитого римского епископа: *Поэтому ты воздвиг в Риме молитвенный дом, который отличается необыкновенной*

красотой. Поэтому ты для своего спасения отдал все свое накопленное имущество блаженному Клименту, а через него господу богу. Поэтому ты поручил очень опытному мужу Иоанну, достойному служителю Христа, описать жизнь Климента и историю его мученичества. Наконец, ты выразил желание возложить на меня недостойного сделать перевод на латинский язык с греческого, если бы я нашел тексты у греков. Так как на латинском языке имеется уже чудесный памятник о его подвигах, остается перевести на латинский только те, которые Константин-Философ из Солуни, муж апостольской жизни, недавно написал об обнаружении мощей этого блаженного Климента. Речь идет о «Краткой истории» («Brevis historia»), о «Похвальном слове» («Sermo declamatorius») и о гимне, который исполнялся в греческих училищах. Анастасий перевел на «грубый» латинский язык «Краткую историю» и «Похвальное слово». Гимн же он послал Гаудериху в оригинале. *А свиток с гимном, который тот же Философ написал во хвалу Богу и блаженному Клименту, я не перевел, потому что латинский перевод имел бы в одном случае меньше, в другом — больше слогов, и это нарушило бы музыкальную созвучную гармонию.* К сожалению, до наших дней не дошли ни греческие оригиналы Константина-Философа, ни латинские переводы их, выполненные Анастасием.

Нет сомнений в том, что авторы ИЛ и ЖК имели в своем распоряжении названные тексты, прежде всего «Краткую историю». В ЖК упоминается «Обретение» Константина, в котором следует видеть «Краткую историю». Использованы они были и составителем ИЛ.

Известный русский археограф Викторов первый, кажется, пришел к мысли, что «Сказание об обретении мощей св. Климента» представляет собой в своей основе славянский перевод «Краткой истории» и «Похвального слова». Он полагал, что эти произведения были написаны Константином-Философом во время его пребывания в Риме. После публикации письма Анастасия заметно оживился интерес к «Сказанию». Высказывались различные предположения, гипотезы, но долго не появлялось серьезного текстологического исследования памятника. Получило в

славистике широкое распространение мнение о трудности чтения текста, о большом числе «темных» мест. Лавров писал, что отсутствие греческого оригинала создает непреодолимые трудности «и ручаться за верность некоторых неясных мест нельзя» (Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, с. XXXIX). Многие слависты сомневались в авторстве Константина-Философа. Особенно решительно против этого авторства писали Франко и Никольский. В 1934 г. болгарский филолог Трифонов опубликовал капитальное текстологическое исследование «Сказания» и перевод всего текста на болгарский язык под названием «Две съчинения на Константина-Философа (св. Кирила) за мощите на св. Климента Римски». Трифонов дал образцовый перевод всего памятника, справедливо указав на то, что «темных» мест в нем не больше, нежели в других древних текстах. Переводчик умело показал высокие художественные достоинства памятника, которые сохранились даже в посредственном славянском переводе. Текстологический анализ наглядно вскрыл, что в «Сказании» объединены два различных произведения. Первая часть восходит к «Краткой истории», вторая — к «Похвальному слову». В отличие от ЖК и ИЛ здесь не упоминается имя Константина-Философа. И это еще один довод в пользу его авторства. Известна скромность апостола. Анастасий часто встречался с Константином-Философом в Риме, но впервые узнал о его роли в обнаружении мощей Климента только в Константинополе от Митрофана уже после смерти Константина. Теперь уже не может быть сомнений в том, что «Сказание» восходит к греческому тексту апостола.

В истории славянской средневековой культуры Константин-Философ и его брат Мефодий играли большую роль. Неудивительно поэтому, что сохранилось много славянских памятников письменности, специально посвященных славянским апостолам. Кроме того, имена этих выдающихся деятелей можно встретить и в сочинениях общего характера, например в летописях. В славяноведении проделана огромная работа по выявлению всех источников, прямо или косвенно трактующих о деятельности Солунских братьев и их учеников. В разных странах появилось

много изданий славянских источников, освещающих жизнь и труды первых деятелей в области литературы и просвещения. Однако пока еще нет полного критического издания славянских источников, удовлетворяющего современным требованиям, и приходится пользоваться изданиями: Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности; Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ, 1928; Теодоров-Балан. Кирил и Методий, т. I—II, а также изданиями для учебных целей Пастрнека, Лера-Сплавинского, Гривеца, Томшича, Вайана и др.

К славянским мы относим те памятники, о греческих и латинских источниках которых ничего не знаем. Существовали ли эти оригиналы или дошедшие до нас тексты были написаны на славянском языке? Этот вопрос в отношении отдельных памятников широко обсуждался в науке. Так, Воронов решительно утверждал, что ЖК и ЖМ были первоначально написаны на греческом языке, а дошедшие до нас славянские тексты представляют собой вольный перевод греческих оригиналов. Предполагали возможность существования греческих оригиналов Миклошич, Ягич, известный русский византинист Успенский. Основной аргумент состоял в следующем: в стиле и языке ЖК и ЖМ имеется очень много греческих элементов. Однако уже давно многие русские слависты (например, Викторов, Малышевский, Лавров и др.) не признавали за этим аргументом доказательной силы. Первый славянский письменный язык создавался в результате сложного взаимодействия народной славянской речи из различных областей славянского языкового мира, греческого литературного языка и греческого разговорного народного языка. В какой-то степени следует учитывать средневековую латынь Средней Европы. Первые деятели книжной славянской культуры воспитаны были на образцах греческой античной и византийской литератур. Неудивительно поэтому, что мы находим многочисленные следы влияния греческого языка и стиля византийских авторов. При написании ЖК автор широко пользовался произведениями Константина-Философа, нередко включал их целиком в свой текст. Не следует забывать, что все оригинальные сочинения

Константина-Философа написаны на греческом языке. Значительно убедительнее аргумент тех ученых, которые полагают, что оба жития были написаны по-славянски. Так считал выдающийся знаток древних славянских текстов Соболевский, так в настоящее время считают большинство специалистов в области старославянской письменности и старославянского языка. Лер-Сплавинский с полным основанием мог написать, что «весь характер языка и стиля представляется настолько свободным и самостоятельным, что трудно сомневаться в том, что жития являются оригинальными славянскими произведениями, а не переводами с чужого языка. Самое большое можно предположить, что во время написания житий авторы пользовались материалами или записками, написанными на греческом или латинском языках» (Lehr-Spławiński. Żywoty Konstantina i Metodego, s. XXVIII—XXIX). Еще более категоричен Погорелов: «Мы можем категорически утверждать, что ЖК было написано на славянском языке, а не на греческом, то же самое следует сказать и о ЖМ» (Погорелов. На каком языке были написаны так называемые Паннонские жития, с. 21). С утверждениями Соболевского, Лер-Сплавинского и Погорелова можно вполне согласиться лишь с одной оговоркой. В тексте «Паннонских легенд», написанных на старославянском языке, есть некоторые главы и разделы, первоначально написанные по-гречески. В ЖК это те места, которые восходят к текстам самого Константина-Философа.

Перевод греческих и латинских источников на современные языки, как правило, не представляет существенных трудностей. Конечно, и в данном случае мы встречаемся с разночтениями, что обычно объясняется не языковыми, а стилистическими причинами. Некоторые ученые переводят текст буквально, другие — стремятся найти свои стилистические или фразеологические эквиваленты. Отдельные разночтения вызваны расхождениями в толковании трудных историко-культурных и церковных событий и реалий. Иначе обстоит дело с переводами славянских источников. В ряде случаев трудности настолько велики, что исследователи предпочитают цитировать тексты оригинала, не утруждая себя переводом их на родной

язык. В существующих переводах на славянские языки имеется много противоречий и разночтений. Вот один типичный пример из VIII главы ЖК. Текст и СИЛѪ РѢЧИ ПРИИМЪ Успенский перевел «и усвоил себе речь его», Малышевский — «воспринял от него силу русской речи», Ламанский — «принял силу речи», Барац — «воспринял силу русской речи», Франко — «усвоил значение слов», Огиенко — «усвоил произношение», Лавров — «и усвоил этот новый язык», Лер-Сплавинский — «и усвоил значение слов», Неделькович — «и овладев силой речи» и т. д. В данном случае оригинальный текст не представляет больших сложностей для перевода. В трудных случаях расхождения в переводах более значительны. Все это объясняется уровнем славянской исторической лексикографии. К сожалению, у исследователей древней славянской письменности нет надежных исторических словарей. В существующих словарях недостаточно полно описаны значения слов, не показана эволюция значений, не отражена фразеология и т. д. «Словари Востокова, Миклошича и Срезневского не удовлетворяют самым элементарным требованиям исследователя», — резко, но справедливо писал Соболевский (Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, с. 118). На том же уровне составлены словари Даничича и Гебауэра. «Slovník jazyka staroslověnského» под редакцией Курца представляет собой весьма ценный словоуказатель, содержащий хорошо подобранные и проверенные цитаты. Однако в разработке значений, их эволюции этот словарь не отличается от прежних. Более высок лексикографический уровень древнепольского словаря, но он мало может помочь в чтении кирилло-мефодиевских текстов. Все составители исторических славянских словарей в своей древнейшей части опираются на памятники XI—XIV вв. Однако нет сомнений в том, что уже в это время многие общие в славянских языках слова имели различные значения или различный набор значений, различную иерархию значений. В данном случае перед переводчиком стоит труднейшая задача реконструкции значений слов того периода, когда создавался оригинал, т. е. для ЖК, ЖМ — вторая половина IX в. К сожалению, встречаются ошиб-

ки, вызванные небрежностью авторов. Так в указанном эпизоде из VIII главы ЖК в сербском переводе Неделькович читаем: *ускоро поче читати и причати на самарићанском.* В данном случае речь идет об Евангелии и Псалтыри, написанных «роскими писмены». Эпизод с самаритянином изложен выше.

Среди славянских источников первое место, бесспорно, принадлежит ЖК и ЖМ. Первым на это обратил внимание выдающийся русский археограф Горский. В журнале «Москвитянин» за 1843 г. он опубликовал извлечения из ЖК и ЖМ и показал важность этих памятников. «Открытие проф. Горским пространных житий Кирилла и Мефодия, этого уникального источника по истории славянской культуры и письменности, дало возможность разработать вопрос о Кирилле и Мефодии и их деятельности гораздо шире, полнее и обстоятельнее, чем это делалось раньше как на Западе, так и у нас в России» (Державин. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии, с. 14).

Первым издателем этих памятников был Шафарик. Позже они неоднократно издавались с научными и учебными целями. Следует согласиться с Дуйчевым, который справедливо пишет, что «мы даже и в настоящее время не обладаем научным, критическим изданием текстов обоих староболгарских памятников, покоющимся на всей или по крайней мере на главнейшей нашей рукописной традиции» (Дуйчев. Към тълкуването на пространните жития на Кирила и Методия, с. 53). Слова болгарского ученого можно повторить и после публикации ЖК и ЖМ в третьем томе сочинений Климента (София, 1972). Горский назвал ЖК и ЖМ «Паннонскими легендами», так как полагал, что оба памятника были созданы в Паннонии. Их часто называют еще «Пространными житиями».

До сих пор еще не осуществлен детальный анализ структуры и стиля ЖК и ЖМ. Между тем даже при поверхностном знакомстве с текстами житий легко заметить разнохарактерный и разностильный методы изложения фактов. Существенно различается язык и стиль отдельных глав, манера повествования, характер изображения событий. Протокольный и сухой язык неожиданно сменяется образцами вы-

сокой поэзии. Это особенно типично для ЖК. Нет сомнений, что в ЖК есть целые разделы, принадлежащие перу Константина (например, XVI глава).

О ЖК написано много. Были попытки доказать, что оба жития написаны по византийской агиографической схеме. Против этого положения выступил Гривец. К сожалению, до сих пор отсутствует детальный и строгий текстологический анализ житий. А без этого трудно уяснить историю создания ЖК. Очевидно, что самостоятельный авторский текст здесь перемежается с вставками чужого текста, который в одних случаях дается целиком, в других — сокращенно. Так, диспут в хазарском каганате в своей основе восходит к греческому тексту Константина-Философа, который позже со значительными сокращениями был переведен на славянский язык Мефодием. Краткий пересказ перевода Мефодия вошел в ЖК. Здесь же можно обнаружить в славянском переводе художественное произведение Константина, например знаменитое место из выступления на венецианском диспуте против триязычия, которое начинается словами: *Не падает ли дождь с неба для всех одинаково.*

Реконструкция первоначального текста ЖК и ЖМ представляет собой чрезвычайно сложную задачу, так как дошедшие до нас тексты в разное время дополнялись и сокращались. В своих исследованиях ученые далеко не всегда учитывают сложную текстологическую историю ЖК и ЖМ. В качестве примера можно назвать работу Мечева «Към въпроса за авторството на пространните жития на Кирил и Методий». Автор убежден, что ЖК и ЖМ принадлежат перу Климента Охридского. До Мечева так думали многие. Так считал еще в первой половине XIX в. Ундольский. Мечев доказывает это сопоставлением и толкованием различных мест из обоих памятников в том виде, в каком они дошли до наших дней. Очевидно, что решить поставленную задачу можно лишь после реконструкции первоначального текста, после снятия всех интерполяций. Кроме того, следует строго разграничивать сопоставление авторского текста и текста цитат из древних авторов, которых много в ЖК и ЖМ. Нужно осуществить подлинно научное издание ЖК и ЖМ, а уже затем

можно приступить к решению той задачи, которую поставил перед собой вслед за многими славистами Мечев.

Особенно сложной была судьба первоначального текста ЖМ, богатого болгарскими интерполяциями. Работа над текстом ЖМ началась еще в Моравии до окончательного запрещения славянского богослужения и изгнания учеников Мефодия за пределы страны. Об этом убедительно свидетельствует начало V главы, где, вопреки истине, сообщается, что организатором моравской миссии в 863 г. был не только Ростислав, но и Святополк, активный враг богослужения на славянском языке. Это, конечно, было отлично известно автору ЖМ, но таким путем он стремился в сложной и опасной ситуации 885—886 гг. повлиять на моравского князя, указать ему, что он несет ответственность за судьбы важного дела, которое 23 года тому назад началось по его инициативе. Примечательно, что в ИЛ организатором моравской миссии называется уже только один Святополк.

ЖК известно по многим спискам. Так, в «Чтениях» Общества истории и древностей российских за 1863 г. Бодянский издал 16 списков ЖК. Миклошич знал уже 17 списков. В настоящее время известны 53 списка, из которых опубликовано 19. Самые ранние списки ЖК датируются XV в. ЖК сообщает много интимных подробностей о детских годах жизни апостола. Это дает основание полагать, что какое-то участие в работе над ЖК принимал Мефодий. Самый ранний список ЖМ находится в «Успенском сборнике XII—XIII вв.». Сборник был обнаружен в середине XIX в. в книгохранилище Успенского собора в Московском Кремле. В настоящее время известно 15 списков ЖМ. Автору «Повести временных лет», в которой находим бесспорные цитаты из ЖМ, этот памятник был хорошо известен.

Споры о времени и месте создания ЖК и ЖМ не прекращаются и по сей день. О времени появления памятников порой высказывались самые фантастические гипотезы и предположения. Так, сравнительно недавно болгарский филолог Киселков решительно утверждал, что ЖК и ЖМ были написаны... в XVв.! И это при том, что самый древний список ЖМ

находится в «Успенском сборнике XII—XIII вв.». Наиболее убедительным представляются мне следующие положения, принятые в настоящее время многими славистами. ЖК было составлено по-славянски вскоре после смерти Константина-Философа еще в Моравии одним из ближайших учеников славянских апостолов. Во время работы над ЖК автор получал различную информацию о жизни Константина-Философа у Мефодия. Некоторые слависты утверждают, что автором был Климент. Однако убедительных аргументов нет, так как пока мы не располагаем всесторонним анализом художественного стиля произведений этого ученика Солунских братьев. Включение ЖК в труды Климента Охридского следует считать преждевременным. В еще большей степени это относится к ЖМ.

Болгарский ученый Дуйчев полагает, что ЖК было составлено до 882 г. Его доказательства убедительны и сводятся к следующему. Одним из источников ИЛ было ЖК. Это бесспорно. Автор ИЛ посвятил свое произведение папе Иоанну VIII, который скончался 16 декабря 882 г. Это свидетельствует, что житие было написано в период между смертью Константина-Философа (14 февраля 869 г.) и смертью Иоанна VIII (16 декабря 882 г.) еще при жизни Мефодия (он скончался 6 апреля 885 г.) (Дуйчев. Към тълкуването на пространните жития на Кирила и Методия, с. 102). Дворник сужает хронологические рамки. Он полагает, что ЖК было составлено между 874 и 880 гг. (Dvorník. Byzantské misie u Slovanů, s. 192).

ЖМ в Моравии не могло быть завершено. Возможно, основной текст был создан в Моравии в очень тревожное время и в короткий срок. «Вероятно, спешность, с какой писано было житие Мефодия, а отчасти, быть может, недостаточная ясность оригинала, с которого сделан список, объясняют многочисленные в нем неисправности, которых нет в житии Константина, несмотря на то что его размеры гораздо значительнее» (Лавров. Материалы по истории возникновения древней славянской письменности, с. XXIX).

Есть основание полагать, что дошедший до нас текст ЖМ окончательно был завершен уже в Бол-

гарии. «Написание ЖМ нужно отнести хронологически не непосредственно после апреля 885 года, а к немного более позднему времени — во всяком случае, до конца века — и это произошло во время пребывания учеников Мефодия в Болгарии» (Дуйчев. Там же, с. 117). Лишь в Болгарии книжник мог вложить в уста императора Михаила III известное заявление, которое приводится во многих пособиях по старославянскому языку: *Вы оба солуняне, а все солуняне свободно говорят по-славянски.* В ЖК, где диалог Михаила III с Константином-Философом изложен значительно подробнее, этого недостоверного утверждения нет. Здесь же содержится ошибочное утверждение, что через три года братья, обучив учеников, вернулись из Моравии на родину. Все это убедительно говорит о том, что автором ЖМ не мог быть Климент. Бесспорно, авторами ЖК и ЖМ были различные книжники. В X главе ЖМ есть место, которое дает основание считать, что автором текста был не местный мораванин. Глава заканчивается словами: *тем более, что и Моравская область начала расширяться во все стороны и врагов своих побеждать, не зная неудач, как они сами* (т. е. моравские славяне, мораване. — *С. Б.) всегда говорят об этом.*

ЖК и ЖМ являются самыми достоверными источниками для восстановления событий личной жизни и деятельности Солунских братьев. Многочисленные попытки дискредитации этих памятников в конце концов оказывались несостоятельными или касались несущественных, второстепенных фактов. Менее достоверным текстом является ЖМ, которое содержит ряд поздних интерполяций, выявление которых в большинстве случаев не представляет трудной задачи.

Самая известная попытка дискредитации ЖК принадлежит акад. Ламанскому, автору сочинения «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник». Автор исходит из верной посылки, что житиям нельзя доверять в той степени, в какой мы доверяем летописям. «Это не хроника и летопись, а литературный, частью художественный, частью дидактический памятник... У авторов житий иная совсем задача, чем у летописцев» (Ламанский. Славянское житие

св. Кирилла..., — ЖМНП, № CCCXLVI, с. 347). Это справедливо, хотя и летопись требует от исследователя всесторонней критической проверки. Написанное зло и остроумно сочинение Ламанского больше напоминает литературный памфлет, нежели строгое текстологическое исследование. Автор бездоказательно отвергает многие принятые в науке положения, сам же выдвигает в ряде случаев фантастические гипотезы. Достаточно привести одну: «Позволю себе утверждать, что славянские первоучители отправились в Хазарию уже со списками изготовленных у них переводов» (Ламанский. Там же, с. 359). Имя известного ученого защитило его от критики. Авторы последующих трудов, как правило, обходят сочинение Ламанского молчанием.

Между ЖК и ЖМ, с одной стороны, и кирилло-мефодиевскими текстами, созданными уже в Болгарии в «золотой век болгарской литературы» — с другой, во многих случаях находим расхождения и противоречия. Большинство специалистов в настоящее время с полным основанием отдают предпочтение ЖК и ЖМ, считая их сведения более достоверными и объективными. Дворник очень высоко оценивал достоверность ЖК и ЖМ. В руках опытного и трезвого историка, умеющего отсеять все легендарное и очевидно недостоверное, оба славянских памятника, в бо́льшей степени ЖК, дают ценнейшие сведения по истории Византии IX в., не уступающие по своему значению тем, которые содержатся в собственно византийских источниках. Так писал выдающийся чешский византинист. Некоторые исследователи придерживаются противоположного мнения, полагая, что создатели ЖК и ЖМ отражали события тенденциозно. Тенденциозными, конечно, были все дошедшие до нас памятники древней письменности. Однако нужно понять характер и истоки этой тенденциозности. В Моравии и Паннонии она могла отразиться в изложении борьбы деятелей славянской церкви с немецким духовенством, с папской курией. Здесь противопоставлены были две силы: славяне и враги славян. Имелся еще один немаловажный аспект, который в какой-то степени до сих пор оказывает влияние на решение существенных вопросов истории славянского богослужения в Моравии и Пан-

нонии. Речь идет о том, в какой степени и как славянские апостолы сглаживали острые противоречия между Римом и Константинополем, во всех ли случаях они следовали в церковных делах Византии или в чем-то уступали Риму? В Болгарии ситуация была иной. Здесь шла борьба с Византией за самостоятельную болгарскую церковь, за богослужение на славянском языке. В учениках славянских апостолов болгарский князь Борис хотел найти помощников, защитников прав болгар иметь свою самостоятельную церковь. Нужно было показать, что создатели славянской письменности и организаторы богослужения на славянском языке были болгарами, что еще до моравской миссии в Македонии Константин-Философ проповедовал слово божье на славянском языке, крестив большое число язычников, что уже тогда существовала славянская письменность. Все это ученики и старались отразить в своих сочинениях, написанных уже в Болгарии. Вот почему при наличии расхождений между моравско-паннонскими и болгарскими памятниками при изложении собственно славянской проблематики больше доверия вызывают первые памятники. Так думали в прошлом, думают и в настоящем большинство славистов.

В древнеславянской письменности известны сборники, носившие название прóлогов. По своему содержанию это были сборники кратких житий святых, расположенных по месяцам и дням года. Они возникли в Византии в X—XII вв. Древнейшие известные нам славянские прологи с добавлением житий славянских святых датируются XII в. Естественно, что в славянских прологах находим краткие жития Константина-Философа и Мефодия, канонизированных не только православной, но и католической церковью. Это так называемые «Проложные жития». Их сохранилось несколько, наиболее древние от XIII в. К сведениям проложных житий нужно относиться очень осторожно, так как в них содержится много недостоверного.

Очень ярко и последовательно уже болгарские тенденции отражает памятник, известный под названием «Успение Кирилла» (в дальнейшем УК). Оно написано с использованием ЖК с многими дополнениями, речь о которых будет далее. «По своему со-

держанию «Успение» представляет много новых фактов, но большинство их не вселяет к себе доверия» (Бильбасов. Кирилл и Мефодий, ч. II, с. 16). Впервые оно было опубликовано Гильфердингом в 1858 г. Позже были осуществлены публикации и других списков. Близок УК по ряду сообщений текст «Солунской легенды» (в дальнейшем СЛ), впервые опубликованной в 1856 г. Константиновым. Текст представляет собой как бы автобиографический рассказ Константина-Философа о крещении им болгар, живших в Македонии в районе реки Брегальницы. Сохранились три поздних списка.

СЛ является поздней компиляцией, объединяющей житие Кирилла Кападокийского (VII в.) и Константина-Философа. В книге «Северна Македония» (София, 1906) Иванов, опираясь на этот ненадежный источник, стремился доказать, что все сведения СЛ относятся только к Кириллу Кападокийскому. На этом основании он утверждал, что славяне в районе Брегальницы были крещены уже в VII в. и что у них была в то время славянская письменность. В своих более поздних публикациях (например, в книге «Български старини из Македония») автор ограничивается только публикацией текста. Некоторые ученые, цитируя СЛ, даже не упоминают о том, что речь идет о Кирилле Кападокийском. В оценке памятника следует согласиться с Динековым. «Рассказ имеет легендарный характер и как исторический источник о деятельности Кирилла не имеет особой ценности» (Динеков. Българската литература през XI—XII вв., с. 249). Нам известно пять списков СЛ.

Дошли до нас так называемые «Похвальные слова Кириллу и Мефодию» в различных списках. Наиболее древний список конца XII в. входит в «Успенский сборник XII—XIII вв.». «Похвальные слова» во многом стоят ближе к моравско-паннонским памятникам, нежели к УК или СЛ. Написаны они ритмической прозой в соответствующем стиле похвальных слов, особого вида церковной ораторской речи, истоки которой восходят еще к дохристианской эпохе. Они произносились вслух, содержали много общих мест, обращены были не к уму, а к сердцу верующих. Поэтому они очень поэтичны, эмоциональны, но мало содержат конкретных фактов из жизни святого. По-

хвальные слова иногда называются похвальной беседой, похвалой и даже просто словом. Существовали строгие правила составления «Похвальных слов». Издавались «Похвальные слова» неоднократно, последний раз — в первом томе сочинений Климента Охридского в 1970 г. Серьезных оснований считать Климента автором данного «Похвального слова» нет. В свое время чешский славист Вондрак высказал предположение об авторстве Климента Охридского, но убедительных данных привести не мог. Не смог это сделать и последний издатель Ангелов. В настоящее время известно 26 списков, в большинстве случаев русской редакции.

Существует «Похвальное слово» в честь Константина-Философа. Текст бесспорно принадлежит перу Климента Охридского, который написал его уже будучи епископом. Авторство указано в самом памятнике: ПОХВАЛА СТМУ КИРИЛУ ОУЧИТЕЛЮ СЛОВѢНЬСКУ ЯЗЫКУ СЪТВОРЕНО КЛИМЕНТОМЪ ЕПКПОМ. Этот текст находим в Савваитовом списке (русская редакция, XIV—XV вв.). Большинство сохранившихся списков содержит данный текст иногда с некоторыми вариантами. В списке из собрания Михановича (Загребский список) читаем: КЛИМЕНТОМЬ ПАПОМЬ РИМСКИМЪ. Аналогичный текст находим в Хлудовом списке (сербская редакция, XIV в.). В самом старом Севастьяновом списке (болгарская редакция, XIII в.) имя автора «Похвального слова» не указано. Всего дошло до наших дней 23 списка «Похвалы». Различные списки издавались неоднократно Викторовым, Срезневским, Шафариком, Лавровым, Теодоровым-Баланом, Ивановым и др.

Приведем небольшой отрывок в переводе на русский язык из «Похвального слова» Константину-Философу (естественно, что здесь он назван своим монашеским именем Кирилл), написанного Климентом Охридским. Отрывок дает яркое представление о стиле «Похвальных слов»: *Но какие уста могут передать сладость его учения? Какой язык может рассказать о подвигах, трудах и доброте его жизни? Бог создал эти уста светлее солнечного света, чтобы просветить помраченных в греховном обмане. Его язык пролил сладостные и животворные слова. Пречистые его*

уста расцвели как цвет премудрости. Его пречистые пальцы создали духовные органы и их украсили златоозаренными буквами. Через эти богогласные уста они напоили жаждущих разума Божьего. Через них они усладили многих, принимающих жизненную пищу. Бог через них обогатил благоразумием многие народы, для которых был послан этот новый апостол. Из этих уст вытекал источник живых слов, которые напоили страдающих от сухости нашу душу и они закрыли многохульный язык еретиков. Так что эти пречистые уста явились как серафим, который прославляет Бога и через них мы познали Божество в трех источниках, по существу единые, а по свойствам и по именам разделяемое и одинаково прославляемое вечно сущего отца и духа святого.

Сохранились так называемые «Службы» Солунским братьям. Их содержат Минеи-Четьи, т. е. ежемесячные чтения жизнеописаний святых. Новой информации они почти не содержат, но представляют особый интерес для историков литературы, так как являются «древнейшими высокопоэтическими образцами древнеболгарской художественной литературы» (Райков. Два новооткрити преписа от службата на Кирил-Философ, с. 218). С этой стороны сам жанр служебных миней всесторонне рассмотрен Муличем в интересной статье «К вопросу о художественном мастерстве в древнейших славянских переводах служебных миней».

Упоминания о деятельности Константина-Философа и Мефодия содержатся во многих церковных текстах, в летописях, преданиях и т. д. В них много легендарного, недостоверного, вымышленного. Обзор всех этих данных не входит в задачу, поставленную автором.

Дошли до наших дней два небольших по объему, но ценных по ряду сообщений жития Наума. Греческие их оригиналы неизвестны. Это дает основание рассматривать их как оригинальные славянские произведения. Первое (более старое) житие было обнаружено в Зографском монастыре в 1906 г., а список идет от XV в. Житие было написано вскоре после смерти Наума одним из учеников Климента, о чем сообщает текст жития: *сего блаженного Климента ученик бывший.* Написано житие было по поручению

четвертого славянского епископа Марка. Второе житие дошло до нас в сборнике XVI в. Некоторые филологи полагают, что оригинал этого жития был написан по-гречески. Текст жития относится к более позднему времени (так как несомненна зависимость этого текста от текста жития Климента, написанного Феофилактом) и содержит ценные сведения. Первое житие Наума начинается так: *И пусть, братья, не останется без памяти брат сего блаженного Климента, друг и сострадания перенесший с ним многие беды и мучения от еретиков пресвитер Наум.* Согласно данному тексту, Климент и Наум были братьями. Однако многие слависты считают, что здесь слово *брат* употреблено в переносном значении. Завершу свой краткий обзор «Сказанием о письменах» Черноризца Храбра.

«Сказание о письменах» Черноризца Храбра — сравнительно небольшой памятник. Однако ему посвящена огромная литература. Писали о сказании многие слависты. Достаточно назвать имена Калайдовича, Шафарика, Гануша, Ягича, Лаврова, Погорелова, Виленского, Ильинского, Иванова, Мазона, Генова, Конеского и др. Капитальное исследование текста и издание дошедших до нас 73 списков сказания выполнены болгарским филологом Куевым (см.: Куев. Черноризец Храбър).

Мы ничего не знаем о Черноризце Храбре. Первые издатели текста не указывали имени автора. Лишь Калайдович, издавший в 1824 г. один из списков «Сказания», впервые упомянул имя Храбра. Многие исследователи считали имя Храбр псевдонимом, за которым скрывались то Иоанн Экзарх, то царь Симеон, то Климент Охридский и т. д. Сам текст «Сказания» не содержит даты его создания, не указывает места его написания. Это создает большие трудности в решении ряда важных вопросов. Отсюда и значительные расхождения по многим пунктам среди славистов. Подробное изложение всех споров читатель найдет в названной монографии проф. Куева. Мне представляются убедительными соображения тех ученых, которые полагают, что «Сказание» было написано в конце IX в. книжником из того круга древнеболгарских писателей, творчество которых несет на себе следы книжных моравских традиций. *Мало кто*

знает из ученых греков, кто создал греческую азбуку, пишет Храбр. *Вот спросите славян и каждый вам ответит: святой Константин, называемый Кирилл, эти письмена создал и книги перевел вместе со своим братом Мефодием. И теперь еще живы те, кто их видел.* Из сохранившихся 73 списков «Сказания» этот пассаж встречается только в трех. Это свидетельство очень ценно, если, конечно, данное место не является поздней интерполяцией.

ЖИЗНЬ

В северо-восточном углу Солунского залива, окаймленного с запада Фессалией, а с востока Халкидонским полуостровом, расположен второй по величине и значению в Греции город Солунь (Фессалоники, Салоники), насчитывающий в настоящее время около 400 тысяч жителей. Солунь — крупный портовый, промышленный и торговый город, играющий с давних времен значительную роль в экономической жизни не только Балканского полуострова, но и всего Средиземноморья. Город основан царем Кассандром на месте древнего поселения Терма. В 148 г. до н. э. он был завоеван римлянами и стал главным городом римской провинции Македонии. В византийский период своей истории Солунь — второй город после Константинополя. Неоднократно подвергался нападениям со стороны готов, славян, арабов, норманнов и др. Первое зафиксированное нападение славян на Солунь произошло в конце VI в. Речь идет об известном памятнике «Чудеса св. Димитрия». Совершенно бесспорно, что в VII в. в Македонии существовали районы, уже сплошь заселенные славянами. В конце VII в. (в 675, 678, 685 гг.) византийские источники отмечают осаду города славянами. В осаде принимали участие славянские племена ринхины, смоляне, стримонцы, сагудаты, дреговичи, виниты, велегезичи, милинги, езерцы и др. Примечательно, что источники сообщают об осаде города не только с суши, но и с моря. В этом нет ничего удивительного, так как во второй половине VII в. славяне жили уже на островах Эгейского и Ионического морей. Однако, несмотря на все успехи славянской экспансии на Балканский полуостров, славянам никогда не удавалось овладеть городом. Тем не менее город испытал интенсивную инфильтрацию славянского населения, которое жило в непосредственной близости от Солуни. Доподлинно известно, что уже в VIII—IX вв. славяне составляли часть городского населения. Основным населением города были греки, принадлежавшие к

привилегированной части жителей. Кроме греков в городе жили армяне, евреи, арабы, персы и представители других народностей. Местные славяне были ремесленниками, мелкими торговцами, многие из славян работали прислугой в богатых византийских семьях. Крестьяне из ближайших сел вели оживленную торговлю на городских базарах.

Я уже упоминал об одном недостоверном месте в ЖМ. Речь там шла о словах императора Михаила III, сказанных им якобы Константину-Философу перед отправлением Солунских братьев в Моравию: *Вы оба солуняне, а все солуняне свободно говорят по-славянски.* В действительности же языковая ситуация в городе была иной. Господствовал греческий язык, язык не только греческого населения Солуни, но и язык общения различных народностей города. Хорошо знать славянский язык здесь могли только местные славяне.

В первой половине IX в. в городе высокое положение занимал некто Лев. Глава II ЖК начинается словами: *В Солуне жил некий человек благородного происхождения и богатый по имени Лев.* При местном стратиге он занимал должность друнгария. «Стратиги фем вместе с доместиками тагм, друнгариями, катепанами, клисурхами, архонтами составляли значительную группу людей, наделенную всей полнотой власти на местах и пользующихся огромным влиянием» (Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры, с. 125). В «Проложном житии Константина» сообщается, что Лев был сотником. Не все слависты одинаково характеризуют социальное положение Льва и его семьи. Так, Шевченко считает, что Лев принадлежал к средним слоям провинциальной византийской администрации. (Ševčenko. On the social background of Cyril and Methodius. Studia palaeoslovenica). Аналогичные взгляды высказывали и другие исследователи (например, Тыпкова-Заимова). Все дошедшие до нас факты, однако, говорят о другом. При первой встрече с хазарским каганом на званом обеде Константин-Философ сказал: *У меня был дед великий и прославленный, который стоял близко к императору (царю), но данную ему славу отверг и за это был изгнан. Придя в чужую страну, он обнищал и там меня*

породил. Я же, ища древней чести деда, не обрел ее, так как я внук Адама (ЖК). Этот весьма туманный и неопределенный ответ, по мнению некоторых исследователей, не имеет никакого отношения к личной биографии Константина. Здесь якобы в аллегорической форме выражено желание достичь идеала человека до его грехопадения. Этот ответ, по свидетельству ЖК, вызвал одобрение присутствующих (*достойно и истинно говоришь, гость*). После этого ответа Константину стали оказывать еще большую честь. Как все это объяснить? Объяснение может быть только одно — присутствующие поняли, что гость является внуком византийского вельможи, стоявшего близко к императору. Ведь на поставленный вопрос ждали конкретного ответа. Нужно было знать, куда посадить гостя в зависимости от его происхождения и чина. Трудно, конечно, теперь с полной уверенностью определить, какой смысл в свой ответ вкладывал сам Константин.

Друнгар Лев был богат и вел праведную жизнь. Имел жену Марию и семерых детей, из которых самым младшим был будущий Константин-Философ. Следует, однако, иметь в виду, что число семь в древности было сакральным. Поэтому данное сообщение в ЖК и в других источниках у некоторых ученых не вызывает доверия. В ЖК указано *седмь отрочищ*, в «Похвале Кириллу и Мефодию» читаем — *роди же сынов семь*, в другом списке — *седмороден обрете ся.* В «Похвале Кириллу-Философу», написанной Климентом, сообщается, что апостол имел братьев и сестер.

В 841 г. Лев скончался. Высказывали предположение, что он умер от ран, полученных во время похода Феоктиста в Пелепонес против славян, в котором Лев принимал активное участие (Dvorník. Byzantské misie u Slovanů, s. 73—74). Жену Льва Марию некоторые исследователи причисляют по происхождению к местным славянам, другие — считают, что она принадлежала к аристократическому греческому семейству и якобы находилась в родстве с логофетом Феоктистом. Оба утверждения не подтверждаются источниками.

Старшим сыном в семье был известный нам только под монашеским именем Мефодий. Относительно

подлинного имени Мефодия высказываются различные предположения. Вероятно, при крещении он получил имя Михаила. Старший Мефодий и младший Константин прославили семью Льва. О других детях никаких сведений не сохранилось. Ни один из источников не указывает даты рождения Мефодия. В результате сопоставления различных фактов принято считать, что Мефодий родился в 815 г. Дата рождения Константина (827 г.) подтверждается ЖК и УК. ЖК свидетельствует, что в год смерти Льва (841 г.) Константину было 14 лет. В УК читаем: *Константин, нареченный Кириллом, скончался 42 лет в 14 день февраля второго индикта от сотворения мира в 6377 году* (т. е. по христианскому летосчислению в 869 г.). Таким образом, разница в годах братьев была значительной. Константин был еще совсем молодым человеком, когда старший Мефодий, имевший уже большой жизненный опыт, безоговорочно признал авторитет младшего брата. Это было настолько необычным, что вслед за Шафариком Бильбасов пытался даже пересмотреть вопрос о времени рождения братьев. Вопреки всем источникам, он считал, что старшим братом был Константин. Точную и достоверную характеристику братьям дал Ягич. Старший был человеком практики, отличным администратором, сильным, волевым и храбрым человеком. Константин обладал блестящими способностями, был всесторонне образованным человеком, талантливым поэтом, знатоком многих языков, выдающимся оратором и сильным полемистом.

Согласно принятому обычаю, Мефодий в восемнадцатилетнем возрасте в 833 г. начал военную службу. По всей видимости, он проходил ее в столице на виду у императора Феофила. В «Проложном житии Мефодия» отмечено, что родился Мефодий *в благородном и богатом семействе*, что с юных лет был *мудр беседой и крепок телом, и этим был известен императору, который всегда его держал при себе.* У него рано обнаружились административные способности. Он пользовался у всех большим уважением и любовью, а *император, узнав о его необыкновенной способности (быстрость его), отдал ему во владение славянское княжество... чтобы он мог изучить все обычаи славян и немного к ним привыкнуть, так как*

предполагал, что в будущем придется его послать к славянам как учителя и первого их архиепископа (ЖМ). В «Проложном житии Мефодия» читаем: *Когда ему исполнилось двадцать лет, его поставили воеводой в славянской области. Пробыв на этой должности десять лет, Мефодий изучил славянский язык.* Если мы примем названный год рождения Мефодия, то следует признать, что он занимал свою должность с 835 по 845 г. Источники не локализуют воеводства Мефодия. По этому вопросу имеются различные предположения. Славяне в середине IX в. жили еще в различных областях империи, даже в Малой Азии. Будучи воеводой, Мефодий приобрел большой жизненный опыт, хорошо изучил обычаи местных славян и их язык. К сожалению, ЖМ ничего не сообщает о жизни и деятельности Мефодия на посту воеводы славянской области. По какой-то причине автор ЖМ не придавал этому периоду жизни Мефодия большого значения. В литературе, посвященной кирилло-мефодиевской проблематике, можно найти много различных утверждений и предположений, относящихся к этим годам жизни Мефодия. Все они не находят подтверждения в источниках и являются лишь домыслами. К ним, например, относится утверждение, что именно в это время Мефодий начал переводить тексты с греческого на местный славянский диалект, пользуясь греческими буквами. «Во время своей военно-административной деятельности в «славянском княжестве» Мефодий создал славянский текст «Закона судного людям», который был написан на славянском языке греческими буквами» (Панов. Дејноста на Кирил и Методија во Македонија, с. 174—175). «Конечно, — утверждает Георгиев, — Мефодий не мог не стремиться распространить среди них христианское культурное наследство» (Георгиев. Кирил и Методий, с. 313). А это можно было осуществить лишь на родном языке паствы.

Иначе сложилась судьба молодого Константина. Очень рано у него обнаружились необыкновенные способности и интерес к отвлеченным философским и богословским занятиям, к самостоятельному поэтическому творчеству. Об этом подробно сообщает ЖК. Эти сведения достоверны, так как автор ЖК получал

их непосредственно от Мефодия. Константин очень рано научился читать и поражал всех своей начитанностью. *Когда Константина отдали в школу, он учился лучше всех учеников, удивляя всех своей сильной памятью и умением* (ЖК). Рано у него обнаружились полиглотические способности, которые в многоязычной Солуни могли получить благоприятное развитие. В «Похвальном слове Кириллу и Мефодию», древнейший список которого дошел до нас в «Успенском сборнике XII—XIII вв.», читаем: *Был дан ему дар чудесный говорить на языках как и апостолу* (Павлу). Уже в детстве его любимым писателем был Григорий Богослов (Назианзин), знаменитый византийский писатель и церковный деятель IV в. Отрок Константин пишет в честь Григория Богослова похвалу, славянский перевод которой в сокращенном виде находим в ЖК. Обращаясь к Григорию Богослову, юный поэт восклицает: *Прими меня, который преклоняется перед тобой с любовью и верой, и будь мне учителем и просветителем.* Позже Константин еще создает молитву-похвалу в честь Григория. Следы влияния Григория Богослова обнаруживаются во многих местах ЖК.

В ЖК описываются различные эпизоды из детских лет Константина. *Однажды Константин вместе со своими товарищами, которые имели обычай развлекаться соколиной охотой, пошел в поле, взяв с собой своего сокола* (в тексте ястреба). *Он пустил его, но внезапно по воле Божьей поднялся сильный ветер и унес его сокола. Отрок пришел от этого в уныние и печаль и два дня ничего не ел...* . Обычно переводчики этого места ЖК сохраняют в переводе слово *ястреб.* В рукописи XV в. соответствующее место читается: *изиде съ ними на поле, ястребъ свои въземъ.* Украинский переводчик книги Лаврова «Кирило та Методий в давно-слов'янському письменстві» это место переводит *вийшов у поле, узявши свого яструба* (Лавров. Там же, с. 241). Аналогично поступают переводчики других славянских языков (ср. перевод на сербский Неделькович: *изиђе и Константин у поље и узе свога јастреба* (с. 49)). Однако в более поздних списках ЖК в соответствующем месте находим *крагуил*, т. е. сокол (см.: Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской пись-

менности, с. 41). Это слово в значении *сокол* хорошо известно южнославянским языкам. О существовании у славян охоты с помощью ястребов нет никаких сведений. Вот почему я вслед за Куевым (ср. «Христоматия по старобългарската литература», с. 105) не сохраняю в данном случае слово списка ЖК XV в., а отдаю предпочтение более поздним спискам.

Случилось, что в это время в Солуни появился бродячий учитель грамматики. Константин пришел к нему, упал ему в ноги и попросил научить его искусству грамматики. Однако учитель этот, закопав свой талант в землю, отказал ему. — «Юноша, не досаждай мне; я принял решение до конца своих дней никого не обучать этой науке». — Напрасно со слезами на глазах Константин молил его, говоря, возьми всю часть моего наследства, только научи меня.

После смерти отца Константина отвезли в столицу. Для характеристики социального положения семьи Льва важно обратить внимание на то, что в судьбе мальчика принял живейшее участие сам логофет Феоктист, фактический правитель Византии времени регентства. После кончины императора Феофила в 842 г. при малолетнем императоре Михаиле III было учреждено регентство в составе матери Михаила Феодоры и логофета Феоктиста. В ЖК указано, что Константин был отправлен в Константинополь по приказу логофета, который узнал о необыкновенных способностях мальчика. Есть все основания полагать, что об этом Феоктист узнал от выдающегося византийского ученого Льва-математика, который только что вернулся в Константинополь из Солуни, где несколько лет был митрополитом. *О его красоте и мудрости и прилежном учении, которые были в нем разлиты, узнал соправитель императора, который называется логофетом. Он послал за Константином, чтобы он учился вместе с императором. Отрок же, услышав это, с радостью отправился в путь, сотворив молитву* (ЖК).

Указание ЖК о совместном обучении Константина с мальчиком императором вызвало у ряда исследователей законное сомнение. Как мог 14-летний юноша, наделенный выдающимися способностями, учиться вместе с малолетним будущим императором. В 842 г. Михаилу было меньше десяти лет. Есть, однако, все

основания полагать, что речь шла не о совместном обучении. Константину поручалась функция старшего товарища, воспитателя Михаила. Сомнительно другое сообщение об обучении Константина, которое находим в УК. Здесь сказано, что Константин учился вместе с сыном сестры императора Михаила. Известно, что сестры Михаила были бездетными.

Логофет Феоктист остался доволен своим выбором. *Когда логофет близко узнал, каков Константин, он разрешил ему свободно чувствовать себя в его доме и даже безбоязненно входить в царский дворец.*

В Константинополе осуществилось горячее желание Константина получить всестороннее образование, постичь все премудрости философии и других наук того времени. Он проходит курс в знаменитой школе в Магнаурском дворце, куда имели доступ лишь сыновья из аристократических семейств. Здесь он учился у Льва-математика, Фотия, Феодора, Феодегия, у других известных ученых, изучал математику, астрономию, грамматику, античную и христианскую философию, богословие, историю... В ЖК об его успехах в науках сказано так: *За три месяца он изучил всю грамматику и взялся за другие науки. Изучил Гомера, геометрию, и у Льва и Фотия изучил диалектику и другие философские учения, кроме того, риторику, арифметику, астрономию, музыку и другие эллинские науки. И так он изучил все это, как не изучал этих наук никто другой.* Речь, вероятно, идет о товарищах Константина по занятиям в Магнаурском дворце.

Обучение в Магнаурском дворце продолжалось несколько лет. В ЖК все события этого периода даны стяженно, одно событие следует за другим. Логофет обратился к Константину с вопросом: *«Философ, я хотел бы знать, что есть философия? Он же ясным умом тогда ответил: «Познание Божественной и человеческой природы вещей в той степени, в какой человек может приблизиться к Богу, который учит человека по образу и подобию сотворившего его». — С этого времени логофет еще больше возлюбил его и всегда этот великий честный муж спрашивал его обо всем.* Философом Константина стали называть значительно позже, когда он сам стал преподавателем в университете.

В середине IX в. наступает период яркого культурного возрождения Византии, что в какой-то степени было связано с ликвидацией иконоборческого движения в 843 г. Византийская культура достигает одной из вершин в своем развитии. Получают широкое распространение диспуты по самым различным религиозным и философским проблемам. Очень ценятся широко образованные люди, обладающие блестящим ораторским дарованием, опытные полемисты. Нередко устраиваются диспуты между представителями различных религий, разных философских направлений, в которых особенно ценились находчивость и остроумие. В этих благоприятных условиях формируется интеллект чрезвычайно одаренного юноши. Его скоро замечают, перед ним открываются широкие возможности быстро сделать блестящую карьеру. Однако сам Константин меньше всего думает об этом. Он живет во дворце логофета, но отказывается жениться на его крестной дочери. Об этом в ЖК сказано так: *Однажды логофет сказал Константину: «Твоя красота и мудрость вынуждают меня еще больше любить тебя. Я имею духовную дочь, которую я крестил, очень красивую и богатую, из хорошего и большого рода. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. От императора ты получишь большие почести и княжение. Можно ожидать и большего — стратигом будешь». — На это Философ ответил логофету: «Это большой дар для тех, кто его желает. Для меня же нет ничего выше учения. Хочу, накопив знания, искать чести и богатства своего прадеда». — Услышав этот ответ, логофет пошел к императрице и сказал ей: «Юный философ не любит этой жизни, но не отпустим его от нас. Пусть станет священником; дадим ему службу библиотекаря у патриарха в святой Софии. Возможно, так удержим его». — Так с ним и поступили.* Константин целиком поглощен своими научными и литературными занятиями. После завершения образования, став священником, он получает должность библиотекаря (хартофилакса) при самой большой в Константинополе церкви св. Софии. Практически он должен был выполнять функции первого секретаря патриарха: «Это была важнейшая должность в управлении константинопольского патриарха. Хартофилакс замещал патриарха во всех

важных делах, в которых патриарх не принимал личного участия, и в связи с этим имел в делах преимущество перед епископами, несмотря на то что сам был только дьяконом» (D v o r n í k. Byzantské misie u Slovanů, s. 75). В это время византийским патриархом был Игнатий, активный враг Фотия. Должность хартофилакса Константин занимал недолго. Неожиданно, не сообщив никому из своих друзей, он покидает Константинополь и тайно уезжает в один из монастырей, находившийся в Малой Азии близ Босфора. Можно предположить, что причиной его отъезда явились разногласия с патриархом. По свидетельству Анастасия Библиотекаря, патриарх Игнатий был активным противником светской литературы. «Он видел в развитии светской литературы угрозу для церкви и поэтому относился неблагосклонно к тем, кто ею занимался» (Д в о р н и к. Славяне и Византия в IX веке, с. 140). Есть все основания полагать, что патриарх с большим недоверием и подозрением относился к литературным занятиям молодого Константина.

В монастыре Константин пробыл шесть месяцев. Нет сведений о его встречах с братом Мефодием, который, как мы знаем, был монахом в одном из монастырей этой же местности. В ЖК читаем: *Искали его шесть месяцев и едва нашли. Так как не могли склонить его вернуться на прежнюю должность, уговорили его взять кафедру и преподавать философию местным и иностранным ученикам со всеми обязанностями и доходами*. Константин согласился и вернулся в Константинополь. Все это прозошло в конце 850 или в начале 851 г. (D v o r n í k. Byzantské misie u Slovanů, s. 77). Дворник полагает, что Константин занял кафедру Фотия, который именно в это время оставил кафедру в университете в связи с активной политической деятельностью.

Несмотря на молодость, Константин занял кафедру философии в знаменитом Константинопольском университете. Скоро он приобрел широкую популярность своими лекциями и занятиями с иностранными студентами, которые приезжали сюда учиться из разных стран Европы и Ближнего Востока. Вероятно, в этот короткий период жизни его стали в Константинополе называть Константином-Философом.

Феофилакт пишет в БЛ: *Кирилл, который был велик в языческой философии* (т. е. в древнегреческой. — *С. Б.*), *а еще больше в христианской и знал природу действительно существующих вещей!*

К этому времени относится публичный диспут Константина-Философа с бывшим патриархом Иоанном VII Грамматиком, который был лишен в 843 г. сана патриарха за принадлежность к иконоборцам. В ЖК он носит имя Анний, в византийских источниках — Яннес. Так он был назван своими врагами «Яннес, не достойный носить имя Иоанна», писал Михаил Студит. Одни источники сообщают, что бывший патриарх нашел приют в имении своего брата Арзабера, другие — что он был заточен в монастырь Клейдион на берегу Босфора, где продолжал следовать своим старым иконоборческим взглядам. В ЖК читаем: *Он же сказал: насилием меня согнали, а не переспорив меня.* Его деятельность беспокоила императора и патриарха. По словам ЖК, именно они послали Константина-Философа к бывшему патриарху со словами: *Если сможешь переспорить этого юношу, то снова станешь патриархом.* Сперва Анний не хотел спорить с юношей, но затем согласился. Диспут, который, конечно, завершился блестящей победой молодого ученого, красочно описан в V главе ЖК: *старец посрамленный замолчал.* Этими словами завершается глава. Изложение спора об иконах здесь дано предельно кратко, так как большая часть главы посвящена обсуждению возможности спора по догматическим вопросам многомудрого патриарха с юношей. Возраст имеет свои законы. Бывший патриарх сказал: *Нет смысла осенью искать цветы, а старика Нестора посылать на войну.* Но юноша убедительно отвел этот аргумент. Естественно, спор шел об иконопочитании. Бывший патриарх сказал, что если из креста убрать одну часть, то это уже не будет крестом. На иконе же изображен только лик до груди, а не весь образ. На это Константин ответил: *Крест имеет четыре части. Если одна его часть будет утрачена, то он потеряет свой образ. Икона же имеет образ и подобие того, ради кого она писана. Кто смотрит, видит не льва и не рысь, а подлинный первообраз.* Взгляд молодого Константина на иконопочитание здесь изложен предельно лаконично. До

нас, однако, дошел один памятник, в котором значительно подробнее характеризуется взгляд Константина на почитание икон. Речь идет о последнем сочинении апостола «Написание о правой вере», которое содержит целый раздел об иконопочитании.

Уже давно V глава ЖК вызывает недоверие исследователей. Не раз высказывалась мысль, что в действительности никакого диспута между Константином и бывшим патриархом-иконоборцем не было. Обращалось внимание на то, что для проведения диспута в то время не было никаких оснований. Патриарх был низложен, лишен всякой власти, даже заточен в монастырь. Зачем нужно было проводить диспут, да еще обещать в случае победы Иоанна возвращение ему патриаршего сана? Иконоборчество представляло собой еще серьезную опасность. Это отлично понимал Фотий, который написал специальное сочинение в защиту иконопочитания. Бесспорно, оснований для сомнений в подлинности V главы ЖК имеется достаточно. Решения вопроса пока еще не найдено.

Если диспут Константина с Иоанном является вымыслом, то V глава не могла быть в первой редакции ЖК. Ни автор ЖК, ни Мефодий не могли пойти на такой шаг. Следовательно, всю главу следует признать поздней интерполяцией. Однако, опираясь на интересные наблюдения Дуйчева, такой вывод сделать нельзя. Болгарский ученый обнаружил факты, которые свидетельствуют об авторстве самого Константина. Итак, вопрос о V главе остался еще не решенным.

Наступило время, когда Константину-Философу надо было выполнять первое важное в его жизни дипломатическое поручение. В славянских источниках сообщается, что в Константинополе было решено послать к сарацинам (арабам) миссию для разъяснения основных догматических вопросов христианской религии. Сарацины, будучи мусульманами, решительно отрицали христианское учение о Троице. В ЖК читаем: *После этого агаряне, называемые сарацинами, начали хулить божественное единство святой Троицы, говоря: «Как вы, христиане, утверждая, что Бог един, его же снова разъединяете на три тверди: отец, сын и святой дух. Если вы можете это ясно*

объяснить, пришлите к нам таких людей, которые могли бы рассказать об этом и убедить нас». В ЖК далее сообщается, что император вызвал Константина и сказал ему: «*Слышишь ли, Философ, что говорят поганые агаряне против нашей веры? Так как ты слуга и последователь святой Троицы, иди и воспротивься им».* По данным ЖК, Константин возглавил миссию к сарацинам, получив в помощники асикрита (дворцового секретаря) Георгия. Так излагаются причины и организация сарацинской миссии в славянских источниках. В византийских источниках об этой миссии не упоминается. В связи с этим неоднократно высказывались сомнения в подлинности сведений о сарацинской миссии. Кроме того, обращалось внимание на молодость Константина, на противоречивость данных самих славянских источников. Так, в источниках обычно говорится об участии в миссии только Константина-Философа. Однако в «Проложном житии Константина и Мефодия» сообщается, что в сарацинской миссии вместе с Константином принимал участие и его брат Мефодий: *Был же этот Мефодий со своим братом у сарацин и хазар, обучал их вместе с ним православной вере.* И тем не менее нет сомнений, что сарацинская миссия Византии имела место, и что в ее состав входил молодой Константин. Однако славянские источники излагают события односторонне и до известной степени пристрастно. Существенные коррективы в славянские источники вносит арабская хроника Табари.

Абу-Джафар Табари (839—923) — автор очень ценной хроники, содержащей важные исторические сведения. По мнению болгарского филолога Иванова, миссия византийцев к арабам могла иметь место в 845, в 855—856 или в 859—860 гг. Именно в эти годы между Византией и арабским халифатом были перемирия. «Первая дата должна быть исключена, потому что в 846 г. Константину было всего 18 лет и на него не могла быть возложена столь деликатная миссия. Нужно также исключить и третью дату (859—860), когда во главе византийской миссии стоял старый дипломат Атрубилис и когда Константин находился в Константинополе, а затем у своего брата Мефодия на Олимпе. Остается только перемирие в 855—856 гг.» (Иванов. Сарацинска (арабска) мисия на

Кирил-Философ, с. 94). Ссылаясь на известное место VI главы ЖК (было тогда Философу 24 года), некоторые исследователи (например, проф. Дворник) датируют миссию 851 г. Однако в 851 г. между Византией и арабским халифатом шли военные действия. Следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. После завершения сарацинской миссии Константин-Философ сразу же попал в немилость, вынужден был прервать свою педагогическую деятельность в Константинопольском университете и поселиться в монастыре у Мефодия. А это было связано с переворотом 856 г. По данным хроники, во главе миссии стоял не молодой ученый, а именно асикрит Георгий, который занимал высокое положение в дворцовой жизни Константинополя. В состав миссии входило около 50 византийских вельмож и их слуг. По мнению некоторых исследователей, в ее состав был включен и будущий патриарх Фотий. Цель миссии была другой: предстоял обмен пленными.

Противоречия между славянским источником и хроникой Табари убедительно, на мой взгляд, объясняет Трифонов. Перед миссией были поставлены две задачи. На руководителя миссии асикрита Георгия была возложена задача обмена пленными, которую он выполнил на берегах реки Ламуса в Киликии. Что же касается Константина-Философа, то он, вероятно, направился в Багдад, где состоялся его диспут. Его оппонентами были ученые люди, обученные геометрии и астрономии и прочим наукам. Табари имел в виду первую цель посольства, а ЖК — вторую; кроме того, следуя житийным византийским приемам, ЖК говорит только о своем святом, о Константине (см.: Трифонов. Константин-Философ (св. Кирил) като царски пратеник при сарацини и хазари, с. 310).

Конечно, по словам ЖК, Константин-Философ легко опроверг все положения врагов христианства. Примечательно, что византиец во время диспута обнаружил знание Корана. В защиту Троицы он процитировал из Корана суру 19 стих 17. Константин выступил на диспуте не только как представитель христианской религии, но и как наследник великой греческой культуры. С нескрываемой гордостью он сказал своим противникам: «*От нас все искусства происходят*». — *Желая смутить Константина-Фило-*

софа, сарацины на дверях жилищ христиан нарисовали бесовские образы. Показав ему эти образы, они спросили его: «Философ, можешь ли ты понять, что означает это?» — На этот вопрос Константин ответил: «Вижу бесовские образы и думаю, что здесь живут христиане. Так как бесовские образы не могут жить вместе с христианами, бесы убегают от них. А на тех домах, где нет бесовских образов, бесы живут вместе с людьми» (ЖК). Посрамленные агаряне пытались отравить Константина-Философа, но все обошлось благополучно. Победителем он вернулся в Константинополь.

Сарацинская миссия описывается подробно, сообщается много деталей. Но вот миссия завершена, Константин в феврале — марте 856 г. вернулся домой. Изложение событий в ЖК резко меняет свой характер. Они становятся лапидарными и во многом совершенно неожиданными. А события были чрезвычайно важными. Вот полный текст VII главы ЖК: *Прошло немного времени* (вероятно, после возвращения из Багдада. — *С. Б.*) *и Константин, отрекшись от всего на этом свете, поселился в одном месте далеко от жизненной суеты, посвятив себя только самосозерцанию. Он ничего не оставил себе на завтрашний день, раздав все нищим, предоставив заботу о себе Богу, который постоянно о всех печется. Однажды в праздничный день его слуга пожаловался: «Мы совсем ничего не имеем в такой праздничный день». — Он же ему ответил: «Тот, кто некогда накормил израильтян в пустыне, тот и нам даст здесь пищу; иди и позови хотя бы пять нищих, которые ждут божьей помощи». — И когда пришло время обеда, тогда какой-то человек принес ношу с самой разнообразной пищей и десять золотых. И тогда Константин вознес молитву Богу за все это. Затем он отправился на Олимп к своему брату Мефодию и здесь начал жить, непрестанно молясь Богу, беседуя только с книгами.* Как все изложенное мало напоминает первый случай, когда очень влиятельные люди искали Константина, чтобы выполнить любое его желание. Теперь он изгнан из университета, лишен средств к существованию, забыт всеми.

Эти факты личной жизни Константина-Философа связаны с известными событиями 856 г. Вскоре после

его возвращения в Константинополь здесь произошел государственный переворот. Был убит покровитель Константина логофет Феоктист, Феодора была заточена в монастырь. Вся власть перешла в руки дяди Михаила III Варды. С этими же событиями Георгиев связывает прекращение административной деятельности Мефодия в одном славянском воеводстве и уход его в монастырь. «Близкие Феоктисту не могли оставаться правителями областей и преподавателями в высших константинопольских училищах. Монастыри в то время давали убежища многим, чья карьера в общественной и политической жизни была прервана» (Георгиев. Кирил и Методий..., с. 41). Однако уход Мефодия в монастырь не мог быть связан с событиями 856 г., так как его административная деятельность падает на 835—845 гг. Мефодий стал монахом за одиннадцать лет до свержения Феоктиста.

О дальнейшем периоде жизни Константина-Философа, который продолжался до хазарской миссии, мы знаем очень мало. Далеко от мирской суеты в тиши монастыря он *беседовал с книгами*. Естественно желание исследователей заполнить этот длительный отрезок времени какими-то событиями. Трудно себе представить, что волевой и энергичный человек, не достигший еще и тридцати лет, ушел от мирских забот, от людей и «беседует только с книгами». Кроме того, интересно было узнать, в чем состояли эти беседы, каковы их результаты?

До сих пор, рассматривая основные этапы жизненного пути Константина-Философа, мы совсем не касались того важнейшего аспекта всей его деятельности, который и определил в конце концов его место в истории европейской культуры. Речь идет о той роли, которую он сыграл в истории создания славянской письменности. Дело в том, что ЖК и ЖМ ничего не сообщают о его прежних связях со славянским миром. Правда, не было недостатка в различного рода предположениях, которые неподготовленным читателям часто выдаются за достоверные факты. Ограничусь пока лишь одним примером. «Несомненно, Мефодия во время его воеводства в славянской области не один раз посещал его брат Константин, тем более, что после смерти отца Льва старший Мефодий должен был заботиться о своем младшем бра-

те. Таким образом, и Константин вошел в связь с более далекими от Солуни славянскими массами, узнал их, понял их нужды, положил начало своей культурной деятельности среди славян» (Георгиев. Работили ли са Кирил и Методий като просветители на българските славяне, с. 240). Перед нами типичный пример умения «вычитывать из своих источников более того, что они содержат».

Согласно ЖК, Константин впервые сталкивается со славянскими проблемами в 863 г. Однако имеются другие источники, которые повествуют об активной деятельности Константина среди славян еще до моравской миссии. Так, в УК, созданном в Болгарии в сравнительно позднее время, читаем: *Затем пришел он в Брегальницу* (река в Македонии, левый приток Вардара. — *С. Б.*), *где встретил несколько крещенных славян. А сколько же нашел некрещенных, то крестил их и привел в православную веру. И написал им книги на славянском языке. А обратил он их в христианскую веру четыре тысячи пятьдесят человек.* Это число указано в рукописи из собрания Гильфердинга. В Львовском списке УК находим уже 54 тысячи человек, в Молдавском — 51 тысячу. Указанное событие, судя по данным УК, произошло до сарацинской миссии, т. е. еще в тот период, когда Константин-Философ принимал активное участие в научной и культурной жизни Константинополя. Этот же легендарный эпизод нашел отражение в СЛ: *Приняли меня болгары с большой радостью и привели меня в город Равен на реке Брегальнице. Я написал им 32 буквы* (в другом списке указано 35 букв. — *С. Б.*). *Я их учил мало, но они сами много приобрели.*

Названные два пассажа из УК и СЛ послужили основанием для различных гипотез. Большое доверие они вызвали у тех ученых, которые полагали, что славянская письменность возникла в Болгарии еще до моравской миссии. Именно на основе указанных свидетельств они и строили свою гипотезу. Не скрою, было время, когда и автор настоящей книги относился с известным доверием к сообщению УК. Лишь более углубленное изучение источников и исторических событий середины IX в. показало очевидную несостоятельность и тенденциозность в этом пункте обоих памятников.

Проф. Георгиев, убежденный сторонник достоверности сообщений УК и СЛ, пишет: «Факт, сообщенный в житие (автор имеет в виду УК. — *С. Б.*), вполне правдоподобен с исторической точки зрения» (Георгиев. Работили ли са Кирил и Методий като просветители на българските славяне, с. 240). Рассмотрим именно с этой точки зрения свидетельства УК и СЛ.

Начнем с того, что река Брегальница находилась в середине IX в. на территории Болгарии, а не Византии. Могли ли византийцы свободно и беспрепятственно заниматься крещением большого числа славян в языческой Болгарии? Конечно, на этот вопрос нужно дать отрицательный ответ. Именно такой ответ дает проф. Куев. «Нужно помнить, что во времена Бориса эти края (бассейн реки Брегальницы — *С. Б.*) находился в болгарских руках. Нельзя предположить, чтобы Борис мог допустить сюда византийских миссионеров для распространения христианства, когда он еще не крестил болгарский народ» (Христоматия по старобългарската литература, с. 140). Отношения между Болгарией и Византией были в то время весьма напряженными. Феодальная знать еще крепко держалась за язычество. Об этом свидетельствует неудачная попытка реставрации язычества в Болгарии при князе Владимире (889—893). Князь Борис вел сложную дипломатическую игру. Он ясно отдавал себе отчет в том, что пришло время принять христианство. Однако на первых порах он ловко лавировал между Римом и Константинополем, между римским папой и константинопольским патриархом. Если верить УК, то Константин совершенно свободно без всяких помех мог крестить в Болгарии многие тысячи язычников, когда в самой Болгарии еще не был решен вопрос о высшей христианской инстанции. Лишь поражение в войне с Византией в 864 г. принудило Бориса признать культурную гегемонию Византии. До этих событий Борис самым решительным образом воспротивился бы всяким попыткам отдельных византийцев заниматься на болгарской территории массовым крещением славян. Естественно, что он бы видел в этом стремление Византии отторгнуть часть территории. А перед Борисом стояла диаметрально противоположная задача.

Он стремился присоединить к Болгарии тех македонских славян, которые все еще находились под властью византийского императора.

Против достоверности сведений УК имеются многие известные факты. После принятия христианства в 865 г. именно в районе Брегальницы Борис встретил наиболее активное противодействие со стороны язычников. Строительство православных храмов на реке Брегальнице вызвало активное сопротивление многих воевод, которые по приказу Бориса были смещены и заменены другими лицами.

При оценке достоверности сведений УК и СЛ следует присоединиться к словам Велчева, который с полным основанием считает оба памятника поздними, «чтобы можно было им оказывать полное доверие и на их основе строить заключения, идущие в разрез с более надежными историческими свидетельствами» (Велчев. Съществувало ли е развито славянско писмо и книжнина преди дейността на Константин-Кирил и Методий в Моравия, с. 64).

До нас не дошло ни одного авторитетного свидетельства о существовании славянской письменности в 50-х гг. IX в. Ссылки на Черноризца Храбра после всестороннего изучения вопроса в настоящее время являются уже необоснованными.

В древних славянских рукописях летосчисление идет не от рождества Христова, а от сотворения мира, которое, согласно Библии, произошло за 5508 лет до этого события. В «Сказании о письменах» Храбр пишет, что *Константин-Философ, нарицаемый Кирилл, эти нам письмена создал и книги перевел и Мефодий брат его... во времена Михаила царя греческого, Бориса князя Болгарского, Ростислава князя Моравского и Коцела князя Блатенского в 855 г. от сотворения мира.* Эта дата могла вызывать известное доверие только до тех пор, пока не было точно установлено, что в данном случае следует иметь в виду не 5508 г., а 5500 г. Уже Дювернуа обратил внимание на несоответствие между указанной датой в «Сказании о письменах» и датами царствований Михаила и Коцела. Кроме того, известно, что существовало византийское летосчисление, согласно которому из указанной в памятниках даты следует вычитать 5508, но существовало и александрий-

ское летосчисление, по которому следует вычитать 5500. Последнее в славянских рукописях встречается редко, в основном господствует византийское летосчисление. Мне представляется, что вопрос в пользу александрийского летосчисления здесь окончательно был решен в свое время Селищевым, который как будто первый заметил, что в среднеболгарском сборнике 1348 г., в котором находится один из древнейших списков сказания, представлено именно александрийское летосчисление. «Мы считаем заслугой А. М. Селищева, — пишет Лавров, — который отметил, что в летосчислении в сборнике 1348 г. указан именно этот год», т. е. 5500 (Лавров. Кирило та Мефодий в давньо-слов'янському письменстві, с. 144). Таким образом, противоречия между ЖК и свидетельством Храбра нет. И в «Сказании о письменах» указан 863 г.

Чем же занимался в монастыре Константин-Философ после своего вынужденного отъезда из Константинополя? Ведь если принять дату сарацинской миссии 855—856 гг., то его «беседа с книгами» продолжалась около пяти лет! На этот вопрос ответить невозможно, так как в источниках об этом ничего не сказано. Можно лишь высказывать предположения, строить гипотезы, фантазировать. Имеются ученые, которые решительно утверждают, что в эти годы Солунские братья вместе со своими учениками создали славянское письмо и переводили на славянский язык церковные тексты. Это якобы вызывало большое беспокойство у Фотия, который специально отправил братьев с миссией к хазарам, чтобы помешать дальнейшему развитию славянской письменности.

Опираясь на список 1469 г., Львов утверждал, что Константин вместе с братом именно в эти годы здесь, в монастыре Полихрон, создали славянскую азбуку и начали переводить книги на славянский язык. Аргументом служит то место, в котором после обычного для ЖК текста *тъкмо книгами бесѣдоуа* в списке 1469 г. находим еще *нощь убо и днь вьноу съ братом своимь въсих упражняаше се.* Львов не без оснований полагает, что в данном случае речь идет не только о чтении, но и о писании, в чем Константин достигал больших успехов (*прѣоуспѣвааше*). Не вы-

зывает никаких сомнений, что Константин в 856—860 гг., находясь в Полихроне, занимался активной литературной деятельностью. Но занимался он ею на обычном для него греческом языке. Львов пишет, что «упражняашесе» можно истолковать как 'заниматься письменностью' в самом широком значении этих слов, т. е. обозначает «заниматься писанием, чтением», возможно, и «...переводом» (Львов. О пребывании Константина-Философа в монастыре Полихрон, с. 81). Таким образом, все доказательство автора основывается на словах *возможно и переводом*. А ведь именно в этом суть всей проблемы. Никаких фактов, свидетельствующих о переводческой деятельности Константина-Философа во время пребывания его в Полихроне после завершения сарацинской миссии, нет. Ничего об этом не сообщает и список 1469 г. Львов справедливо пишет, что «старославянская книжность возникла в монастыре Полихрон» (Львов. Там же, с. 85). Однако произошло это важное событие не в 856—860 гг., а лишь в 863 г. по инициативе высшей византийской администрации.

В ЖК приведен диалог между Михаилом III и Константином-Философом после прибытия в Константинополь моравской миссии. *Собрав же царь собор, призвал Константина-Философа и, познакомив его с этим делом, сказал ему: «Знаю, что ты, Философ, устал, но нужно тебе туда идти, так как никто другой не сможет выполнить эту задачу так, как ты». — Ответил Философ: «Хотя мое тело утомлено, хотя я болен, я рад пойти туда, только если они имеют буквы для своего языка». — Царь на это ему сказал: «Мой дед и мой отец и многие другие искали их и не нашли, как же я могу тогда их найти». — А Философ сказал: «Как можно на воде слова писать, не приобретя имени еретика!» — И снова ответил ему царь вместе со своим дядей Вардой: «Если ты захочешь, Бог тебе их даст, который дает всем, кто его просит без сомнений и который открывает тем, которые стучатся к нему».* Этот очень важный и, бесспорно, достоверный текст убедительно свидетельствует, что до встречи Константина с Михаилом в 863 г. славянской азбуки еще не было. Динеков по этому поводу резонно пишет: «В житии Кирилла специаль-

но отмечается, что Кирилл согласен пойти в Моравию, если моравяне имеют буквы для своего языка; следовательно, братья не располагали готовой славянской азбукой» (Динеков. Личността на Константин-Кирил Философ, с. 25—26).

Акад. Никольский предлагал текст оригинала *аще имеють буквы въ езикь свои* перевести на русский язык не «если они имеют буквы для своего языка», а «если у них есть церковные тексты на своем языке». Однако и при таком толковании указанного текста в одинаковой степени возникает сомнение в существовании в Византии до моравской миссии славянского письма и переводов священного писания на славянский язык.

В изложенном выше диалоге Михаил III говорит, что его дед и отец интересовались вопросами славянской письменности, искали славянские буквы, но не нашли их. Речь идет о Михаиле II (820—829 гг.) и Феофиле II (829—842 гг.). Некоторые исследователи придают этим словам Михаила III большое значение. Они полагают, что данный текст ЖК дает основание считать, что византийские императоры еще в первой половине IX в. серьезно думали о создании славянской письменности. Однако этот текст представляется весьма сомнительным, так как он не подкреплен никакими фактами. Удивительно, что об этих инициативах византийских императоров ничего не знал Константин-Философ.

В последние годы неоднократно высказывалась мысль, что еще до моравской миссии по инициативе византийских императоров шла работа над созданием родной письменности для славян Византийской империи. Это якобы могло способствовать их христианизации (см., например: Дуйчев. Въпросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянската азбука през първата половина на IX век). Слишком мало данных, которые бы говорили в пользу утверждения Дуйчева. Более того, до нас дошло немало таких фактов, которые свидетельствуют о желании византийских императоров скорее ассимилировать славянское население Империи (например, императора Василия Македонянина). Как мы уже отмечали, во время византийского рабства в Болгарии богослу-

жение вновь было переведено на греческий язык, а местная славянская письменность была запрещена. Ближе к истине Ангелов: «Очевидно, что при такой направленности византийской политики в отношении славян, которые жили в пределах Империи, и речи не могло идти о каком-то благосклонном отношении к ним и к их языку. Для цареградских правителей эти славяне были опасными врагами. Они были «варварами», чей язык не заслуживал признания и о чьей культуре не нужно было проявлять никаких забот. Византийской власти глубоко чужда была мысль создания для этих славян собственной их азбуки, чтобы они могли читать и просвещаться на своем родном языке. Совсем обратно, их цель была держать славян подальше от всякой письменности на своем языке, чтобы они таким образом легче могли быть подчинены и превращены в греков» (Ангелов. Кирил и Методий и византийската култура и политика, с. 61).

Константин-Философ был близок Феоктисту, Феодоре, их окружению. Он тяжело переживал события 856 г. Однако не менее тесно он был связан с Фотием, с самим императором Михаилом III. Вот почему уже в 860 г. он вместе с братом Мефодием вновь начинает играть большую роль в дипломатии Византии. Это было связано с так называемой хазарской миссией, руководителем которой был назначен Константин-Философ. По свидетельству ЖК и ЖМ, миссия была направлена императором. Об участии патриарха Фотия здесь речи нет. Иначе этот эпизод освещается в ИЛ: *Тогда император, посоветовавшись с патриархом, призвал к себе упомянутого уже Философа и вместе с хазарскими посланниками и своими участниками миссии торжественно его послал в Хазарию, так как полностью доверял его мудрости и красноречию.* ИЛ не сообщает об участии в миссии Мефодия.

Дошедшие до нас источники (не только славянские) сообщают, что руководителем хазарской миссии был назначен Константин-Философ. Во всяком случае, никакого другого руководителя миссии дошедшие до нас документы не называют. Однако имеем косвенное свидетельство, что во главе миссии стояло другое лицо. Дворник обратил внимание на

следующее место в IX главе ЖК: *Когда же пришли туда, где должны были сесть за обеденный стол у кагана, его спросили: «Каков твой сан, чтобы мы могли посадить тебя согласно твоему положению?»* Указывая на это место ЖК, Дворник пишет: «Приведенное место свидетельствует, что Константин не был руководителем миссии, потому что, если бы он представлял императора, хазары не могли спрашивать о его сане» (Dvorník. Byzantské misie u Slovanů, s. 85).

В последние века первого тысячелетия н. э. большую роль в политической жизни Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья играл Хазарский каганат. В этом государстве господствующее положение занимали хазары, народ тюркского происхождения. Столицей каганата с середины VIII в. н. э. был город Итиль — крупный политический и торговый центр Поволжья, Причерноморья, Кавказа, Средней Азии. Находился Итиль на месте современной Астрахани. Расцвет каганата падает на VIII в. Именно в это время хазары успешно воевали с Византией, завоевав у нее значительную часть Крыма. Естественно, что Византия уделяла большое внимание своему северо-восточному соседу. Периоды военных столкновений сменялись периодами относительного спокойствия. Археологические раскопки хазарских поселений свидетельствуют о существовании интенсивной торговли с Византией.

На смену язычеству у хазар раньше других религий пришел иудаизм, что объяснялось большой ролью евреев в политической и экономической жизни Хазарского каганата. Однако уже с середины IX в. начинает сюда проникать магометанство и христианство. Летом 860 г. в Константинополь прибыло посольство из Хазарского каганата. В ЖК сообщается, что хазары просили византийского императора прислать им *ученого мужа*, который помог бы им разобраться в трудных вопросах веры. Иудеи хвалят свою религию, сарацины склоняют хазар принять магометанство. *Просим к нам прислать вашего ученого мужа. Если в споре он победит евреев и сарацин, мы перейдем в вашу веру.* Естественно, что руководители Византии охотно приняли приглашение хазар. «Укрепление позиций на Черном море было для Ви-

зантии делом первостепенной важности. Для этого надо было в первую очередь упрочить связи, существовавшие между византийской империей и хазарским каганатом» (Д в о р н и к. Славяне и Византия в IX веке, с. 145).

По свидетельству ЖК, во главе миссии император поставил Константина-Философа. В состав миссии по просьбе Константина входил и Мефодий, который *служил меньшому брату как раб* (ЖМ). В «Проложном житии Мефодия» включение Мефодия в состав миссии объясняется следующим образом: *Кирилл же уговорил своего брата Мефодия идти с ним, потому что тот знал славянский язык.* Эта аргументация представляет значительный интерес во многих отношениях. Константин-Философ предвидел возможность появления новых задач перед миссией, связанных со славянским населением Причерноморья. На это в свое время обратил внимание акад. Ламанский. Это уже не первое свидетельство того, что Мефодий хорошо знал славянский язык. Сохранились достоверные сведения о том, что сочинения Константина с греческого на славянский язык переводил именно Мефодий. По неизвестным причинам всю длительную подготовку к хазарской миссии было решено провести не в Константинополе, а в Херсонесе Таврическом.

Херсонес Таврический был основан на юго-западной оконечности Крыма греками-дорийцами из колонии Гераклея. Наиболее древние сведения о Херсонесе идут от IV в. до н. э. Расположен город на полуострове, о чем свидетельствует его название: Χερσονησος по-гречески значит «полуостров». В памятниках древнерусской письменности он носит название Корсунь. Именно здесь в конце X в. крестился русский князь Владимир.

Наиболее древнее описание города находим у древнегреческого географа и историка Страбона, жившего на рубеже дохристианской и христианской эр. С I по конец IV в. Херсонес входил в состав Римской империи, а затем с конца IV в. в течение многих веков он был опорным пунктом Византии в Крыму, особенно после VIII в., когда Византия потеряла Таманский полуостров, Босфор и степную часть Крыма. Город неоднократно подвергался раз-

рушению со стороны кочевников. Последние сведения о Херсонесе относятся к XIV в., когда город был разрушен окончательно.

За длительный период существования Херсонеса значительно менялся не только этнический состав населения города, но и характер греческого населения. В римский период было много переселенцев и легионеров из различных районов Империи. В непосредственной близости к городу жили в разное время племена тавров, скифов, готов, тюркоязычные племена, славяне. «Географическое положение Херсонеса способствовало тому, что он стал посредником в торговле и в культурных сношениях между югом и севером, между южными странами Греции, Малой Азии и Византии, с одной стороны, и местным населением Крыма и Северного Причерноморья — с другой» (Белов. Херсонес Таврический, с. 38). Херсонес был не только крупным торговым, но и ремесленным центром Северного Причерноморья. Изделия местных мастеров обнаруживают и в районах, удаленных от Крыма.

Итак, осенью 860 г. в Херсонес прибыла византийская миссия, которая находилась там всю зиму 860/61 г. Предстоял диспут с крупными представителями иудейской религии, который должен был показать преимущество христианства перед иудаизмом. К этому диспуту нужно было основательно подготовиться, так как до прибытия в Херсонес Константин не знал еврейского языка, и все ветхозаветные тексты ему были известны только в греческих переводах. Успеха можно было добиться только в том случае, если оппонент евреев, защитник христианства мог оперировать ветхозаветным текстом в оригинале. Кроме того, он должен быть уверенным, что его оппоненты точно цитируют тексты Ветхого Завета. Вот почему Константин приступил в Херсонесе к изучению еврейского языка. Есть все основания полагать, что справился он с этой задачей блестяще в сравнительно короткий срок. В Херсонесе была большая еврейская община. Константин нашел руководителя для практического изучения еврейского языка. В его распоряжении был текст грамматики этого языка, который он перевел на греческий. В ЖК читаем: *Тогда же он отправился в дорогу, прибыл в Херсонес и*

здесь изучил еврейский язык и книги, перевел восемь частей грамматики и таким путем еще больше углубил свои знания. Это сообщение ЖК не вызывает сомнений. Утверждение Ламанского, что в IX в. еще не существовало грамматических описаний еврейского языка, в настоящее время признано несостоятельным. В различных местах еврейских поселений для практических нужд существовали руководства по языку, причем задолго до появления фундаментальных грамматических трудов (например, грамматики на арабском языке Саади Гайона, написанной в конце X в.). Эти руководства не представляли большой ценности и их не сохраняли. Именно с одним из таких руководств и имел дело Константин-Философ (см.: Голубинский. По поводу перестроя В. И. Ламанским истории и деятельности Константина-Философа, первоучителя славянского). Менее правдоподобно другое сообщение ЖК: *Некий самаритянин, живший здесь* (т. е. в Херсонесе.— *С. Б.*), *пришел к нему, чтобы состязаться с ним. Он принес с собой самаритянские книги, показал их ему. Философ попросил их у него, затворился с ними дома и начал молиться. Бог его вразумил и он начал читать книги без ошибок.* Самаритяне в VII в. н. э. перешли на арабский язык. Достоверных сообщений о знании Константином-Философом арабского языка нет.

Имеется еще одно сообщение в ЖК лингвистического характера, которому посвящена большая литература. Само сообщение невелико. Вот его полный текст: *И нашел здесь Евангелие и Псалтырь, написанные руськими письменами. И нашел человека, говорящего на этом языке. И беседовал с ним, овладев силой речи, опираясь на свой язык, установил различие гласных и согласных, молясь Богу, скоро начал читать и говорить. И многие удивлялись ему и хвалили Бога.* В различных списках ЖК встречаются варианты *роськими, рушкими.* Наблюдаем полное преобладание варианта *руськими* с разным правописанием. «И только в списке 1479 г. Рыльского монастыря читается *роушкими*, вместо которого в списке 1469 г. Юго-славянской Академии видим *роушкымъ письменемъ*, между тем как в третьем списке этой сербской рецензии находим *росьскы писменъ/ы/*» (Лавров. Евангелие и Псалтырь, с. 40).

В науке это загадочное место вызвало большой интерес. Было много различных гипотез и предположений. Долгое время господствовала готская теория, согласно которой Евангелие и Псалтырь написаны на готском языке. Готы поселились в Причерноморье в начале III в., в IV в. у них стало распространяться христианство. Границей, отделяющей остготов от вестготов, был Днестр. Часть остготов в 258 г. поселилась в Крыму. Нет сомнений в том, что в середине IX в. готов в Крыму было еще много. Последние известия о готах здесь относятся к XVI в. (свидетельство фламандского путешественника Бузбека). Таким образом, существование в Крыму в середине IX в. христианских книг на готском языке не вызывает удивления. Однако известно, что Константин-Философ не знал германских языков, во всяком случае, о знакомстве с ними нет никаких сведений. Конечно, было весьма соблазнительно видеть здесь раннее свидетельство существования у восточных славян еще в середине IX в. христианства и своей письменности. По этому пути и пошли некоторые филологи. Толкуя слово *руськими* в современном значении, они должны были бы коренным образом пересмотреть историю позднего язычества у восточных славян, принятие на Руси христианства, роль Солунских братьев в истории славянской письменности, объяснить причину полного забвения здесь старой (доболгарской) традиции. Дело в том, что все известные нам факты из истории христианства на Руси, из истории славянской письменности вступали в противоречие с подобным толкованием загадочного места. Однако никто из ученых не предпринял серьезных попыток снять указанные выше трудности. Практически все ограничилось бездоказательными заявлениями. Вот почему наиболее авторитетные филологи и историки отнеслись отрицательно к попытке идентифицировать *роськими* и его варианты с современным значением слова *русскими*. Подводя итоги истории толкования данного места ЖК, Ягич в 1911 г. справедливо писал: «Но если понимать все так, как рассказывается в легенде, то есть подразумевать под русскими славян, тогда следовало бы допустить, что Константин нашел в Херсоне (т. е. в Херсонесе.— *С. Б.*) не только глаголическое письмо, но также готовый славянский пе-

ревод Евангелия и Псалтыри, стало быть все существенное было сделано кем-то помимо и раньше его. Такому мнению противоречит весь ход и все исторические свидетельства того многознаменательного культурного подвига, который прочно связан с именем Константина-Кирилла, не говоря уже о языке древнейшего перевода и о звуковом составе письмен, которыми отличается не русское происхождение этого труда» (Ягич. Глаголическое письмо, с. 64—65).

Во время диспута в Венеции в 867 г. с триязычниками-пилатниками Константин-Философ сказал: «*Мы же знаем многие народы, имеющие письменность и славящие Бога на своем родном языке. Это народы: армяне, персы, абхазы, грузины, аланы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие*». Как видим, он не упомянул среди этих народов славян Причерноморья. Он вспомнил о народах, известных ему из книг, но обошел полным молчанием известный ему по хазарской миссии народ, который молился по книгам, написанным *роскими письменами*. Первый на это обстоятельство обратил внимание Соболевский, который решительно отрицал существование у восточных славян в середине IX в. христианства и своей письменности.

В XX в. было немало новых споров в толковании данного загадочного места ЖК. Некоторые ученые продолжали доказывать, что Евангелие и Псалтырь написаны на русском языке, а Огиенко утверждал даже, что перевод был сделан на древнеукраинский язык: «Как понимать здесь слово «руський», это, конечно, важнейший вопрос всего этого дела. Я не принадлежу к сторонникам норманнской теории и поэтому (!) под словом «руський» понимаю восточнославянский язык, а собственно полянский, киевский, или, по современной терминологии, украинский язык» (Огиенко. «Руські» переклади в Херсонесі в 860 р., с. 366—367).

Известны и другие опыты толкования данного места в ЖК. Наиболее популярным среди них является предположение французского слависта Вайана и Якобсона, которые *руськими* возводят к *сурськими*, т. е. сирийскими. Хотя в настоящее время имеется немало защитников этого предположения (Кипарский безо всяких сомнений заявляет, что «самое пра-

вильное объяснение дал Вайан»), и оно, конечно, не больше, чем гипотеза; для его серьезного обоснования необходим основательный историко-культурный комментарий. Пока его нет. Сирийский язык Константин знал. В «Проложном житии Кирилла» по рукописи Синодальной библиотеки написано, что апостол знал четыре языка: греческий, латинский, сирийский и еврейский. Однако же необходимо специально исследовать вопрос о сирийцах в Крыму. Утверждение Кипарского, что культурные связи сирийцев с Херсонесом и даже существование сирийцев-христиан там в IX в. вполне возможно, не подтверждается фактами.

Следует признать, что вопрос о *роских письменах* в ЖК до сих пор остается нерешенным. Этот вопрос тесно связан с общей проблемой существования славянской письменности до моравской миссии. Как известно, неоднократно делались попытки обнаружить существование славянской письменности до IX в. н. э. Так, в начале XX в. болгарский филолог Иванов в труде «Северна Македония» высказал предположение, что еще в VII в. в Македонии существовала славянская письменность. Он даже назвал создателя письменности — Кирилла Кападокийского, который жил и работал в Сирии и Египте. Эта гипотеза не нашла поддержки и давно уже забыта. Позже вопрос о существовании славянской письменности до Константина-Философа и Мефодия был поставлен Георгиевым в монографии «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия». Болгарский филолог решительно утверждает, что «существует много ф а к т о в и п о л о ж е н и й (разрядка моя.— *С. Б.*), которые говорят, что зачатки славянской письменности надо искать в докирилло-мефодиевской эпохе» (Г е о р г и е в. Там же, с. 4). Рассмотрим эти факты и положения.

Георгиев указывает на существование глаголов *читать* и *писать*, которые известны всем славянским языкам. «Это показывает, что славяне «читали» и «писали», по крайней мере свои «черты» и «резы», о которых сообщает древнеболгарский писатель Черноризец Храбр, очень давно, еще до того, как зажили обособленно в новосозданных славянских государствах» (Г е о р г и е в. Там же, с. 4). Согласно этому

высказыванию, нужно признать, что славяне имели письменность в праславянскую эпоху и даже раньше, так как указанные глаголы очень древнего происхождения (ср. pisati лат. pictum). В данном случае автор допустил непростительный для филолога промах. Глаголы «читать» (legere) и «писать» (scribere) в их современном значении могли сформироваться только после появления письменности (своей или чужой). Все славянские языки содержат примеры, характеризующие более древние значения указанных глаголов: ср. русск. *считать, причитать, пестрить* и т. д.

Георгиев полагает, что моравский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать ему епископа и организовать богослужение на славянском языке только потому, что «у южных славян... были просвещенные люди и писатели, существовало письмо, литература и славянское училище. В противном случае, зачем бы понадобилось Ростиславу обращаться к Византии?» (Георгиев. Там же, с. 38). Трудно предположить, что Георгиев не знает, что Ростислав сначала обратился с аналогичной просьбой к римскому папе Николаю I и, не получив ответа, вынужден был направить миссию в Византию. Вот простой ответ на поставленный вопрос. «Известно к тому же, что уже около 860 г. Ростислав, по-видимому, собирался прислать миссионеров, знавших славянский язык. В «Житии Мефодия» ясно сказано, что он тогда обратился с этой просьбой не в Византию, а в Рим. Там эта просьба была отклонена, вероятно, за отсутствием священника, знавшего моравский язык. Лишь после отказа Ростислав обратился в Константинополь» (Дворник. Славяне и Византия в IX веке, с. 164).

Согласно ЖК и ЖМ, Константин-Философ после беседы с Михаилом III быстро составил азбуку (*абие съложи писмена*) и начал переводить Евангелие.

Георгиев доверяет «Паннонским легендам», что Солунские братья быстро составили азбуку. Однако, по его мнению, это возможно было осуществить только в том случае, если уже существовала более древняя азбука. Такой была кириллица, созданная предшественниками Константина и Мефодия. Братья создали глаголицу. «Составляя свою азбуку, Кирилл имел перед собой готовую славянизированную грече-

скую азбуку, т. е. одну более старую фазу кириллицы; вот почему он был в состоянии сразу создать свою азбуку — глаголицу» (Георгиев. Там же, с. 32). Этот аргумент не имеет доказательной силы, так как опирается на весьма спорное положение о большей древности кириллического письма сравнительно с глаголицей. В настоящее время почти все известные исследователи истории славянских азбук считают глаголицу более древним письмом.

В «Сказании о письменах» Черноризца Храбра сказано, что славяне, крестившись, стали пользоваться латинскими и греческими буквами *без устроения. И так было много лет.* Нет оснований не доверять этому сообщению. Потребность в фиксации славянской речи возникла еще до существования славянской азбуки. Владея греческим и латинским языками, представители тогдашней славянской интеллигенции произвольно по собственному усмотрению могли использовать известные им алфавиты для передачи на письме родной речи. Но все это не имеет отношения к истории славянской письменности. Это хорошо понимал Храбр, который писал, что *Константин-Философ, названный Кириллом, письмо создал и книги перевел и брат его Мефодий.* Трудно согласиться с Георгиевым, который использует текст Храбра для подтверждения своего тезиса о существовании славянской письменности до Константина-Философа и Мефодия.

Расцвет литературы и культуры в Болгарии начался в конце IX в. после прибытия в Болгарию учеников Мефодия. «Однако это неправильно,— пишет Георгиев.— Невозможно допустить, чтобы в течение каких-нибудь десятков лет болгарская литература достигла своего высшего расцвета в творениях многочисленных и крупных писателей» (Георгиев. Там же, с. 43). Вопреки всем хорошо известным фактам автор утверждает, что ученики Мефодия в Болгарии «застали там цветущую кирилловскую письменность» (Георгиев. Там же, с. 45). Однако никаких следов этой письменности не сохранилось.

Конечно, среди доказательств существования славянской письменности в Болгарии у Георгиева фигурируют недостоверные данные «Солунской легенды». Опираясь на этот источник, он утверждает: «...не ис-

ключено, что Кирилл Кападокийский участвовал в составлении кириллицы... Начальную фазу кириллицы можно искать еще в VII веке» (Георгиев. Там же, с. 48). Привлекают автора и данные «Успения Кирилла», VIII главы ЖК, «Повести временных лет», сохранившихся славянских надписей X в. Материал разнородный, имеющий различную показательность, но не свидетельствующий о расцвете славянской письменности до деятельности Солунских братьев. Естественно, взгляды и доводы Георгиева не могли найти поддержки в науке. Убедительно полную их несостоятельность показал Велчев в статье «Съществувало ли е развито славянско писмо и книжнина преди дейността на Константин-Кирил и Методий в Моравия?» В академической истории болгарской литературы Динеков пишет: «Все опыты открыть памятники славянской письменности до времени Кирилла и Мефодия до сих пор остались безрезультатными. Сообщение Черноризца Храбра, что славяне, будучи язычниками, пользовались чертами и резами, говорит о существовании каких-то знаков для обозначения повседневных, практических вещей. Очень интересно его показание, что после крещения известное время славяне делали опыты использования греческого и латинского письма. Вероятно, это был период непосредственно после крещения в 865 г. до начала 80-х годов» (История на българската литература, т. I, с. 13).

О существовании славянского письма до Солунских братьев писали Черных, Львов и ряд других исследователей. Черных был убежден, что Евангелие и Псалтырь, показанные Константину-Философу в Херсонесе, были написаны на древнерусском языке. Однако «аргументация» ученого носила исключительно эмоциональный характер. Никаких убедительных фактов, подтверждающих существование славянской письменности до 60-х гг. IX в., нет.

Во время пребывания миссии в Херсонесе произошло одно событие, имеющее в своей основе легенду, но оставившее определенный след в истории древней славянской литературы. Речь идет об обретении мощей римского епископа Климента.

Римский император Траян (98—117 гг.) сослал

непокорного третьего римского епископа Климента за активную пропаганду христианства в Херсонес, куда часто ссылали первых христиан и уголовных преступников. Здесь Климент работал на местных каменоломнях. Он продолжал и в трудных условиях проповедовать христианское учение, в результате чего значительно увеличилось число христиан. Местные власти по приказу императора подвергли Климента мученической смерти, а тело его с якорем на шее было брошено в море.

В «Похвале святому Клименту патриарху римскому», написанной Климентом Охридским, читаем: *Привязали к его шее корабельные железа, именуемые якори, отвезли от берега и в море сбросили.* Иероним в книге о знаменитых деятелях христианства (392 г.) сообщает, что Климент скончался в Херсонесе в третий год царствования Траяна (т. е. в 101 г. н. э.). Константин-Философ знал из книг о трагической судьбе римского епископа. Об этом ясно пишет Анастасий Библиотекарь Гаудериху Веллетрийскому. По его свидетельству, Константин-Философ показал и прочел местному епископу, клиру и народу, *что сообщали многие книги о страданиях, чудесах и писаниях блаженного Климента, а особенно, что в них сообщалось о постройке храма, который находился недалеко от них, и о местонахождении самого Климента по отношению к храму.* Таким образом, еще до отъезда из Константинополя Константин-Философ не только основательно изучил все необходимые источники, но и имел при себе копии этих материалов. Еще в Константинополе он решил найти мощи святого.

В самом Херсонесе к 860 г. никаких воспоминаний о Клименте не сохранилось. Некоторые слависты объясняли это тем, что Климент был сослан не в Таврический Херсонес, а во Фракийский, находящийся на полуострове Галлиполи. Анастасий Библиотекарь в письме к Гаудериху пишет: *А все жители того места* (Херсонеса.— *С. Б.*), *которые не были местными жителями, а пришельцами от различных варварских народов, даже и жестокие разбойники, утверждали, что ничего не знают о том, о чем он говорит.* Однако о Клименте ничего не знали и местные коренные жители, не знал и местный епископ Георгий. *Он* (Константин-Философ.— *С. Б.*) *сильно воодушевил всех рас-*

копать берега и поискать драгоценные мощи святого мученика, продолжает Анастасий. Все дальнейшее изложение в ЖК носит совершенно фантастический характер, много противоречивого и несуразного. 30 декабря 860 г. (в «Сказании об обретении мощей св. Климента» указано 30 января) Константин с местным архиепископом Георгием, со всем клиром и народом на корабле отправились искать останки святого. В ЖК читаем: *Убедив архиепископа, он со всем клиром и с набожными людьми сел на корабль и направился на то место. Великая тишина овладела морем. Прибыв на место, они начали копать с песнями. И вдруг они почувствовали необыкновенное благоухание, как от многих кадил, а затем появились святые мощи.* Здесь много фантастического. Во-первых, никто не мог знать, где был брошен в море Климент. Во-вторых, копать воду в море занятие бесполезное. Здесь на помощь могли прийти только водолазы. Водолазное дело было известно еще в Древней Греции. Однако об этом в ЖК не упоминается. Реалистичнее этот эпизод описан в ИЛ. *Однажды 30 декабря (860 г.), когда море утихло, упомянутый философ вместе с епископом и достопочтенным клиром, сопровождаемый большой толпой народа, подталкиваемый Христом, взошли на корабль и поплыли. И так, путешествуя на корабле с большим благоговением и надеждой, с песнопениями и молитвами, они прибыли к острову, где, по их предположениям, должно находиться тело мученика. Они обошли остров со всех сторон, освещая свой путь светом светильников, и начали копать тот холм, где можно было предполагать нахождение столь большого сокровища. Усердно и с полным упованием на Божью милость раскапывая холм, они увидели как некая пресветлая звезда по Божьему благоизволению неожиданно блеснули ребра дорогого мученика. Это наполнило всех огромной радостью. Уже без всяких колебаний они еще более усердно начали копать до тех пор, пока показалась святая голова мученика. ... Через небольшой промежуток времени по Божьей милости, как какая-то святыня, постепенно были откопаны все остальные части мощей. Наконец, показался и сам якорь, с которым святой был брошен в море. ...Все были исполнены огромной радости от такой большой Божьей благода-*

ти и после того, как архиерей отслужил на этом месте богослужение, святой муж (т. е. Константин-Философ.— *С. Б.*) *поставил на собственную голову урну со святыми мощами и среди большого торжества всех, которые его сопровождали, отнес ее на корабль. После этого урна была привезена в митрополитский город Херсонес с песнями и славословиями. Когда приближались к городу, человек знатного рода Никифор, управляющий этим городом, встретил их вместе с многими жителями. Произнеся молитву над святыми мощами, он выразил свою большую благодарность и направился перед святой урной с радостью в город. Там он снова произнес молитву перед святым досточтимым телом, которое приняли при огромном ликовании всех присутствующих. После этого рассказал всему народу о чудесном открытии. Когда уже стемнело и идти дальше по причине чрезвычайного стечения народа было невозможно, поставили урну в храме св. Созонта, находившегося около города, и бдительную стражу. Урну затем перенесли в церковь св. Леонтия* (ИЛ). Позже урну с мощами поставили в городской базилике. Сведения о всех этих событиях Анастасий Библиотекарь получил от смирненского митрополита Митрофана, который с 856 до 867 г. находился в ссылке в Херсонесе. Анастасий встретился с Митрофаном в Константинополе в 869—870 гг. на восьмом Вселенском соборе. Сообщая обо всех этих фактах Гаудериху Веллетрийскому, Анастасий пишет: *Это мне рассказал вышеупомянутый Митрофан.* В «Сказании об обретении мощей св. Климента» события изложены аналогично, но имеются некоторые новые детали. Так, сообщается, что они *со святыми мощами славного Климента весь город* (т. е. Херсонес.— *С. Б.) обойдя, в соборную церковь вошли.* Какую-то часть мощей Константин-Философ взял себе. В дальнейшем мощи сослужили ему хорошую службу. Другая часть хранилась в Херсонесе свыше ста лет. Начальная русская летопись сообщает, что в конце X в. великий киевский князь Владимир перенес мощи в Киев. «Вероятно, когда была построена Десятинная церковь в Киеве, они были помещены в гроб церкви. Затем наши летописи о них молчат, и лишь однажды, уже в Киевской летописи, под 1147 годом, мы читаем о том, что тогда в Киеве нахо-

дилась глава св. Климента. Надо думать, что эти мощи сгорели при взятии и разгроме Киева Батыем вместе с Десятинной церковью и другими киевскими святынями» (Соболевский. Чудо св. Климента папы Римского, с. 2).

Для нас эти факты представляют особый интерес, так как все рассказанные выше события вдохновили Константина-Философа не только написать об этом, но и создать гимн. Греческие подлинники этих произведений не сохранились.

Сохранилось на славянском языке «Сказание об обретении мощей св. Климента». Дошло оно до нас в поздних русских списках. Первая публикация выполнена Горским в «Москвитянине» за 1856 г. Многие слависты XIX—XX вв. высказывали свои суждения о происхождении «Сказания», об его авторе. Однако мало кто из них провел тщательный и всесторонний анализ текста. К ним принадлежит болгарский филолог Трифонов. В своем исследовании «Две съчинения на Константина-Философа (св. Кирила) за мощите на св. Климента Римски» он убедительно показал, что в «Сказании» объединены два различных произведения, которые восходят к указанным выше произведениям Константина-Философа: первая часть восходит к «Brevis historia», вторая — к «Sermo declamatorius». Не без оснований Трифонов полагал, что вторая часть была сочинена и произнесена Константином непосредственно после обретения мощей еще в Херсонесе. Первая же была написана уже после возвращения домой. Гимн, который, по свидетельству Анастасия Библиотекаря, исполнялся в греческих училищах, не сохранился. Были попытки обнаружить следы гимна в славянском переводе, но они не дали положительных результатов. «Нельзя допустить, что такое важное произведение Кирилла-Философа, основоположника славянской письменности, осталось неизвестным и непереведенным на староболгарский его достойными последователями, усвоившими самое прекрасное в его эпистолярном и книжном деле, усвоившими и продолжавшими его традиции» (Ангелов. Няколко наблюдения върху книжовното дело на Климент Охридски, с. 91). Однако убедительно доказать свой тезис Ангелов не смог.

ЖК свидетельствует еще о ряде подвигов Кон-

стантина-Философа. Он узнал, что какой-то хазарский воевода напал на христианский город. Смело туда направился Константин и убедил воеводу снять осаду. После беседы воевода *обещал креститься и удалился, не причинив никакого вреда людям.* В другом месте Константин укротил страшных венгров, которые *выли как волки и хотели его убить.* Все эти факты в какой-то степени не противоречат словам смирненского митрополита Митрофана. Позже, в 869 г. в Константинополе он сказал Анастасию: *Константин-Философ, посланный императором Михаилом к хазарам, чтобы проповедовать божественное слово, часто посещал Херсонес, то покидая его, то снова возвращаясь, потому что город соседит с землями хазар.* Так писал Анастасий Гаудериху Веллетрийскому.

Наконец, пришло время выполнить главную задачу миссии. Все члены миссии сели на корабль и по Азовскому морю направились к хазарам. Это произошло весной 861 г.

Глава IX ЖК начинается так: *Сев же на корабль, он отправился по хазарскому пути по Меотийскому озеру к Каспийским воротам Кавказских гор.* Это предельно лаконичное сообщение ЖК дало, однако, историку Артамонову возможность изложить путешествие миссии более красочно и подробно. «Из Азовского моря Константин поднялся по Дону до переволоки на Волгу и затем по последней реке спустился к Итилю. Не застав там кагана, который летнее время проводил в южной части своего государства, Константин по Каспийскому морю отправился в Дагестан к Каспийским воротам, под которыми в данном случае надо подразумевать Дербент, а не Дарьяльский проход, где и встретился с каганом» (Артамонов. История хазар, с. 332). Историк исходит из предположения, что миссия должна была направиться в столицу Итиль на Волге. Если бы здесь состоялась встреча с каганом, то в ЖК не упоминались бы *Каспийские ворота Кавказских гор.* Это справедливо. Однако Артамонов не обратил внимания на последующий текст ЖК: *Послали же хазары навстречу ему человека лукавого и коварного.* Надо думать, что это избавило миссию от ненужного путешествия в Итиль.

Из текста ЖК очевидно, что это был еврей. Он

сразу же начал вести с Константином-Философом споры по различным вопросам. Беседа началась с обсуждения не догматических, а государственно-правовых вопросов. *Лукавый и коварный муж* спросил, почему в Византии существует плохой обычай ставить императорами лиц из различных родов, тогда как *у нас обычай ставить царей из одного рода.* Константин безо всякого труда опроверг слова проводника, указав, что и евреи имели царей из различных родов (например, Саул и Давид). Обнаружив большое число книг у Константина, еврей сказал, что вся мудрость христиан в их книгах, тогда как иудеи хранят свою мудрость в груди. В ответ Константин сравнил бескнижного с голым человеком. Пришла очередь задавать вопросы Константину. Он спросил, сколько родов было от Адама до Моисея, кто и когда стоял во главе государства? Посрамленный проводник не смог ответить на этот вопрос. Данный эпизод из IX главы ЖК свидетельствует, что еврейское окружение кагана с большим беспокойством ждало прибытия византийской миссии.

В ЖК находим подробное описание прений, которые вел Константин-Философ в резиденции кагана. Об этом рассказывается в IX и X главах жития. Первые две встречи посвящены диспуту Константина с иудеями, затем начинаются прения с язычниками и мусульманами. «Чрезвычайно интересны примеры дискуссий Константина с еврейскими раввинами в «Житии». Византийский миссионер показал себя в них хитроумным греком, с глубокой богословской подготовкой и большим даром аргументаций. Никакие возражения не могут его затруднить, идет ли речь о Троице, о пришествии Мессии или о соблюдении законов Моисея» (Дворник. Славяне и Византия в IX веке, с. 148). Всесторонне обсуждаются многие вопросы религии и обряда. Примечательно, что Константин пытался склонить хазар к христианству не только общими рассуждениями, но и угрозами. По словам ЖК, Константин-Философ, конечно, одержал полную победу. Он обнаружил блестящую эрудицию, сильную логику, находчивость. Все его оппоненты были посрамлены. Каган послал письмо императору Византии, в котором благодарил его за то, что он прислал такого человека, *который объяснил*

нам христианскую веру словом и делом, святую Троицу, и мы узнали, что есть истинная вера; мы разрешили добровольно креститься людям в надежде, что и мы позже осуществим то же. Трудно сказать, в какой степени эти слова ЖК соответствовали действительности. Очевидно, недостоверно сообщение УК о том, что сам каган вместе с 200 вельможами принял христианство. Известно, что вскоре иудейская религия окончательно утвердилась у хазар.

При расставании каган хотел богато наградить византийцев. Однако Константин отказался от всех даров, попросив лишь передать ему пленных греков: *«Дай мне всех пленных греков, которых здесь имеешь; для меня это лучше всех даров», — сказал Константин-Философ кагану* (ЖК). Каган отпустил с ним двести пленных. На этом закончилась знаменитая хазарская миссия, с которой связано было столько значительных событий. Впрочем, разные события происходили и на обратном пути.

По неизвестной причине обратно возвращались по суше, сильно страдая от зноя и жажды. Снова прибыли в Херсонес. Здесь Константин-Философ узнал, что близко живет фульский народ христианского вероисповедания, который, однако, поклоняется дубу по имени Александр. Под этим деревом приносят жертвы. Незамедлительно он отправился к этому народу и убедил срубить дерево. Собственное имя дуба Александр было необычным. Так священные деревья не именовались. Дуйчев пишет: «Личное имя Александр у культового дерева порождает большие сомнения». Он полагает, что в греческом оригинале стояло прилагательное Alexandros в значении "покровительствующий, защищающий мужчин". В ЖК сказано, что женщинам нельзя было подходить к этому дереву и приносить возле него жертвы. Переводчик не понял этого прилагательного и перевел его как собственное имя Александр (см.: Дуйчев. Към тълкуването на пространните жития на Кирила и Методия, с. 103). Вопрос о локализации племени фул в Крыму до сих пор продолжает оставаться спорным. Одни археологи полагают, что племя жило в районе Коктебеля, другие — думают, что главное поселение этого племени находилось возле Бахчисарая. О фульском народе сообщает еще «Похвала Кириллу-Фило-

софу»: *Он у фульского народа безбожную ересь уничтожил.*

Детальный текстологический анализ IX, обширной X и XI глав ЖК показал, что первоначальный греческий текст Константина-Философа сокращался механически, что нарушило строгую последовательность событий. Первое сокращение было выполнено Мефодием во время перевода текста на славянский язык. Второй раз славянский текст Мефодия был сокращен составителем ЖК. Дошедший до нас текст дал материал Ламанскому для его общей отрицательной оценки степени достоверности ЖК.

Хазарская миссия вернулась в Константинополь осенью 861 г. После возвращения Мефодий был поставлен игуменом (настоятелем) богатого монастыря Полихрон на Олимпе. О Константине-Философе ЖК скупо сообщает, что он в Константинополе был принят императором, но снова *живяше безъ млъвы*, преподавал в церкви Двенадцати Апостолов (*въ цръкви святихъ апостолъ сѣдя*). Далее сообщается, что Константин расшифровал надписи на еврейском и самаритянском языках на одной драгоценной чаше, которая хранилась в храме св. Софии.

Приступаем к изложению событий, уже непосредственно связанных с деятельностью Солунских братьев в области организации богослужения на славянском языке. Речь будет идти о так называемой моравской миссии.

Как мы уже знаем, Великая Моравия в середине IX в. была христианской страной. В ее состав входили Моравия, Словакия, часть Чехии, Малая Польша, Лужица, земля бодричей. В IX в. это было одно из крупнейших государств Средней Европы, отсюда и название Великая Моравия. Центральными областями государства были собственно Моравия и Западная Словакия (Нитра). Столицей государства был город Велеград. Древнейшие раскопанные на территории Моравии христианские храмы относятся к первой половине IX в. (например, трехнефная базилика и ротонда с двумя апсидами в Микульчицах). Просуществовала Великая Моравия меньше ста лет (830—906). Церковь находилась в руках баварского духовенства. Вся церковная служба проходила на латинском языке, которого местное славянское население не знало.

Зависимость от баварского духовенства, конечно, мешала моравскому князю Ростиславу (846—870 гг.) проводить вполне самостоятельную внутреннюю политику и в отношении своих соседей. Так постепенно созревала дерзкая мысль организовать свою славянскую церковную службу, создать свое народное духовенство. Трудно сказать, сознавал ли сам Ростислав сложность задуманного им мероприятия. Еще нигде не существовало письменности на славянском языке. Нужно было создать азбуку, осуществить в короткий срок переводы хотя бы основных литургических текстов, создать свою сложную и достаточно дифференцированную церковную терминологию, подготовить большое число священников и дьяконов, способных проводить службу на славянском языке.

Естественно, что Ростислав за помощью прежде всего обратился в Рим. Однако эта затея моравского князя не нашла поддержки у римской курии. Позже папа Адриан II писал Ростиславу: *Вы просили себе учителя не только у этого светлейшего престола* (т. е. у папы.— *С. Б.*), *но и у благоверного императора Михаила. Император послал вам блаженного Константина-Философа вместе с братом, прежде чем мы успели послать кого-либо.* Тогда князь обратился за помощью к византийскому императору Михаилу III. Произошло это в 863 г. Именно в этом году в Константинополь прибыла миссия от Ростислава, который в своем послании императору, по свидетельству ЖК, писал: *Наши люди отвергли язычество и придерживаются христианского закона, но мы не имеем такого учителя, который бы на нашем языке проповедовал истинную христианскую веру.* Нередко цели миссии в литературе толкуются превратно. «Они (Солунские братья.— *С. Б.*) получили задание от византийских властей в связи с прибытием в Константинополь посольства от моравского князя Ростислава, который задумал обратить в христианскую веру свой народ и завязать союзные отношения с Византией» (Черных. Происхождение русского литературного языка и письма, с. 32). В 60-е гг. IX в. Моравия была уже христианским государством, о чем ясно сказано в ЖК. Речь шла об организации богослужения на славянском языке. По данным ЖМ, Ростислав писал в своем послании императору, что в Моравии много

учителей из разных стран (*изъ Влахъ и из Грькъ и из Нѣмьць*), но они учат различно, *а мы, славяне, простой народ и не имеем учителей, которые бы направили нас на путь истинный.* Нет ничего удивительного в том, что просьбу Ростислава в Константинополе выполнили охотно и быстро. Это укрепляло позиции Византии в Средней Европе, а византийский патриарх относился безо всяких предубеждений к организации церковного культа на народных языках, особенно в удаленных от Византии странах.

Не сохранилось ни одного византийского текста, свидетельствующего о моравской миссии Константина-Философа и Мефодия. Эта миссия не оставила заметных следов в памяти народной и у славян. БЛ убедительно свидетельствует, что уже в XI в. в порабощенной византийцами Болгарии никаких воспоминаний о моравской миссии Ростислава не сохранилось. Вот как Феофилакт описывает возникновение славянского письма и начало славянского богослужения. *Так как славянский или болгарский народ не понимал писания, изложенного на греческом языке, святые* (речь идет о Солунских братьях.— *С. Б.*) *считали это самой большой потерей... что светильник писания не горит в темной стране болгар... И так что они делают? Они обратились к утешителю, чей первый дар — языки и помощь словом, и вымолили у него эту благодать — создать азбуку, которая соответствовала грубости болгарского языка, чтобы можно было перевести божественные писания на язык народа. И действительно, предавшись строгому посту и продолжительной молитве, они ослабили свое тело и смирили свою душу и достигли желанного... После того как получили желанный дар, они изобрели славянские письмена, перевели боговдохновенные писания с греческого на болгарский и позаботились передать божественные знания своим более способным ученикам. И многие пили из этого учительского источника, между которыми избранными и корифеями группы были Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва.* Осуществив перевод священных книг на славянский язык, Константин-Философ и Мефодий отправились в Рим, чтобы показать блаженному папе свой перевод писания. Путешествие их было успешным, и они не напрасно ездили. Далее сообщается, что папа Адриан,

который тогда украшал апостольский престол, услышав об их прибытии, необыкновенно обрадовался. Он устроил пышную встречу. Взяв переведенные книги, он их положил на божественный жертвенник, посвятил их Богу как особый дар и сказал, что Бог радуется таким жертвам, плоду слова и принимает также плодоприношения как благоуханный аромат. В изложении Феофилакта многое остается неясным и противоречивым. Почему создатели славянского письма должны были получить одобрение римского папы, а не византийского патриарха? Ведь, по словам Феофилакта, деятельность Солунских братьев проходила в Болгарии, которая после принятия христианства находилась в сфере влияния византийской церкви? Почему Мефодий был рукоположен «моравским епископом в Паннонии», с которой, согласно изложению Феофилакта, он до поездки в Рим не был связан? Комментатор БЛ Милев справедливо пишет, что автор жития не имел ясного представления о географическом положении Моравии и Паннонии (Милев А. Гръцките жития на Климент Охридски, с. 150). В XI в. в Болгарии о существовании Великой Моравии и Паннонии имелись весьма смутные представления. Отсюда противоречия и несуразности в изложении многих важнейших событий в жизни Солунских братьев.

О моравской миссии Ростислава было известно автору «Успения Кирилла», что свидетельствует о большей древности этого памятника, нежели БЛ. Однако и здесь есть ошибки и неточности. Посланцы Ростислава не просили крещения, так как уже несколько десятилетий перед тем в Великой Моравии было принято христианство.

Самым важным и надежным источником, освещающим события, связанные с моравской миссией Ростислава, является ЖК. В XIV главе ЖК читаем: *Ростислав, князь моравский, по Божьему повелению посоветовался со своими князьями и моравами и послал к императору Михаилу (миссию), говоря: «Наши люди отвергли язычество и следуют христианскому закону. Однако у нас отсутствует такой учитель, чтобы на нашем языке изложил подлинную христианскую веру, чтобы, глядя на нас, и другие страны уподобились нам. Поэтому пошли нам, владыка,*

епископа и учителя такого. От вас исходит добрый закон во все страны».

С существенными отличиями эти события изложены в V главе ЖМ. *Случилось же так, что в те дни Ростислав, князь славянский, вместе со Святополком послали из Моравии к императору Михаилу (миссию) со следующими словами. «По божьей милости мы здоровы. Пришли к нам различные учители христиане из итальянцев, греков и немцев и все они учат нас различно, а мы славяне, народ простой, и не имеем никого, кто бы нас научил истине и дал бы нам разум. Поэтому, добрый владыка, пришли нам мужа, который бы нас научил всякой правде».* В отличие от ЖК здесь отсутствует самая существенная часть обоснования цели миссии: необходимости организации богослужения на славянском языке. Затем также отсутствует указание на потребность в епископе.

Третий вариант содержит ИЛ. *После того как Философ вернулся в Константинополь, моравский князь Святополк* (так написано в Пражской рукописи) *узнал о том, что сделал Философ в стране хазар. Тогда сам князь позаботился о своем народе и послал послов к упомянутому императору* (т. е. Михаилу III.— *С. Б.*), *сообщая ему, что его народ отказался от язычества и желает сохранить христианский закон; но у них нет такого учителя, который ясно и совершенно мог бы научить их этому закону. Он попросил его прислать в его страну такого человека, который бы смог совершенно разъяснить тому народу веру, требования закона и путь к истине.* Как и в ЖМ, в ИЛ в данном случае ничего не сообщается о желании моравского князя ввести в Моравии богослужение на славянском языке. Четвертый вариант представлен в летописи Нестора. *У крещенных славян их князья Ростислав и Святополк и Коцел послали императору Михаилу (миссию), говоря: «Страна наша уже крещена, но нет у нас учителей, которые бы рассказали и научили нас и растолковали бы святые книги; мы не знаем ни греческого языка, ни латинского; одни нас учат так, а другие иначе; поэтому мы не понимаем книжного образа и его силу. Пошлите нам учителей, которые смогут нам объяснить книжные слова и их содержание».*

Пятый вариант находим в УК. Константин-Философ *вернулся в Константинополь и здесь нашел послов у императора от князя Великой Моравии Ростислава, просящих крещения и учителя православной веры. Вскоре Философ и его брат были посланы императором.*

После прибытия в Константинополь миссии Ростислава во дворец был призван Константин-Философ, которому было поручено возглавить выполнение ответственной просьбы моравского князя. О беседе на эту тему между Михаилом III и Константином-Философом уже говорилось. Сразу же началась интенсивная подготовка к миссии.

Первая задача заключалась в создании азбуки, приспособленной к звукам славянской речи. Азбуки еще не существовало, но уже был накоплен известный опыт в фиксации на письме звуков славянской речи. О существовании такого опыта свидетельствует Черноризец Храбр в своем «Сочинении о письменах». Он пишет, что еще в период язычества славяне пользовались для фиксации речи какими-то *чертами и резами.* Об этих «чертах и резах» написано много, высказывались самые разнообразные предположения. Однако достоверного в них мало, так как никаких следов этих первых опытов фиксации славянской речи не сохранилось. После принятия христианства эти «черты и резы» уже не могли удовлетворить потребности общества. Тогда славяне начали применять буквы латинского и греческого алфавитов «без устроения». В латинском и греческом алфавитах нет букв, необходимых для передачи многих звуков славянской речи. Храбр пишет: *Но как можно хорошо написать греческими буквами Бог или живот, или дзело, или церковь, или чаяние, или широта, или ядь, или юность, или язык и другие подобные им?* Конечно, нельзя. Поэтому в передаче подобных слов царил произвол и хаос. *И так продолжалось много лет,* добавляет Храбр. Есть все основания полагать, что Храбр имел в виду прежде всего западных славян. Во всех сохранившихся списках «Сказания о письменах» всегда на первом месте стоит латинский, а не греческий алфавит: *римскими и греческими письменами.* А ведь Храбру, казалось бы, был ближе греческий язык. Об этом же свидетельствует утверждение,

что пользовались латинскими и греческими буквами *без устроения* много лет. Когда Константин-Философ создал первую славянскую азбуку, болгары и сербы были еще язычниками. *Устроил* славянскую азбуку *Константин-Философ, нарицаемый Кирилл.* Он создал первую славянскую азбуку из 38 букв, одни *по чину греческих письмен, другие по славянской речи.*

К словам Храбра можно отнестись с полным доверием. Его «Сказание о письменах» выдерживает проверку по всем пунктам. Первый славянский алфавит был создан в Константинополе или в монастыре Полихрон Константином-Философом в 863 г. Нет сомнений, что его активным помощником был Мефодий. Возможно, в этой работе принимали участие ученики апостолов из числа местных славян. Для этой работы потребовалось известное время. Примечательно, что оба «Паннонских жития» (ЖК и ЖМ) сообщают, что славянская азбука была создана быстро: *абие устройв писмена* (т. е. быстро, сразу). Оба брата были готовы выполнить это поручение императора. Константин был отлично по тем временам подготовлен в теоретическом отношении, Мефодий хорошо владел практически славянским языком. Константин не только хорошо знал многие языки, не только уже имел опыт переводчика грамматики с еврейского на греческий, но и во время своего обучения в Магнаурском дворце под руководством Фотия прошел хорошую филологическую подготовку. Круг интересов Фотия был широк. Среди его трудов следует вспомнить сочинение «Лексика», в котором затрагивались многие вопросы языка. Переводя с еврейского на греческий язык текст грамматики, Константин-Философ столкнулся с существенными различиями в грамматическом строе. Автор ЖК специально отмечает, что, знакомясь с Евангелием и Псалтырью, написанными *роскими писменами,* Константин обратил особое внимание на разграничение гласных и согласных. Вся эта предварительная работа помогла создателям славянской письменности произвести удачную сегментацию славянской речи на значимые звуковые элементы, ясно представить все особенности и отличия славянского грамматического строя.

Константин-Философ и Мефодий должны были решить трудные задачи: создать новый алфавит, отве-

чающий звуковому строю славянского языка, произвести отбор фонетических и грамматических признаков, которые, таким образом, становились нормой нового письменного языка, провести сложную работу по созданию специальной терминологии. Часто указывают на особую сложность первой задачи, которая, по мнению многих славистов, не могла быть решена в течение нескольких месяцев. Я думаю, что из всех указанных задач она не была самой трудной. Высокая языковая культура Солунских братьев, хорошее знание многих языков, постоянное общение с носителями местного славянского культурного диалекта дали возможность без труда установить точную сегментацию звукового потока на значимые элементы и найти для каждого элемента буквенное выражение. Значительно сложнее было решить вторую задачу. В основу был положен тот славянский язык, на котором говорили в монастыре Полихрон сам игумен и монахи славянского происхождения. В данном случае большие трудности были в области синтаксиса, особенно синтаксиса сложного предложения. Устная речь имеет свои законы построения предложения, которые механически нельзя переносить в письменный язык. Не вызывало бы никакого удивления, если бы славянский синтаксис рабски подчинялся греческому. В некоторых случаях так и произошло. Однако таких случаев сравнительно мало. Создателями нового письменного языка были найдены средства для передачи сложных синтаксических структур греческого языка средствами живой славянской речи. «В синтаксисе старославянского языка непосредственных калек, созданных по образу греческого, немного; их количество ограничено скорее только отдельными случаями. Но греческий как язык образцов создал для переводчиков во многих случаях необходимость выражения новых и до того неизвестных в народном языке оборотов и таким образом стал одновременно образцом для удовлетворения этих нужд. Итак, греческий способствовал активизации и формированию некоторых языковых средств, которые содержались в диалектной народной основе старославянского языка в неразвитом виде или в качестве необнаружившихся до тех пор возможностей выражения. Кроме того, в соответствии с греческим иногда менялась относитель-

ная частота конкурирующих языковых средств, в результате чего менялось и их место в системе старославянского языка и их стилистическая оценка» (V e č e r k a. Slovanké počátky české knižní vzdělanosti, s. 107). Трудной была и третья задача. Решалась она путем заимствования терминов из греческого, калькирования греческих и создания новых славянских терминов.

В основу нового алфавита было положено греческое скорописное письмо (минускульное письмо). Сейчас трудно объяснить, почему создатели славянской азбуки отдали предпочтение греческой скорописи, а не уставу. Дело в том, что церковные тексты принято было в Византии писать унциальным письмом. Много времени, конечно, отняло создание новых букв для передачи звуков, отсутствующих в греческом языке. Тут большую помощь оказало знание алфавитов многих языков (еврейского, коптского и др.). Вопрос о происхождении букв первого славянского письма обстоятельно рассматривается в курсе старославянского языка. Это письмо в будущем получило название г л а г о л и ц ы, под которым оно известно и теперь. Точного представления о первоначальном виде глаголического письма мы не имеем, так как древнейшие известные нам глаголические тексты моложе первоначальных на 150 лет. За это время глаголица могла претерпеть значительные изменения, что подтверждается историей глаголицы у хорватов, которая за короткий срок была существенно преобразована.

Создание алфавита было лишь первым шагом в подготовке к моравской миссии. Теперь необходимо было приступить к переводу на славянский язык богослужебных книг, в первую очередь недельного Евангелия (Апракоса), важнейшей книги церковной службы. Эта работа была значительно сложнее. Нужно было греческий текст точно передать на языке, который пока еще не выходил за рамки разговорного языка, не имел соответствующей терминологии. Но напряженная деятельность шла и в этом направлении. Конечно, в ней принимали участие не только Солунские братья, но и их ученики, с которыми позже они вместе заложили основы славянского богослужения в Великой Моравии. Как свидетельствует ЖК, до отъезда в Моравию в Византии был сделан

перевод краткого Апракоса, дошедшего до нас в славянском переводе от XI в. (например, Ассеманиево евангелие). Апракосное евангелие начинается словами из Евангелия от Иоанна: ИСКОНИ БѢ СЛОВО И СЛОВО БѢ ОТЪ БОГА и БОГЪ БѢ СЛОВО, которое читается в пасхальное воскресенье. В ЖК сообщается, что после беседы с императором Константин-Философ создал вместе со своими сотрудниками (*съ инѣми съпоспѣникы*) азбуку и начал переводить Евангелие. ЖК не содержит точных свидетельств, что перевод Апракоса был полностью завершен до отъезда в Моравию. Однако большинство специалистов полагают, что миссия привезла с собой полный славянский текст краткого Апракоса. Это подтверждает ИЛ, в которой читаем: *Когда с божьей помощью они* (Солунские братья.— *С. Б.*) *прибыли в ту страну* (т. е. в Великую Моравию.— *С. Б*), *местные жители, узнав об их прибытии, очень обрадовались, так как слышали, что они принесли с собой мощи св. Климента и Евангелие, переведенное на их язык упомянутым выше Философом. Они вышли за пределы города, чтобы их встретить, и приняли их с почестями и с большой радостью.*

На какой славянский язык был сделан первый перевод Евангелия еще в Византии? Естественно, что это был тот язык, на котором отлично говорил Мефодий, который он хорошо знал с молодых лет, выполняя функции правителя одной из славянских областей Византии. Это не был обычный крестьянский диалект. Это был наддиалектный культурный язык, лишенный письменности, но в устном общении достаточно нормированный, имевший развитую терминологию. Конечно, в нем было много заимствований из литературного и народного греческого языка. Переводчики стремились по мере возможностей ославянить эти заимствования, придать им черты славянской речи. Погорелов обратил внимание на то, что переводчики мало считались с грамматикой греческого языка. Так, в славянском тексте Евангелия склоняются те имена, которые в греческом не склонялись. «Все эти явления указывают нам на ясное желание переводчика придать этим чуждым словам славянский вид, ославянить их, а надо сказать, что этой цели он достигает с большим искусством. Отме-

тим прежде всего его стремление избегать употребления несклоняемых слов, которых так много в греческом тексте Евангелия и которые все получили те или другие формы склонения в славянском переводе. Эта черта вполне соответствует духу славянской речи» (Погорелов. Формы греческих слов в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия, с. 24). Однако из этих интересных и важных наблюдений Погорелов делает совершенно неожиданный и странный вывод: переводчик (т. е., по мысли автора, Константин-Философ) плохо знал греческий язык, о чем якобы свидетельствует текст ЖК, где сказано, что в Солуни он не мог найти учителя по грамматике, а в Магнаурском дворце уж очень быстро овладел всеми премудростями греческого языка. По мнению Погорелова, переводчик должен был в греческих словах сохранять грамматику греческого языка. Деятели славянской письменности IX в. лучше понимали задачи перевода, нежели ученый славист XX в. (см.: Геров. Към въпроса за народността на Кирил и Методий).

Нет сомнений в том, что переводчики во время работы над славянским Апракосом по образцу греческих слов сами создавали новые славянские слова. Трубецкой в своих лекциях называл этот язык «працерковнославянским языком», что никак нельзя признать удачным. Точнее говорить о языке первого перевода Апракоса. Прямых источников, характеризующих этот язык, нет. Здесь требуется сложная реконструкция, опирающаяся на текст конца X—XI в. В дальнейшем в Моравии этот первый славянский письменный язык претерпел значительные изменения. При реконструкции следует иметь в виду, что этот язык испытал изменения не только в Великой Моравии и Паннонии, но позже и в Болгарии (подробно см.: Мареш. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве).

После длительных приготовлений моравская миссия во главе с Константином-Философом в конце 863 г. направилась в Великую Моравию. Константин вез с собой послание Михаила III князю Ростиславу. В нем византийский император поздравлял моравского князя с тем, что теперь его народ присоединяется к тем великим народам, которые славят Бога на родном языке: *чтобы вы были причислены к ве-*

ликим народам, которые славят Бога своим языком. Он дает отличную рекомендацию руководителю миссии, называя его мужем честным и благоверным, очень образованным философом. В состав миссии входило большое число людей, везли много драгоценных подарков. Ехали по хорошо известной дороге через Ниш и Белград. В ЖМ эта дорога названа моравской: *Константин направился по моравской дороге, взяв с собой Мефодия.* Эта дорога шла через Болгарию. Один раз в своей жизни Солунские братья ступили на землю той славянской страны, которая в будущем сделала больше всех, чтобы прославить их имена. Через 23 года этой же дорогой в тяжелых условиях возвращались поруганные и обездоленные ученики Мефодия. В 863 г. отношения между Византией и Болгарией были враждебными. Исходя из этого, некоторые исследователи полагают, что путь миссии шел не через Болгарию, а окружным путем через Далмацию.

Ростислав устроил византийцам торжественную встречу. Наступил самый важный период деятельности Солунских братьев и их учеников, продолжавшийся, по данным ЖК, сорок месяцев. Таким образом, можно полагать, что Константин, Мефодий и их ученики находились в Моравии до начала весны 867 г.

Удивительна и непонятна лаконичность ЖК и ЖМ в изложении событий этих лет. В ЖК хазарской миссии посвящены четыре большие главы, тогда как моравской — только одна небольшая глава, которая к тому же почти лишена фактических данных. Еще меньше сведений находим в ЖМ. Не богаты фактами и другие памятники. Вот почему в сочинениях различных авторов моравский период (конец 863 — начало 867 г.) характеризуется противоречиво, а недостаток точных данных компенсируется различного рода гипотезами и предположениями. Почему составитель ЖК, подробно описывающий разные события из жизни Константина, предельно скуп на слова при характеристике событий моравского периода, важнейшего периода в жизни апостола? Почему совсем отсутствует реальный комментарий к событиям, не указываются названия городов и мест, где жили и работали братья? Как сильно отличаются описания

хазарской и моравской миссий не только количеством реальных сведений, но и всем стилем изложения! На все поставленные нами вопросы пока ответа нет.

Было бы наивно думать, что сразу же после прибытия византийцев вся церковная служба в Моравии перешла на славянский язык. Необходим был длительный период постепенного перехода на славянский язык. Это было обусловлено необходимостью создания новых переводов литургических текстов, дальнейшим развитием и обогащением славянского церковного языка, подготовкой из среды местных славян священников. Кроме того, много сил и энергии уходило на борьбу с местным баварским духовенством, которое боролось за сохранение латинского богослужения, хотя наиболее активные его представители были изгнаны Ростиславом из Моравии после прибытия сюда византийской миссии.

Простой народ, конечно, понимал далеко не все значения слов, которые он слышал во время церковной службы. Однако отдельные важнейшие церковные термины он знал. Не обходилось дело без родного языка и на исповеди. Следует учитывать, что еще на Франкфуртском соборе в 794 г. и неоднократно позже были приняты постановления, разрешающие отцам западной церкви проводить беседы и читать проповеди на родном языке паствы. В ряде случаев римская курия разрешала чтение основных молитв на родном языке (например, Отче наш и др.), которое включало основы вероучения. Можно предполагать, что в первой половине IX в. в Моравии существовали записи молитв на местном славянском языке латинскими буквами *без устроения.* Именно так можно толковать слова Храбра. Конечно, любое категорическое утверждение в этом направлении является недопустимым.

К прибытию в Моравию византийской миссии местная христианская церковь уже прошла немалый путь развития. Здесь утвердилась новая христианская терминология латинского происхождения, в некоторых случаях отражающая германское посредство. В славянских землях епархии, где было много священников славянского происхождения, на родном языке читались проповеди, проводилась исповедь,

произносились основные молитвы. В устной традиции существовали термины обычного права, была славянская административная терминология, известны были произведения устного народного творчества. «На территории Великой Моравии этот литературный язык (язык перевода краткого Апракоса. — *С. Б.*) пришел в соприкосновение с великоморавским культурным диалектом, которым пользовались в произведениях народно-поэтического устного творчества, в статьях передаваемого устной традицией обычного права, во внутриполитических, административных делах, в распространении христианства, проникавшего в пределы Великой Моравии уже задолго до деятельности Константина и Мефодия» (В е ч е р к а. Великоморавские истоки церковнославянской письменности в Чешском княжестве, с. 496). Перед Константином-Философом и Мефодием стояла задача использовать местный опыт создания славянской церковной терминологии, опыт переводов важнейших молитв и т. д. С этой задачей они справились успешно. Успех византийской миссии объясняется, на наш взгляд, только тем, что Кирилл и Мефодий могли в своей работе опереться на автохтонное славянское духовенство, проводившее и до их появления в Моравии и Паннонии миссионерскую деятельность среди славянского населения.

Учитывая это обстоятельство, можно понять, почему византийцы, окруженные в Моравии сильными и коварными врагами в лице баварского духовенства, в руках которого были все рычаги церковной власти, успешно и сравнительно быстро осуществили поставленные перед ними задачи. «Высокообразованные, бескорыстно преданные своему делу, чуждые всякого стяжательства, близкие и понятные народным массам, братья выступали как прямая противоположность алчным, в большинстве невежественным и чуждым народу немецким миссионерам, которые, надо думать, потеряли всякое влияние, а вместе с тем и большую часть своих доходов в Моравии» (Г р а ц и а н с к и й. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве, с. 88).

В течение короткого времени в Моравии шел интенсивный процесс формирования славянского пись-

менного языка, устного языка славянской проповеди. Главная функция его была церковно-богословская. Однако жизнь ставила новые задачи. Он начал играть заметную роль в административной жизни страны, на нем стали фиксировать правовые нормы. Составляющими его элементами были, с одной стороны, язык первого перевода краткого Апракоса, с другой — местный славянский культурный язык. Изучение процесса формирования этого языка не представляло бы значительных трудностей, если бы до нас дошли славянские моравские и паннонские тексты 60—80-х гг. IX в., даже тексты первой половины X в. К сожалению, приходится судить об этом процессе на основании текстов, сохранившихся от конца X и от XI в. Язык этих текстов, написанных в Моравии или Болгарии, некоторыми своими чертами восходит к старому языку, в то же время существенно от него отличается, отражая новообразование конца X в. Надежных критериев для этого разграничения нет.

Нельзя пользоваться для проведения указанного разграничения элементами греческого языка, проникавшими в первый славянский письменный язык. Дело в том, что не только перевод краткого Апракоса, выполненный еще в Византии, но и более поздние переводы моравского периода делались в своей массе с греческих оригиналов. Проще решается вопрос со старославянскими латинизмами и древнейшими германизмами, которые уверенно можно возводить к моравскому культурному языку.

В сохранившихся славянских текстах X—XI вв. (старославянские памятники болгарского извода, Киевские листки, Фрейзингенские отрывки и др.) во многих случаях можно разграничить южнославянские и западнославянские языковые особенности (рефлексы dj, tj, ort, olt под циркумфлексной интонацией, судьба tl, dl, судьба *х* по второй и третьей палатализации, суффикс -stvije, тв.-ед. *ъмь* и др.). Однако нельзя механически переносить факты X—XI вв. в IX в. Именно в этом состоит вся трудность задачи.

Точных данных о литературной и переводческой деятельности Константина-Философа и Мефодия и

их учеников в первый моравский период (863—867 гг.) мы почти не имеем. В XV главе ЖК читаем: *Вскоре же весь церковный чин перевел и научил их утрене и часам и обедне и вечерне, и тайной молитве.* Можно предположить, что были переведены основные литургические тексты, без которых церковная служба невозможна. Ветхий завет не был в это время переведен, но Паремейник в славянском переводе, вероятно, уже существовал. По данным XV главы ЖМ, были переведены Евангелие, Псалтырь, Апостол и избранные церковные службы. Некоторые исследователи не без оснований полагают, что византийцы первоначально осуществляли церковную службу на греческом языке и лишь постепенно по мере создания новых переводов переходили на славянский язык. Вероятно, местное славянское духовенство до перехода на славянское богослужение пользовалось латинским языком. Все это на первых порах смягчало остроту положения. Против богослужения на греческом языке баварское духовенство протестовать не могло.

В самом церковном латинском и греческом обряде уже в это время существовали известные различия. Позднее они стали весьма значительными. Были непримиримые расхождения философско-богословского характера. Местное славянское население за длительный период уже привыкло к латинскому обряду. Руководители византийской миссии в данном пункте проявили себя умными и хитрыми политиками. Прекрасно понимая свою зависимость от римской курии, они умело синтезировали традицию своей церковной службы с местными традициями.

В приложении к переводу книги Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители» Погодин писал: «Вероятно, что Кирилл и Мефодий, сии в высокой степени благородные греки, желая сохранить важнейшую выгоду — употребление языка славянского, и свое влияние на обращенных, решились на принятие некоторых внешних обрядов римских». В более осторожной форме об этом же писал Григорович. «Водворяя, однако же, у славян славянское богослужение, они охраняли его примирительностью и этим дали пример другим народам уважения к чужим религиозным убеждениям» (Григорович. Не-

сколько слов..., с. 111). Знаменитые Киевские листки отлично отражают эту тенденцию. Папа Адриан II писал Ростиславу: *Эти же* (т. е. Константин-Философ и Мефодий. — *С. Б.*) *ничего не делали противного канонам.*

За три с лишним года была проделана огромная работа. В ней принимали участие не только Солунские братья и их ученики еще византийского периода, но и многочисленные местные ученики. Имя местного славянина Горазда стоит рядом с именами Климента, Наума и других известных деятелей славянской письменности. Резиденция Константина и Мефодия находилась в Велеграде. Однако они много ездили по стране, освящая храмы, организуя в разных местах подготовку священнослужителей. ИЛ содержит очень важные свидетельства об учительской деятельности Солунских братьев среди детей местного славянского населения. *Братья старательно взялись за выполнение того, ради чего они прибыли сюда, обучать чтению и письму их детей, организовывать церковные службы, чтобы серпом слова выкорчевывать различные заблуждения, которые они обнаружили у этого народа.* Примечательно, что прежде всего отмечается обучение детей, а уже затем речь идет об организации церковной службы на славянском языке.

Руководители моравской миссии значительно расширили здесь задачи, сформулированные Ростиславом в его обращении к императору Михаилу III. Солунские братья не ограничились переводом церковного обряда с латинского на славянский язык, но активно начали решать и формулировать правовые установления и законы. В этой своей деятельности они смело и решительно вторгались в область гражданского и семейного права. «Речь идет не только о крупном сдвиге в области языка, литературы и литургии, но и о могучем вмешательстве в юридическую организацию моравского государства, свидетельством чего являются три литературных памятника юридического содержания» (Вашица. Кирилло-мефодиевские юридические памятники, с. 12). Примечательно, что Ростислав не мешал братьям проявлять активность в этом направлении. Конечно, главную роль играл Мефодий, имевший большой

опыт администратора. В первый моравский период был переведен с греческого «Закон судный людям», имевший в своей основе Эклогу. Однако были сделаны существенные дополнения и сокращения, обусловленные конкретными обстоятельствами местной жизни. Из полного текста Эклоги, которая содержит 144 главы, была взята только 31 глава, но и здесь были внесены различного рода исправления и дополнения. «Закон судный», очевидно, был написан раньше, в первый период деятельности Солунских братьев в Моравии, до ухода их в Рим, при участии Константина-Кирилла, как показывают вводные слова первой статьи. Об этом свидетельствуют содержание и язык этого судебного пособия» (Вашица. Там же, с. 27). Этому древнеславянскому памятнику посвящена обширная литература. Существует много теорий о его происхождении. Но это уже задача другой работы.

Поражение Ростислава в августе 864 г. в войне с объединенными силами немцев и болгар осложнило деятельность Солунских братьев. Активизировались враги славянского богослужения. Вновь подняли головы так называемые триязычники, тем более, что к этому времени период богослужения на греческом и латинском языках завершился и повсюду господствовало славянское богослужение. Однако и в это трудное время Константин и Мефодий проявляют большую выдержку, силу характера и дипломатические способности. Только лишь в одном пункте высшее немецкое духовенство было очень сильным. Дело в том, что братья не имели права рукополагать своих учеников в священники. Это имел право делать лишь епископ, в данном случае немецкий епископ. Создалась труднейшая ситуация. Братья приняли решение вернуться вместе с большой группой своих учеников в Константинополь для возведения учеников в сан священников. В начале 867 г. они направились в Венецию, чтобы оттуда морем вернуться в Константинополь. Видимо, предполагалось, что руководители миссии не вернутся в Моравию. Только этим можно объяснить, что, провожая апостолов, Ростислав хотел дать им богатые дары, от которых они отказались. После их отъезда служба на славянском языке продолжалась. ИЛ сообщает,

что они оставили там все писания, которые были необходимы в церковной службе.

По дороге в Венецию вся группа посетила Блатенское княжество, во главе которого в это время стоял сын Прибины Коцел. В настоящее время эта территория населена венграми и является частью Венгрии. В IX в. тут жили предки словенцев. По просьбе Коцела вся группа во главе с Константином-Философом задержалась здесь на довольно длительный срок. По свидетельству ЖК, *Коцел князь Паннонский очень полюбил славянские буквы, научился им и дал им* (Константину и Мефодию. — *С. Б.*) *в обучение 50 учеников.* Так возник новый центр славянской письменности.

Прощаясь с Коцелом в Паннонии, Константин-Философ отказался *от золота, от серебра и других вещей.* Он лишь попросил отпустить на волю пленных. Освобождение пленных — постоянный мотив доблестных деяний Константина.

Наконец, вся группа во главе с Константином-Философом прибыла в Венецию. Пребывание в Венеции связано с диспутом, в котором приняли участие католические епископы, священники, монахи, набросившиеся на Константина *как вороньё на сокола* (ЖК). Его обвиняли в том, что он нарушил священный обычай славить Бога только на еврейском, греческом или латинском языках. *Скажи нам, как ты теперь создал славянские книги и учишь по ним, о которых никто не знал, ни апостолы, ни римские папы, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин. Мы же знаем только три языка, которыми в книгах можно славить Бога: еврейский, греческий и латинский* (ЖК).

Вопрос о языках в богослужении в христианской религии имеет длительную историю. В католической богословской литературе очень рано утвердилось учение, согласно которому tres autem sunt linguae sacre: Hebraea, Graeca, Latina; quae toto orbe maxime excellunt. His enim tribus linguis super Crucem Domini a Pilato fuit causa ejus scripta, т. е. «три языка священные: еврейский, греческий, латинский, которые во всем мире больше всего возвышаются. Это потому, что на этих трех языках на кресте Христа Пилатом была написана его вина». Так писал в VII в.

севильский епископ Исидор в своей «Этимологии», так писали после него многие деятели западной церкви. В отличие от западной церкви в восточной византийской свободно допускалось богослужение на родных языках населения, что приводило к созданию своей письменности. Выше я уже цитировал Константина-Философа, который перечислил все народы, имеющие письменность на родных языках. В Византии учение о трех языках считалось еретическим, а сторонников этого учения называли триязычниками-пилатниками.

Следует иметь в виду, что споры о языках носили не столько конкретно-церковный характер, сколько отвлеченно-богословский. Реальная жизнь вносила существенные коррективы в церковную практику. Западная церковь признавала священными три языка, но фактически использовала только латинский язык. Знание греческого языка в Риме и во многих ему подчиненных в церковном отношении областях было редким явлением. Даже папы часто этого языка не знали. Как уже сообщалось, Анастасий Библиотекарь должен был для Гаудериха Веллетрийского, который не знал греческого языка, перевести тексты на латынь. Еврейский язык знали очень немногие. Кроме того, сохранилось немало свидетельств, когда римские папы в той или иной форме вынуждены были допускать в проповеди и даже в церковную службу родной язык паствы. Вот один из многих примеров. Папа Иоанн VIII в послании Святополку моравскому от июня 880 г. писал: *И в конце мы по праву восхваляем славянское письмо, изобретенное некогда Константином-Философом, чтобы на нем прозвучали предназначенные Богу молитвы, и приказываем, чтобы на этом языке произносились проповеди о деяниях нашего господа Христа, потому что мы славим Бога не только на трех, но и на всех языках... Для веры и учения, естественно, ни в коем случае не является препятствием, чтобы литургия слушалась на славянском языке или святое Евангелие и божественное чтение Нового и Ветхого заветов и все другие службы читались и слушались на хорошо переведенном и верно истолкованном славянском языке, так как тот, кто создал три главных языка, а именно еврейский, греческий*

и латинский, сам создал и все другие языки для своей чести и славы. Правда, папа на первое место в моравском богослужении ставит латинский. *При всем том повелеваем, чтобы в церквях вашей земли для большего почитания Евангелие сперва должно читаться на латинском языке и лишь после того на славянском языке для народа, который не понимает латыни.* Примечательна завершающая часть послания: *Если тебе и твоим вельможам больше нравится слушать литургию на латинском языке, повелеваю для тебя проводить литургию только на латинском языке.*

В русской летописи Нестора римский папа резко осуждает триязычников. *Услышав же это, римский папа похулил тех, которые ропщут на славянские книги, сказав: «Пусть будет книжное слово, на котором Бога будут славить все языки... Кто же будет хулить славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви пока не исправится».*

Прав был Ягич, который верно определил отношение римской курии к богослужению на родных языках мирян. «Допущение славянского языка в богослужение не принадлежит к области христианской догмы, вопрос о языке есть вопрос оппортунизма и администрации. Отсюда ясно, что различные папы относились не одинаково к этому вопросу» (Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, S. 24). Следует добавить, что порой один и тот же папа (например, Иоанн VIII) различно формулировал свое отношение к богослужению на славянском языке.

Немало было противоречий и в практике византийской церкви. На церковном соборе в Константинополе в 869—870 гг. было принято решение, что болгарская церковь с собственным архиепископом переходит под власть Константинопольского патриарха. Был установлен греческий обряд, и все богослужение происходило только на греческом языке. Большая группа молодых болгар была направлена в Константинополь для специальной подготовки и изучения греческого языка. Позже Борис отправил в Константинополь своего третьего сына Симеона, который в школе Магнаурского дворца получил фундаментальную подготовку. О «триязычной ереси» никто и

не вспомнил, хотя основное население страны, конечно, не понимало по-гречески. «Обвинение в триязычной ереси Фотий использовал только в связи с борьбой между константинопольской и римской церквями в Великой Моравии, но подобные обвинения по отношению к Болгарии не были выгодны Византийской политике, и поэтому они не были никак сформулированы. Не в интересах византийцев было организовать в болгарском государстве славянскую церковь и славянскую письменность и культуру» (Ангелов. Кирил и Методий и византийската култура и политика, с. 65—66). Лишь Симеону удалось создать совершенно самостоятельную болгарскую церковь. На соборе в Преславе в 893 г. славянский язык стал официальным языком государства и церкви. Как уже указывалось, вскоре после разрушения Первого болгарского царства и установления византийского рабства в Болгарии было ликвидировано богослужение на родном языке и введен снова греческий язык.

Венецианский диспут освещен в XVI главе ЖК. Это одна из наиболее поэтических глав жития. В ее состав вошло собственное произведение Константина-Философа. Конечно, и в данном случае Константин одержал полную победу над своими оппонентами. Приведу небольшой отрывок из этой главы ЖК, который представляет собой цитату из послания апостола Павла к коринфянам: *И неодушевленные пищаль или гусли, если не производят звука, как понять их писк или гудение? Если труба будет безгласной, кто приготовится к битве? Так и вы, если издаете своим языком непонятные слова, как поймут то, о чем вы говорите? Вы будете говорить в воздух. Сколько звуков в мире и не один из них не безгласен. Если я буду знать силы голоса, то буду подобным говорящему мне варвару и он будет для меня варваром. Так и вы духовные ревнители просите, чтобы все было в избытке для церкви. Пусть говорящий на языке молится о понимании... Вот почему, братья, помогайте прорицанию и не запрещайте говорить на различных языках.* Павел, конечно, не вкладывал в свои слова то содержание, которое придал им Константин-Философ. В I в. проблемы триязычья еще не существовало.

Длительное пребывание Солунских братьев в Венеции является загадочным. В ту пору Венеция, сохраняя известную самостоятельность, входила в состав Византийской империи. «Связь Венеции с Константинополем была самой тесной. Греческие и венецианские суда беспрерывно доставляли в Венецию восточные изделия и византийские товары» (Дворник. Славяне и Византия в IX веке, с. 179). Казалось бы, можно было быстро сесть на один из кораблей и уехать на родину, которую братья давно уже не видели. Но они не торопились это сделать. По этому поводу высказывалось немало разных догадок и предположений. Наиболее достоверной причиной, на мой взгляд, является резкое обострение отношений между Римом и Константинополем. Папа Николай I именно во время пребывания братьев в Венеции отлучил от церкви Фотия. Произошли крупные события в Константинополе: 23 сентября император Михаил был убит, патриархом вместо Фотия стал его заклятый враг Игнатий, о котором уже говорилось. Братья несколько лет работали в областях, подчиненных юрисдикции римской курии. Константин, конечно, еще не забыл Игнатия, из-за которого он в свое время должен был оставить пост секретаря патриарха. В такой ситуации поездка в Константинополь была бессмысленной. Стало очевидно, что нужно искать поддержку только в Риме. И тут на помощь пришли мощи, которые, оказывается, братья берегли еще со времени хазарской миссии. Речь идет о так называемых мощах римского епископа Климента. Дворник полагает, что братья «взяли их с собой потому, что они провозгласили святого Климента патроном своей миссии» (Dvorník. Byzantské misie u Slovanů, s. 146). О мощах Климента узнали в Риме, и вскоре братья получили приглашение от папы Николая I прибыть в Рим. *После того как узнал обо всем этом преславный папа Николай, он очень обрадовался от полученного сообщения. Он приказал пригласить их апостолическим письмом пожаловать к нему. Получив эту весть, они были удостоены приглашением апостолической кафедры. Они сразу же отправились в путь* (ИЛ).

В конце 867 или в начале 868 г. группа во главе с Константином-Философом прибыла в Рим. ИЛ сви-

детельствует, что Константин-Философ взял с собой только тех учеников, которые были бы в будущем достойны получить сан епископа (quos dignos esse ad episcopatus honorem recipiendum censebant). За это время папа Николай I умер и на смену ему 14 декабря 867 г. пришел новый папа Адриан II. Встреча превзошла все ожидания. *И когда он* (Константин-Философ. — *С. Б.*) *прибыл в Рим, навстречу ему вышел сам римский папа Адриан со всеми гражданами, несущими свечи, так как они знали, что он несет с собой мощи святого Климента мученика и римского папы* (ЖК). Значительно торжественнее этот эпизод описан в БЛ: *Адриан, который в это время украшал папский престол, узнав о их прибытии, необыкновенно обрадовался. Пораженный издавна громом славы святых, он пожелал видеть блеск их благодати, чувствуя к божественным мужам то, что чувствовал Моисей к Богу, когда пожелал увидеть желанное лицо Бога и его ясно увидел. Он не мог больше ждать, но, взяв с собой всех священников и находящихся там архиереев, вышел встретить святых. Согласно обычаю, пред ним несли знак креста.* Новый папа признал славянскую литургию, освятил церковные книги на славянском языке, в церкви св. Марии началось богослужение на славянском языке. «Это было очень кстати: посольство везло с собой мощи св. Климента, что давало Адриану возможность явиться перед римлянами в полном величии своего духовного сана» (Бильбасов. Римские папы и славянские первоучители, с. 340).

Прибывшие поселились в одном из греческих монастырей, которых в Риме было немало. Возможно, это был монастырь св. Пракседы, расположенный возле церкви св. Марии, где происходило богослужение на славянском языке. Сообщение ЖМ о славянском богослужении в соборе св. Петра признано недостоверным. По приказу папы два епископа, Формоз и Гаудерих Веллетрийский, рукоположили в священники прибывших учеников Солунских братьев. *И повелел одному епископу, который был болен той же болезнью* (т. е. был пилатником. — *С. Б.*), *посвятить из славянских учеников трех в священники, а двух в анагосты* (т. е. в чтецы. — *С. Б.*) (ЖМ). Речь, конечно, идет о Формозе. Гаудерих Веллетрий-

ский не был противником славянского богослужения. *Затем и Климента и Наума с прочими священниками и дьяконами рукоположили*, сказано во втором житии Наума. Из VI главы ЖМ мы узнаем, что многие из окружения Адриана II были противниками славянской литургии. *Было же много, которые поносили славянские книги, утверждая, что не подобает никакому народу иметь свои буквы, кроме евреев и римлян, согласно надписи Пилата, написанной на кресте господнем. Папа принял их, назвав их пилатниками и триязычниками.* По свидетельству ЖМ, Мефодий, до того монах, был также рукоположен в священники (*на поповьство*). В ИЛ сообщается, что *они посвятили его брата в священники.* Это сообщение недостоверно, так как Константин был священником. В ИЛ нет сообщений о посвящении Константина-Философа в епископы. Конечно, не обошлось без чудес, был диспут с одним «жидовином». Константин со свойственным его натуре темпераментом принимал самое активное участие в жизни Рима. Он встречался с римлянами, которые требовали от него разного рода объяснений, проводил беседы с представителями различных слоев населения, вербовал сторонников славянского богослужения. В письме Карлу Плешивому от 23 марта 875 г. Анастасий, вспоминая о своих встречах с *великим мужем апостольской жизни Константином-Философом*, сообщает о беседе апостола со слушателями о греческом богослове V в. Дионисии Ареопагите. Так прошел весь 868 г. Однако, несмотря на большой внешний успех, полной победы не было. Все получили повышение по церковной линии, кроме... самого Константина. Он должен был получить сан епископа. Славянская церковь должна была иметь своего авторитетного пастыря. Однако папа медлил, а время шло. Уже в конце 868 г. Константин тяжело заболел. Предчувствуя смерть, он в середине декабря под Рождество принял схиму. С разрешения папы принял монашеское имя Кирилл, которое он при жизни носил только 50 дней (по свидетельству БЛ, только десять дней). Перед смертью он сказал Мефодию: *Вот, брат, мы оба в одной упряжке борозду пахали, я теперь падаю на гряде, свой день заканчивая. А ты очень любишь гору* (т. е. Олимп. —

С. Б.), *но ради горы не бросай своего поприща учителя* (ЖМ). Этот пассаж в ЖМ (его нет в ЖК) свидетельствует, что Мефодий серьезно думал о возвращении на родину. Даже на смертном ложе Константина-Философа не оставляла мысль о триязычниках. «*Уничтожь триязычную веру*», — *молился апостол в предсмертный час.*

В состав последней главы ЖК автор включил текст предсмертной молитвы Кирилла. Язык и весь стиль этого текста резко выделяются своими высокими художественными достоинствами.

К самому последнему периоду деятельности Константина-Философа относится его произведение «Написание о правой вере». Впервые неисправно оно было издано акад. Срезневским в 1867 г. С полной точностью и сохранением всех особенностей письма «Написание о правой вере» было опубликовано Ильинским в 1925 г. в сборнике в честь Златарского. Позже было перепечатано Лавровым в «Материалах по истории возникновения древнейшей славянской письменности».

В 1935 г. Трифонов вновь опубликовал текст с болгарским переводом и с обстоятельным исследованием. Сомнение в принадлежности текста Константину-Философу высказывали ученые разных стран: Шафарик, Бильбасов, Воронов и др. Ильинский и Трифонов убедительно показали неосновательность этих сомнений. Перед нами «вполне оригинальный труд основателя славянской письменности — труд, из которого мы можем почерпнуть не только точные данные об его богословской эрудиции, но и об его стиле и вообще о писательской технике» (Ильинский. «Написание о правой вере» Константина-Философа, с. 78). Трифонов приводит дополнительные аргументы, которые, как мне кажется, окончательно решают вопрос в пользу Константина-Философа. Самый древний список входит в состав знаменитого сборника 1348 г. Полное название памятника «Написание о правѣи вѣрѣ. Изущеное Константиномъ блаженымь філософомъ учителемь о бзѣ словѣнскому ꙗзыку». От своего имени и от имени своего брата Мефодия Константин-Философ характеризует основные принципы своего учения.

В заключение он говорит: *Так я исповедую свою веру вместе со своим родным братом Мефодием, моим сотрудником в служении богу.*

Константин-Философ сам писать уже не мог. Он диктовал (*изущение*) Мефодию, вероятно, обсуждая и уточняя с ним отдельные положения. На каком языке создавался текст «Написания»? Трифонов убежден, что он был продиктован и написан на славянском языке (по терминологии Трифонова, на древнеболгарском). «Не может быть сомнения в том, что оно было изложено по-древнеболгарски» (Трифонов. Съчинението на Константина-Философа, с. 57). Правда, болгарский филолог вынужден признать, что в таком случае «Написание» является единственным дошедшим до нас оригинальным трудом Константина, написанным на древнеболгарском языке (Трифонов. Там же, с 56). Все оригинальные произведения апостола были написаны по-гречески. Думаю, что уверенность Трифонова имеет лишь эмоциональную основу.

14 февраля 869 г. основоположник славянской письменности скончался. В ИЛ читаем: *Тогда святой папа приказал, чтобы все греческие и римские священники явились на его погребение с псалмопением и церковными песнями, со свечами и с каденцем фимиама и чтобы покойнику были отданы такие погребальные почести, какие отдаются только папе.* Мефодий обратился к папе Адриану с просьбой перевезти тело брата в Константинополь. *Тогда вышеупомянутый его брат Мефодий пришел к святому папе, пал перед ним на колени и сказал: «Считаю достойным и необходимым сообщить твоему блаженству, апостолический отец, что когда мы покинули наш дом, чтобы служить делу, которое мы с Божьей помощью свершили, наша мать со слезами на глазах взяла с нас клятву, что если один из нас умрет на чужбине, живой брат привезет покойника в наш монастырь, чтобы похоронить его там подобающим образом. Пусть ваша святость благоизволит дать мне возможность выполнить эту обязанность, чтобы не выглядеть перед кем-либо, что я сопротивляюсь материнской мольбе и заклинаниям»* (ИЛ). Папа сперва дал согласие. Тело покойника было заключено в мраморный гроб и опечатано собственной печатью

папы. Однако против просьбы Мефодия выступили все епископы, кардиналы, весь римский клир, а также наиболее почетные жители города. И тогда папа принял решение похоронить Константина в храме Петра, т. е. в усыпальнице всех римских пап. По вторичной просьбе Мефодия Константин был погребен в церкви Климента, где находились привезенные мощи святого. Так завершился первый героический этап славной эпопеи. Ушла из жизни одна из замечательных личностей европейского средневековья — личность могучего духа, редкой храбрости, непреклонной воли, высоких принципов, скромности, необыкновенного трудолюбия. И все это сочеталось с огромной эрудицией в разных областях знания, бесспорным поэтическим дарованием, талантом блестящего полемиста. Жизнь приготовила ему много испытаний, но он всегда выходил из всех трудных положений с честью. У него было много врагов и друзей, так как за свои убеждения он боролся упорно, настойчиво и умело. Он не прощал никаких отступлений от главных принципов даже своим могущественным покровителям (например, патриарху Фотию). Однако мы не знаем людей, которые бы не испытывали к Константину-Философу глубокого уважения. Его часто славили люди, очень далекие от славянских дел, от славянской письменности и славянского богослужения.

Смерть Константина-Философа, конечно, нанесла удар большой силы по молодой славянской церкви. Из рук апостола все руководство перешло к его брату Мефодию. Наступил второй этап истории славянской письменности, полный борьбы, страданий, неудач, временных успехов, предательств. Мефодий во многом уступал своему брату. Он не обладал обширной эрудицией, отнюдь не имел таланта блестящего полемиста, поэта, но во всем другом он был ему равен. Он не был заурядной личностью. О его выдающихся административных способностях сообщают многие источники. Он обладал твердым и непреклонным характером, был вынослив, смел, необыкновенно трудолюбив. Мефодий имел и одно бесспорное преимущество: не будучи полиглотом, он, однако, славянский язык знал лучше своего брата. Большой знаток всех кирилло-мефодиевских текстов Лавров

имел право написать: «Вероятно, Мефодий лучше брата владел славянским языком» (Лавров. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві, с. 60). Известные слависты прошлого и нового времени (за исключением, может быть, лишь Вайана) всегда писали о Мефодии с большой симпатией и уважением. В последние годы появился ряд исследований, в которых показана выдающаяся роль Мефодия в истории славянской письменности. Она значительнее, нежели думали слависты предшествующих поколений.

Большую часть 869 г. Мефодий и его спутники провели в Риме, где они терпеливо ждали решений папы, а Адриан не спешил. Назревали крупные события, которые очень беспокоили римскую курию. В августе 869 г. началась война Людовика Немецкого против серболужичан, чехов и мораван. Несмотря на частичную победу Людовика, война закончилась для Ростислава удачно. «Мощь моравского князя не была подорвана, напротив, он становился все более независимым в отношении Германской империи» (Дворник. Славяне и Византия в IX веке, с. 211).

Вскоре после смерти Константина-Философа в Рим прибыло посольство от князя Коцела. Послы обратились с просьбой к папе признать славянское богослужение в Паннонии, которое уже здесь действовало, но без соответствующих санкций. Они также просили прислать к ним Мефодия и его учеников. Адриан колебался. Паннония не была в церковном отношении самостоятельной. Возможны были крупные столкновения с баварским духовенством, которые не входили в расчеты нерешительного папы. В конце концов он ограничился тем, что направил Ростиславу, Коцелу и даже в Нитру Святополку послание общего характера с признанием славянского богослужения. Латинский оригинал этого послания не сохранился. В Ватиканском архиве этого текста нет. В связи с этим некоторые историки отрицали его достоверность. Однако в тексте послания нет никаких противоречий с высказываниями Адриана в других посланиях, достоверность которых не вызывает никаких сомнений. Вот основная часть текста послания: *Адриан, епископ и раб божий, пишет Ро-*

стиславу, Святополку и Коцелу... Мы слышали о вашем благочестии и ныне жаждем вашего спасения, горячо вами желаемого, и молим об этом Господа. Он побудил ваши сердца искать его и научил вас служить ему не только верой, но и добрыми делами. Ведь вера без добрых дел мертва, и ошибаются те, кто думает познать Бога, удаляясь от него своими поступками. Итак, вы просили учителя не только у сего апостольского престола, но и у благочестивого императора Михаила. Он, так как мы не смогли этого сделать, послал вам блаженного Философа Константина и его брата. Узнав, что ваши страны находятся в ведении нашего апостольского престола, они не сделали ничего противного канонам и предстали перед нами, и привезли мощи св. Климента... Размыслив, мы решили отправить в ваши страны сына нашего Мефодия, посвященного нами, с его учениками, мужа, совершенного разумом и истинной веры, чтобы он вас просветил, как вы сами того просили, объяснив вам на вашем языке святое писание, весь богослужебный чин и святую мессу, т. е. службы, включая крещение, как начал то делать Философ Константин с Божею благодатью и по молитвам св. Климента... Соблюдайте лишь следующее правило: пусть читают во время мессы послания апостола и Евангелия сначала по-латыни, а затем по-славянски, да исполнятся слова писания: да восхвалят Господа все языки... все возгласят славу на разных языках, какой дал им святой дух (ЖМ). Достоверность послания папы Адриана подтверждается текстом «Похвалы Кириллу и Мефодию», где читаем: *Адриан, епископ, раб всем рабам Божьим, к Ростиславу и Святополку и Коцелу... Шлем брата нашего честного Мефодия на епископство в ваши страны, как вы того просили у нас, чтобы вас учить, на язык ваш переводить книги, чтобы исполнилось пророческое слово, которое гласит: «Хвалите господа на всех языках и хвалите его все люди».*

С этим посланием и отправил Адриан к Коцелу Мефодия с учениками. Тяжелым было расставание с могилой Константина-Философа. Перед отъездом в Паннонию Мефодий *обнял могилу своего брата, лишь раз произнес милое ему имя Кирилл, оплакал свое физическое одиночество, призвал на помощь си-*

лу его заступничества и отправился в путь со своими учениками (БЛ). Конечно, привезенное Мефодием послание Адриана не могло удовлетворить князя Коцела. Ему нужен был прежде всего епископ, который бы возглавил местную славянскую церковь. Приняв Мефодия с большими почестями, Коцел вскоре во главе большой свиты снова послал его в Рим. *Принял же его Коцел с великой честью, но снова послал его к папе и с ним 20 именитых мужей, чтобы посвятил его на епископство в Паннонии* (ЖМ). Мефодий должен был решительно поставить перед папой вопрос о возведении его в сан епископа. Это, наконец, было осуществлено в Риме весной 870 г. В источниках Мефодия именуют епископом и архиепископом. В этом противоречия нет. Дело в том, что церковная иерархия признавала только три степени: дьякон, священник и епископ. Уже цитировалось послание Адриана, в котором римский папа называет себя епископом. Все другие титулы (папа, патриарх, екзарх, архимандрит, архиепископ, протодьякон и др.) являются только административными. Таким образом, по церковной иерархии Мефодий был епископом, а по должости — архиепископом.

Внешнеполитические события 870 г. оказались весьма благоприятными для новой римской миссии Мефодия. В это время произошел разрыв между папой и болгарским князем Борисом, который резко повернул в сторону Византии. Боясь потерять свое влияние среди славян Средней Европы, Адриан на этот раз безо всяких колебаний принял решение о возведении Мефодия в сан епископа. Его новая епархия включала на первых порах Паннонию. Мефодий вернулся в столицу княжества Блатноград уже паннонским архиепископом и, облеченный высокой церковной властью, приступил со свойственной ему энергией к обучению молодых местных славян в специальных школах славянскому письму, богословию, технике изготовления рукописей, церковной службе на славянском языке. Деятельность Мефодия и его помощников далеко выходила за рамки культа. Паннония становилась важнейшим центром книжной культуры. Именно здесь создаются новые переводы на славянский язык не только церковных текстов, но и административно-юридических. После Великой Мора-

вии в Паннонии возник второй центр славянской письменности, который, однако, просуществовал сравнительно недолго. Положение у Мефодия было сложным. Паннония в церковном отношении подчинялась Зальцбургу. Началась ожесточенная борьба с немецким духовенством, в которой Мефодий и его сторонники не получали активной поддержки ни от папы, ни от князя Коцела. «Особенно были затронуты интересы зальцбургского духовенства, имевшего большое количество земель и большие доходы в Нижней Паннонии. Немцы не могли сдать без боя свои позиции в славянских землях. Предстояла жестокая борьба, в которой в силу обстоятельств папство временно выступило в качестве союзника славян и защитника славянской культуры. Это, однако, был ненадежный союзник, и вся тяжесть борьбы пала на плечи Мефодия. Начался период тяжелых испытаний для этого человека, во время которых он обнаружил всю силу и все величие своего характера» (Грацианский. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве, с. 92).

Об этом периоде жизни Мефодия сохранились интересные свидетельства в анонимной «Conversio Bagoariorum et Carantanorum». Первые действия Мефодия были успешными. *Он* (Рихбальд — архипресвитор Паннонии, назначенный Зальцбургским архиепископом. — *С. Б.*) *оставался там долгое время, исполнял полновластно свою службу, на которую был поставлен своим епископом, до тех пор, пока, наконец, один грек по имени Мефодий, изобрел славянскую азбуку и умело перевел с латинского языка учение римской церкви и священные латинские книги. Это заставляло всех местных славян пренебречь литургией, Евангелием и церковной службой тех, кто проповедовал их на латинском языке. Рихбальд не мог вынести этого и вернулся в Ювавенскую епархию.* В тексте речь идет не только об одном Мефодии. Здесь, по словам автора, все хорошо шло до тех пор, пока *не появилась новая школа Мефодия-Философа.* Это очень важное свидетельство о существовании учеников апостола, которые активно насаждали в Паннонии славянское богослужение. Вот почему, несмотря на сравнительно короткий период, Паннония стала крупным центром славянской пись-

менности. Славянская письменность продолжала здесь существовать и в те годы, когда сам Мефодий находился в заточении. Именно отсюда позже этот центр славянской письменности переместился в Истрию и Далмацию. По ряду признаков паннонский центр славянской письменности отличался от моравского. Здесь сильнее было влияние западной церкви, переводы священных книг делались обычно с латинского языка.

В 870 г. моравским князем становится племянник Ростислава Святополк. К богослужению на славянском языке и вообще к славянской письменности новый князь относился отрицательно. Это видно из послания папы Иоанна VIII, которое уже цитировалось. Новая политика моравского князя создает большие затруднения деятельности Мефодия. Не получал он активной поддержки и со стороны князя Коцела. Баварские священники перешли в открытое наступление. Нарушив церковные законы, они без ведома римского папы бросают Мефодия в тюрьму, где он пробыл до 873 г., подвергая его мучениям, избивают его, держат в холодное время под открытым небом. Мефодию идет уже шестой десяток, но он с достоинством выдерживает испытания. Установить контакт с папой Адрианом Мефодию не удается. Да и Адриан не проявлял особого интереса к судьбе первого славянского архиепископа.

Положение изменилось, когда в конце 872 г. вступил на папский престол энергичный, по словам Златарского, «хитрый и лукавый, многолетний архидьякон римской курии» папа Иоанн VIII. Без особого труда он узнал о всех событиях 870 г. Среди его информаторов был и осторожный Коцел, который симпатизировал Мефодию, но при Адриане не решался активно его поддерживать. В действиях баварских священников Иоанн VIII с полным основанием усмотрел нарушение прерогатив папы. Уже весной 873 г. он посылает своего легата епископа анконского Павла для изучения всех обстоятельств, связанных с преследованиями Мефодия.

В мае 873 г. Иоанн VIII пишет сыну Людовика Немецкого Карломану: *Итак, после того как вернули и восстановили Паннонскую епископию, пусть будет позволено вышеупомянутому нашему брату Ме-*

фодию, который был назначен туда апостолической кафедрой (т. е. папой. — *С. Б.*), *свободно выполнять свои функции епископа сообразно древнему обычаю.* Итак, Мефодий был освобожден и переправлен в Моравию.

Вот несколько отрывков из посланий папы Иоанна VIII, характеризующих обстановку суда и преследования Мефодия. *А если Адальвин вместе с Гермерихом пожелает начать судебный процесс против нашего епископа Мефодия, скажи им: «Вы без канонического постановления наказали посланного апостолической кафедрой епископа, заключили его в тюрьму, нанесли ему побои, отстранили его от святой службы и в продолжении трех лет не допускаете его на кафедру, несмотря на то что апостолическая кафедра в течение этих трех лет протестовала как людьми, так и письмами... Вы принудили этого почтенного мужа прекратить выполнять свою священную службу, чтобы он мог наслаждаться поверенной ему епископской должностью без помех и судебного следствия».* Послание епископу Пасаусскому Гермериху: *Мы верим, что только источник слез, как сказал пророк Иеремия, может быть достаточным, чтобы оплатить твое безобразие... Ты подверг нашего брата и епископа тюремному наказанию, сурово и бесчеловечно его наказал продолжительным пребыванием под открытым небом на зимнем холоде и под дождем, отлучив его от доверенного руководства церковью и, придя в безумие, заставил Мефодия доставить на епископский собор, где ты ударил бы его кнутом, если бы тебе не помешали.*

Мефодий весной 873 г. был восстановлен во всех своих правах. С этого времени и до смерти он был моравским архиепископом. В Паннонию Мефодий не вернулся. Баварские священники, вынужденные отпустить Мефодия, так сказали Коцелу: *Если его возьмешь себе, не избавишься от нас по-хорошему* (ЖМ). Мораване же обратились с просьбой к папе прислать им Мефодия, так как убедились, что *немецкие священники, которые жили среди них, не несли им добра, но ковали козни против них.* По словам ЖМ, все немецкие священники были изгнаны из Моравии. В послании к папе мораване написали: *Дай нам Мефодия, архиепископа и учителя. Сразу*

же папа послал его. Князь Святополк со всеми моравами принял Мефодия, вручил ему все церкви и духовенство во всех городах (ЖМ).

Несмотря на переезд Мефодия в Моравию, в Паннонии продолжалась в сравнительно скромных размерах деятельность славянских книжников и продолжало существовать славянское богослужение.

В мае 873 г. папа Иоанн VIII писал Зальцбургскому архиепископу Адальвину: *Не удивляйся, когда я тебе говорю, что ты обязан содействовать нашему брату Мефодию принять кафедру, потому что действительно это твоя обязанность, так как ты был виновником его низвержения, а теперь сделаешь все, чтобы вернуть вверенную ему службу.* «Епископу Зальцбургскому пришлось лично проводить Мефодия в Моравию, два других епископа были отрешены от должности и отозваны в Рим» (Дворник. Славяне и Византия в IX веке, с. 218). Однако здесь Мефодия ждали новые испытания. Святополк, грубый и невежественный человек, был противником славянской литургии. Очень скоро между князем и непреклонным Мефодием начались острые конфликты, вызванные разными причинами. Мефодий резко осуждал разгульный образ жизни князя, тогда как местное баварское духовенство поддерживало его в этом. В БЛ читаем: *Обманывая лукаво, они* (немецкие священники. — *С. Б.*) *целиком подчинили своему учению Святополка, который был князем Моравии после Ростислава. Это был человек грубый и не понимал добра. Как мог тот, кто утопал в плотских удовольствиях и валялся в грязи нечестивых дел, не подчинить свой ум скорее тем, кто открывал ему ворота в плотские наслаждения, нежели Мефодию, который порицал душегубительную горечь всякого удовольствия.*

Конечно, было бы большой ошибкой считать папу Иоанна VIII убежденным сторонником славянской литургии. После деятельности слабовольного Адриана новый папа должен был решительными действиями восстановить авторитет римской курии. Именно этим объясняются его выступления против баварских епископов. Но и усиление, и укрепление славянской церкви в Моравии не входили в расчеты Иоанна VIII. Поэтому никакой активной помощи от папы Мефо-

дий не получал. В поступках папы много непоследовательного и противоречивого. Так, в июне 879 г. папа писал Мефодию: *Мы слышали еще, что ты служишь литургию на варварском, т. е. на славянском, языке, в то время когда мы своим письмом, посланным тебе с анконским епископом Павлом, запретили тебе служить божественные службы на этом языке, а только на латинском или греческом, на которых идет служба во всей божьей церкви, распространенной по всему свету у всех народов. Тебе было позволено лишь преподавать или вести беседы перед народом* (*на славянском языке*). Легко заметить, что эта формулировка отличается от цитированного выше места из послания от июня 880 г., в котором прямо говорилось, что литургия на славянском языке для простого народа «не является препятствием». Конечно, этим пользовались как сам князь, так и окружавшие его немецкие священники. Мы уже знаем, что князь и окружавшие его вельможи признавали только богослужение на латинском языке. Но сломить Мефодия было нелегко. К тому же уже были достигнуты немалые успехи как в проведении церковной службы на славянском языке, так и в славянской письменности вообще. В стране было создано несколько крупных центров культуры, где трудолюбивые и хорошо подготовленные книжники не только переписывали уже готовые переводы, но и самостоятельно трудились над созданием новых переводов с греческого и латинского языков. Только этим можно объяснить большое число славянских текстов, подготовленных в Моравии между 874 и 885 гг.

Славянское богослужение нашло активную поддержку не только среди широких народных масс, но и среди части моравского дворянства. «Славянская литургия и славянская письменность имели большую притягательную силу не только для широких народных масс, но и для моравского дворянства. В качестве примера можно привести Горазда, который происходил из дворян» (Dvorník. Byzantské misie u Slovanů, s. 173).

Резкое обострение отношений между Мефодием и Святополком объяснялось не только отрицательным отношением моравского князя к славянскому богослужению. В отличие от Ростислава Святополк счи-

тал, что деятельность Мефодия и его учеников не должна выходить за рамки церковных дел и распространяться на вопросы гражданского и семейного права. Конечно, Мефодий решительно осуждал за это Святополка, резко осуждал и его собственное поведение, далекое от христианских добродетелей. Этими разногласиями удачно воспользовалось местное баварское духовенство.

Территорию, на которую распространялась деятельность архиепископа Мефодия в 874—885 гг., установить нелегко. Много известно о связях моравского центра славянской письменности с паннонским. В какой мере в сферу деятельности Мефодия входила территория Чехии? Этот вопрос интересовал многих исследователей, которые давали различные ответы о существовании в Чехии Пржемисловичей славянской письменности. Некоторые исследователи исключают IX в., и развитие славянской письменности здесь они связывают с X в., т. е. уже со временем после падения Великой Моравии. Действительно, в X в. в Чехии были созданы произведения, в какой-то степени связанные со старославянской традицией (краткое жизнеописание князя Вацлава, дошедшее до нас в трех различных редакциях, отрывки из жития Людмилы, литургические песнопения в честь Вацлава и др.). От XI в. большой интерес представляют Пражские глаголические отрывки, содержащие перевод вечерних молитв. Древний памятник несет на себе следы влияния древнерусской письменности. В XI в. существовал Сазавский монастырь, в котором до 1097 г. шло богослужение на славянском языке. Богатая славянская письменность в Чехии позже была почти вся уничтожена. Установить ее истоки (моравские, паннонские, древнерусские) трудно.

Нет данных о деятельности Мефодия и его учеников на территории Польши. Этот вопрос решался обычно в зависимости от априорных посылок, которые часто определялись взглядами, далекими от объективной науки. Сторонники существования в Польше в IX в. славянского богослужения обычно ссылаются на XI главу ЖМ, где находим следующий текст: *Языческий князь, очень сильный, сидел на Висле, ругал христиан и пакости им делал. Посланный к нему Мефодием сказал ему: «Было бы тебе*

очень хорошо, сын мой, по своей воле креститься на своей земле, а не быть силой крещенным пленником на чужой земле. Запомни мои слова». — *Так и было.* «На основании этих слов часто делались очень смелые заключения. Некоторые, например, допускали мысль, что в стране вислян, т. е. в более поздней Малой Польше, существовало в то время значительное число христиан, крещенных Мефодием, которые были преследуемы безымянным и могучим князем. Мефодий, чтобы их защитить, послал ему миссию с пророческим предупреждением» (Лер-Сплавински. Има ли следи от моравската дейност на Методия в Полша, с. 76). Польский славист, всесторонне анализируя все относящиеся сюда факты, приходит к выводу, что «миссионерская деятельность Мефодия как архиепископа Моравии не распространялась на Польшу» (Лер-Сплавински. Там же, с. 83). Доводы Лер-Сплавинского следует признать убедительными. Надо думать, что его заключение относится и к первому моравскому периоду (863—867 гг.). Точных данных о деятельности Константина-Философа и Мефодия в Польше нет. Правда, в древнепольской письменности в какой-то степени сохранились следы влияния старославянской письменности (Stender-Petersen. Die kyrillo-methodianische Tradition bei den Polen). Однако непосредственно оно не связано с деятельностью Солунских братьев и их учеников, а проходило в более позднее время и связано с сильным чешским влиянием.

Мефодий потратил много сил и времени на борьбу со Святополком и его окружением, с немецким духовенством, которое при дворе моравского князя играло большую роль. В папскую курию посылались доносы, в которых сообщалось, что Мефодий не только служит на славянском языке, но и извращает христианское учение. По распоряжению папы Мефодий в сопровождении доверенного лица Святополка, который от лица моравского князя должен был обвинять Мефодия, в 880 г. прибыл в Рим. Здесь Мефодий одержал полную победу. *Мы находим,* писал Иоанн VIII, *что он* (Мефодий. — *С. Б.) истинно исповедует церковное учение и может быть полезным во всей церковной службе. Мы посылаем вам его обратно управлять предоставленной ему божьей цер-*

ковью и приказываем принять его как вашего собственного пастыря с достойной почестью, вниманием и радостью, подтверждая повелением нашей апостолической властью его архиепископские привилегии. Этот эпизод отражен и в ЖМ. *Собравшиеся все люди моравские велели прочитать им папскую эпистолию, чтобы все услышали об его (Мефодия) изгнании. Люди, как это свойственно человеку, все печалились и горевали, что лишаются такого пастыря и учителя, кроме слабых, которых ложь заставила трепетать, как ветер листья. Когда же огласили грамоты папы, узнали о их содержании: «Брат наш Мефодий святой и праведный и делает апостольское дело. И в его руках от Бога и апостольского престола все славянские земли; кого он проклянет, да будет проклят, и кого он благословит, да и будет благословен». И посрамленные разошлись как туман с холодом.* Однако и в данном случае сказалась непоследовательность и даже двуличность Иоанна VIII. Одновременно заклятого врага Мефодия и славянского богослужения Вихинга, прибывшего в Рим в это же время, папа рукоположил епископом Нитранской церкви. *Повелеваем, чтобы он во всем был послушен своему архиепископу*, писал папа.

Историки православной церкви неоднократно утверждали, что Мефодий последовательно и упорно защищал все догмы византийского православия как в вопросах теологии, так и церковного обряда. Это положение защищали и некоторые слависты. Однако факты говорят о другом. Иоанн VIII отлично разбирался во всех вопросах церковной ортодоксии; во время беседы с Мефодием были затронуты все спорные вопросы между Римом и Константинополем, в частности, в толковании Троицы. Судя по цитированному письму, ответы Мефодия вполне удовлетворили папу. Это свидетельствует о том, что Мефодий, как справедливо отметил Ягич, скорее готов был принять весь обряд римской церкви, только бы сохранить язык. Для Мефодия сохранение богослужения на славянском языке было важнее расхождения между Римом и Константинополем.

Новое послание папы вызвало панику и смятение ближайшего окружения Святополка. И Нитранский епископ решился на подлог. Вихинг представил под-

ложное письмо от папы, в котором Мефодий должен был во всем, по словам папы, подчиниться Вихингу. Однако торжество Вихинга было кратковременным. Мефодий написал папе, который в послании Мефодию от 23 марта 881 г. разоблачил проходимца и обещал подвергнуть его каре. Однако своего обещания он не успел осуществить.

В ЖМ есть небольшая XIII глава, которая в истории славяноведения вызывала много споров. Речь идет о неожиданном и совершенно непонятном путешествии Мефодия с группой учеников в Константинополь. «Ни одно место в ЖМ не возбудило столько сомнений, как это путешествие в Константинополь», — пишет Дворник (Д в о р н и к. Славяне и Византия в IX веке, с. 272). Это путешествие могло принести славянскому делу в Моравии большой вред. Уже давно порвались все связи с Византией, а нового императора Василия I Мефодий и не знал совсем.

На мой взгляд, вся XIII глава ЖМ принадлежит к тем болгарским интерполяциям, которыми богато это житие, завершенное уже в Болгарии. Нет никаких сообщений об этой поездке Мефодия в Константинополь в византийских источниках, а также в славянских и латинских документах.

Вот полный текст этой небольшой главы. *На этом не остановилась их злоба. Они стали говорить: «Император на него* (т. е. на Мефодия. — *С. Б.*) *гневается. Если он попадет ему в руки, не быть ему живым». — Не желая, чтобы его раба хулили, милосердный бог вложил в сердце императора мысль — как и всегда сердце царей в руках Божьих — послать письмо святому с такими словами: «Отец честной, очень хочу видеть тебя. Будь добр, приезжай к нам, чтобы мы могли видеть тебя, пока еще ты жив, и слышать твою молитву». — Мефодий сразу же отправился в Константинополь, где император принял его с великой честью и радостью. Похвалив его учение, он оставил у себя из его учеников одного священника и дьякона с книгами. Выполнив все его пожелания, он ни в чем ему не противоречил, обласкал и щедро одарил, проводив обратно на его кафедру. Также принял его и патриарх.* Здесь решительно все вызывает недоверие. Практически текст

бессодержательный. Больной и обремененный заботами старик в 881 г., за четыре года до кончины, совершает по тем временам очень трудное путешествие безо всякой определенной цели. Хотя бы написали, что Мефодий, предчувствуя скорую кончину, решил повидать родные места, свой монастырь, посетить могилу матери, но, как мы видим, об этом в ЖМ нет ни слова. Конечно, весь этот пассаж был придуман уже в Болгарии при окончательном оформлении ЖМ.

Чужеродный характер XIII главы ЖМ обнаружить легко. Прежде всего нет никакой связи с предшествующей XII главой. Кроме того, интерполяция выполнена небрежно: первой фразе главы должен предшествовать опущенный текст, без которого нельзя понять о ком идет речь, кому и кто начал говорить о неприязни императора к Мефодию, даже о желании убить его. Уже это утверждение вызывает сомнение, так как не в правилах византийских императоров было разглашать о своих коварных планах. Составитель XIII главы совсем не знаком с правилами византийского церемониала приема императором. О встрече с патриархом говорится вскользь, тогда как должны были обсуждаться прежде всего догматические и церковные вопросы. Прибытие Мефодия в Константинополь в 881 г. должно было вызвать большой интерес в Болгарии, при дворе Бориса. Однако об этом путешествии Мефодия молчат не только византийские, но и болгарские источники. Недостоверное сообщение БЛ о крещении Мефодием князя Бориса к данным событиям никакого отношения не имеет. Да и само это сообщение представляет собой чистый вымысел. Вот почему так велико число самых разнообразных предположений и простых домыслов в работах комментаторов XIII главы. Здесь и тяжелое путешествие по бурному Адриатическому морю, и встреча с князем Борисом, и встреча Мефодия с хорватским князем Бранимиром в Далмации, и посвящение в епископы Горазда, который, оказывается, сопровождал Мефодия в Константинополь, и желание императора Василия I с помощью Мефодия распространить христианство среди византийских славян. Подобных предположений множество. Поразительно, что даже известные ученые не пытались

объяснить факты, которые, очевидно, противоречили их смелым предположениям. Так, чешский исследователь Бидло еще в работе «Cesta Methodějova do Cařihradu» (1916), высказавший последнее из указанных нами предположений, даже не пытался объяснить, почему император сразу же после первой беседы отказался от своего плана и, одарив Мефодия разными дарами, быстро распрощался с ним, а с патриархом состоялась лишь мимолетная встреча. В какой степени в начале 80-х гг. была необходимость в распространении христианства среди византийских славян? На все подобные вопросы ответов нет. Тексты ученых вдруг изобилуют вводными словами: *может быть, вероятно, возможно* и т. д. Хорошей иллюстрацией служит следующий текст: «Во время путешествия в Константинополь Мефодия сопровождали его верные и хорошие ученики. Группа везла с собой и славянские книги, которые, может быть, пожелал иметь Фотий, а может быть, их везли ему просто в дар, а может быть, везли их с собой для освящения и одобрения патриархом» (Георгиев. Кирил и Методий, с. 254). Возникает вопрос: можно ли доверять XIII главе ЖМ, в которой, как не раз уже было показано, содержится немало недостоверных сведений и различного рода интерполяций? А для этого необходимо установить основную задачу XIII главы, определить главную цель всего повествования. Думаю, что сделать это не так трудно.

После отъезда из Константинополя в 863 г. моравской миссии во главе с Константином-Философом в Византии прервалась только что начавшая формироваться славянская книжная традиция. Все было перенесено в Великую Моравию, которую с полным основанием можно считать подлинной колыбелью славянской письменности. Ни Византия, ни языческая Болгария в то время не испытывали потребности в церковных текстах, написанных на славянском языке. Позже в Болгарии положение изменилось коренным образом. Вопрос о своих славянских книжных традициях стал очень актуальным, когда в 80-х и в начале 90-х гг. Борис и особенно Симеон повели энергичную борьбу за полную самостоятельность болгарской церкви. Главная задача XIII главы состояла в том, чтобы, во-первых, освятить именем Ме-

фодия болгарскую церковь, во-вторых, показать, что славянская письменность и славянское богослужение получили распространение в Болгарии еще до прибытия туда учеников Мефодия после смерти апостола. Естественно, что ученым, относящимся с доверием к сообщениям XIII главы, приходится строить совершенно невероятные гипотезы. В момент острой борьбы за болгарскую церковную самостоятельность византийский патриарх вдруг проявляет непонятное великодушие и передает болгарам привезенных Мефодием священника и дьякона вместе со славянскими книгами. «Были оставлены (в Константинополе. — *С. Б.*) двое из учеников Мефодия — священник и дьякон вместе со славянскими книгами; они были отправлены в Болгарию, чтобы принести туда Кирилло-мефодиевскую традицию» (Г е о р г и е в. Кирил и Методий, с. 254). В этом автор XIII главы хотел убедить своих доверчивых читателей и, как видим, преуспел. Далее Георгиев утверждает, что именно указанные священник и дьякон заложили основы Преславской литературной школы. Естественно, что эти домыслы вызвали решительные протесты не только в разных странах, но и в Болгарии. Известный болгарский филолог по этому поводу писал: «Безо всяких исторических доказательств Георгиев заявляет, что именно эти священник и дьякон вместе с книгами были посланы в Болгарию Бориса, который искал славянских книжников, чтобы создать народную церковь и культуру. Таким образом, еще до прибытия известных учеников Константина-Философа и Мефодия из Моравии, изгнанных после смерти Мефодия в 885 г., были заложены основы Преславской литературной школы. Все также без всяких доказательств Георгиев объявляет, что упомянутые священник и дьякон не кто иные, как епископ Константин и Григорий Мних» (В е л ч е в. Съществувало ли е развито славянско писмо и книжнина преди дейността на Константин-Кирил и Методий в Моравия, с. 67).

Оценивая все известные нам факты и общую историческую обстановку, мы должны признать XIII главу ЖМ поздней интерполяцией, не содержащей подлинных исторических фактов. Не могло это путешествие быть осуществлено без санкции римского

папы, который, конечно, не дал бы разрешения на установление непосредственного контакта моравского архиепископа с византийским императором и патриархом без контроля римской курии. Осложнять в 881 г. свои отношения с папой Иоанном не могло входить в планы Мефодия. «Решение Мефодия поехать в Константинополь, когда он находился в таком затруднительном положении, представляется нам шагом человека, умышленно дающего аргументы в руки своих врагов, подвергавших сомнению его православие. Даже если пройти мимо этого важного наблюдения, мы не можем понять причин, заставивших Мефодия покинуть свою епархию, где присутствие его было столь необходимым, и посетить Византию» (Дворник. Славяне и Византия в IX веке, с. 274). В более поздней книге «Byzantské misie u Slovanů» Дворник с бóльшим доверием относится к XIII главе ЖМ. Однако убедительной аргументации нет. Сомнения в достоверности сообщения ЖМ о поездке Мефодия в Константинополь высказывали многие слависты. Ягич, не отрицая возможности поездки, указывал, однако, на недостоверность мотивировки поездки и описания обстановки встречи Мефодия с императором.

После официального признания Иоанном VIII славянской литургии в Моравии и Паннонии положение врагов славянской письменности стало затруднительным. Даже Святополк уже не мог открыто преследовать деятелей славянской церкви и культуры. Мефодий пользовался огромным авторитетом не только среди местного славянского населения, но и в Риме. В этот последний и в конце очень нелегкий для Мефодия и его учеников период их деятельности была проделана огромная работа, по своим масштабам не уступавшая той, которая была осуществлена Солунскими братьями в первый период их моравской деятельности.

До начала 80-х гг. IX в. отсутствовал славянский перевод Ветхого завета. Эта работа требовала огромных усилий и много времени. Однако она была выполнена в поразительно короткий срок самим Мефодием и его двумя помощниками (*борзописцами*), имена которых ЖМ не сообщает. Перевод Ветхого завета был осуществлен без книг Маккавеев (трех книг,

вошедших в состав христианского канона; четвертая книга не вошла в канон и была объявлена апокрифической). В этот период (880—885 гг.) Мефодий оставил активную проповедческую деятельность, возложив ее на своих наиболее верных и опытных учеников, прежде всего на Горазда. Все свое время теперь он отдавал только переводу текстов на славянский язык. В XV главе ЖМ читаем: *После этого, оставив шумный свет и возложив надежду на Бога, Мефодий, взяв двух своих учеников священников-борзописцев, не мешкая, перевел с греческого языка на славянский все книги Ветхого завета, кроме книги Маккавеев, в течение шести месяцев, начиная от марта месяца до двадцать шестого октября.* Здесь автор ЖМ допустил непонятный промах: с марта по октябрь будет восемь месяцев, а не шесть. На эту ошибку в свое время обратил внимание Решетар. У ряда ученых славистов и богословов это сообщение вызвало серьезные сомнения. По мнению Ягича, трое человек за указанный срок были не в состоянии перевести Ветхий завет. Он обратил внимание также на то, что составители полного свода библейских книг в конце XV в. в Новгороде не смогли обнаружить славянских переводов многих ветхозаветных книг (например, книг Ездры, Товита и Юдифи). Кроме того, многие книги, переведенные с греческого в древности, часто не представляют один и тот же перевод. Ягич полагал, что Мефодий со своими двумя помощниками перевел на славянский язык главную часть Ветхого завета — Пятикнижие и Пророки. Ягич даже не исключает и того, что автор ЖМ мог иметь в виду только Паремейник. Однако в настоящее время большинство специалистов считают сообщение ЖМ достоверным. Оно в какой-то степени подтверждается Иоанном Экзархом в прологе к переводу Благословия Иоанна Дамаскина. Здесь сказано, что Мефодий *перевел все 60 уставных книг* (т. е. книги Ветхого завета. — *С. Б.*) *с греческого на славянский.* Кроме того, в последние годы деятельности Мефодия был осуществлен славянский перевод Патерика, очень популярного в древней письменности сборника, содержащего повествования о подвижнической жизни прославленных деятелей церкви. Греческий текст Патерика был составлен ви-

зантийским писателем Иоанном Мосхом в начале VII в. «Памятник представляет собой сборник разнообразных новелл, явившихся результатом путешествия Иоанна Мосха по Египту, Сирии, Палестине и ряду других стран Ближнего Востока. Рассказы изобилуют сведениями географического и этнографического характера, включают любовные и сказочные сюжеты, что определяет и живой характер их языка с элементами бытовой речи» (Синайский патерик, с. 11). По-славянски Патерик назывался *отечник* (ср. греческое πατήρ «отец»). В ЖМ так и написано: *отъчьскыя книгы прѣложи.* Существует, однако, иное толкование данного места ЖМ.

В этот же период своей деятельности Мефодий перевел с греческого Номоканон (*рекъше закону правило*). Номоканон — сборник церковного права. Первоначально он был составлен в Византии в VI в. патриархом Схоластиком, затем в IX в. был основательно переработан патриархом Фотием. Было бы естественно, если бы именно этот текст Номоканона и был переведен на славянский язык Мефодием. Однако Мефодий положил в основу своего перевода текст Иоанна Схоластика, точно следуя греческому тексту. «Подобное отклонение от византийской традиции Мефодий мог себе позволить как архиепископ паннонский, а затем моравской епархии, независимый от царьградского патриарха и получивший правомочия и привилегии пап Адриана II и Иоанна VIII» (Вашица. Кирилло-мефодиевские юридические памятники, с. 13). В славянском переводе Номоканона исследователи обнаружили некоторые типичные моравизмы. «Особенно заслуживает внимания то, что Мефодий использовал в своем переводе юридические великоморавские термины, с которыми он познакомился в результате общения с народом» (Вашица. Там же, с. 15). В свое время Зигель полагал, что на древнюю чешскую юридическую терминологию оказала сильное влияние древняя кирилло-мефодиевская терминология, т. е. терминология, которой пользовался Мефодий в годы своей молодости в славянском княжестве Византии. Этот вопрос был всесторонне изучен Вашицей. Итог его наблюдений таков: «Нужно говорить не о влиянии кирилло-мефодиевских переводов на чешский юридический язык, а на-

оборот, о явных следах великоморавской юридической терминологии в мефодиевском переводе Номоканона» (Вашица. Там же, с. 16). Соболевский в заметке «Номоканон Иоанна Схоластика» пишет: «В общем словарный материал Номоканона отличается от словаря древнейших текстов Евангелия, Апостола и Псалтыри, хотя и нередко имеет с ними совпадения... Зато он обнаруживает связь с материалом Жития первоучителя Мефодия» (Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, с. 142). В своих суждениях Соболевский опирается на очень скудный материал. Пока нет серьезных оснований отрицать участие Мефодия в переводе Номоканона и считать этот перевод делом того ученика Мефодия, который составил ЖМ. На Руси Номоканоны носили название кормчих книг. Потребность в славянском переводе Номоканона еще при жизни Мефодия свидетельствует о большом авторитете славянской церковной организации в Великой Моравии и в Паннонии в первой половине 80-х гг. IX в. К юридическим произведениям Мефодия этого периода причисляют анонимную гомилию в сборнике Клоца. Наиболее основательно этот вопрос осветил Гривец.

Выше уже шла речь о переводах Мефодия на славянский язык греческих произведений Константина-Философа. Вероятно, и они были выполнены в последние годы жизни Мефодия.

Мефодий не только отлично владел греческим и славянским языками, но был и выдающимся переводчиком. Его славянский текст никогда не представляет рабской копии греческого источника. Перевод всегда точен, близок оригиналу, но и в то же время отлично передает особенности того славянского письменного языка, который формировался в течение двух десятилетий и который с полным основанием принято в нашей науке называть старославянским языком. Это в какой-то степени относится и к переводам на славянский язык первого моравского периода (863—867 гг.), когда над их созданием вместе работали Константин-Философ и Мефодий. В свое время Буслаев сопоставил славянский перевод Библии с готским переводом Ульфилы, показав значительные преимущества первого.

В оценке качества первых славянских переводов богослужебных и юридических текстов среди славистов нет единства. Большинство ученых дают высокую оценку переводам, некоторые даже восторженную. Однако имеется немало фактов для критических суждений. Именно эти факты дали основание в свое время Копитару и Миклошичу критически оценивать качество перевода. Как известно, Брюкнер резко отрицательно оценивал переводы славянских апостолов и их учеников. Вероятно, общей оценки всех переводов не может быть. Горалек убедительно показал, что Четвероевангелие переведено значительно лучше Апракоса. Это и естественно, так как Апракос был первым переводом на славянский язык, переведен еще в Византии в короткий срок. Со временем качество переводов улучшалось. Переводческой технике создателей славянской письменности посвящена монография Верещагина «Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия» (М., 1971). Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Наиболее высокого качества были переводы, выполненные в Моравии после 873 г., в последние 12 лет жизни Мефодия. Переводы, сделанные в Болгарии в Преславле во времена Бориса и Симеона, характеризуются в своем большинстве рабским следованием греческому оригиналу. Это не связано с качеством оригинальных славянских текстов представителей Преславской школы. Произведения Константина Преславского по языку не имели себе равных в IX в.

После смерти папы Иоанна VIII в 882 г. враги славянской письменности и славянской литургии активизировались. Однако до 885 г. происходила частая смена руководителей папского престола, которые по разным причинам не занимались славянским вопросом. Лишь с появлением на папском престоле Стефана V началось активное гонение на всех деятелей славянской литургии.

Небольшой XVI главе ЖМ посвящена обширная литература. В этой главе речь идет о встрече Мефодия с каким-то венгерским королем, который, по словам ЖМ, захотел видеть апостола. Близкие люди не советовали Мефодию встречаться с ним, так как

не уйдет от него без муки. Однако Мефодий смело отправился в стан венгра, где был встречен *честно и славно с веселием.* После беседы венгр поцеловал Мефодия и отпустил с богатыми дарами. При прощании сказал: *Поминай меня, честной отец, в своих святых молитвах всегда.* При составлении текста ЖМ был произведен строгий отбор фактов и событий. Не упоминаются многие существенные события из жизни апостола. Несмотря на большое число работ, в той или иной степени посвященных XVI главе, до сих пор остается неясным значение этой главы для составителя ЖМ. Почему эта информация ему казалась существенной и важной? В 80-х гг. IX в. здесь впервые появляются венгерские племена, никаких королей у них тогда еще не было. Почему язычник просил архиепископа молиться за него? На все поставленные вопросы убедительных ответов нет.

6 апреля 885 г. завершился трудный и героический жизненный путь Мефодия. Перед смертью апостол принял решение оставить своим преемником Горазда, моравского славянина, происходившего из местного мелкого дворянства. Примечательна аргументация Мефодия: *Горазд местный мораванин, прекрасно знает латинский язык (обученъ же добрѣ въ латиньскыя книгы), правоверный.* Так написано в ЖМ. БЛ сообщает, что Мефодий оставил, уходя из жизни, 200 священников, дьяконов и иподьяконов. *Первое место среди них занимал Горазд, которого наш рассказ еще раньше причислил к самым известным ученикам Мефодия и который был провозглашен архиепископом Моравии самим святым, когда тот стоял у края могилы.*

Похороны Мефодия были очень торжественны. Его ближайшие ученики отпевали покойника в соборной церкви Велеграда на латинском, греческом и славянском языках. Оплакивали его мужчины и женщины, дети и взрослые, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовы и сироты, пришлые и местные, больные и здоровые (ЖМ). В «Проложном житии Константина и Мефодия» читаем: *лежит же в большой церкви моравской о левую сторону в стене за алтарем святой Богородицы.* Место захоронения тела Мефодия не указано в источниках. Одни ученые называют Велеград, другие — Девин.

После смерти Мефодия в Моравии при поддержке Святополка резко активизировались сторонники латинского богослужения, возглавляемые пресловутым Вихингом. После удачной войны с немцами в 884—885 гг. Святополк значительно расширил территорию своего государства. Он нанес немцам тяжелое поражение, присоединив к Моравии Нижнюю Паннонию. Это могло бы значительно укрепить позиции молодой славянской церкви в Моравии. Однако этого не произошло. Святополк и окружавшая его местная знать признавали только латинское богослужение, к своему родному языку относились с презрением. Между учениками Мефодия и немецким духовенством началась жестокая борьба, которая закончилась в 886 г. разгромом славянской литургии в Моравии и Паннонии. В августе 885 г. папский престол занял Стефан V, который поставил во главе местной церкви Вихинга, «дорогого нашего собрата» и категорически запретил славянскую литургию. В своем апостольском послании Святополку Стефан V писал: *Однако божественные службы, святые таинства и литургия, которые этот Мефодий осмеливался служить на славянском языке, впредь никто не осмеливался бы делать то же самое... А упорствующих и не подчиняющихся, которые постоянствуют во вражде и соблазне, приказываем изгнать из лона церкви как сеятелей плевел, если они не исправятся после первого и второго напоминаний. Приказываем обуздать их силой и изгнать далеко от ваших земель, чтобы одна больная овца не заразила все стадо.* Вихинг при поддержке администрации Святополка самым решительным и безжалостным образом принялся выполнять приказ папы. Драматические события этого периода наиболее живо и подробно описаны в БЛ. Ягич полагал, что разгром славянской литургии в Моравии начался через два года после кончины Мефодия (т. е. в 887 г.). Однако все известные нам факты говорят о том, что притеснения начались в 885 г., а полное запрещение славянского богослужения и изгнание учеников Мефодия из Моравии, продажа молодых священников и дьяконов евреям-работорговцам имели место уже в 886 г.

Самые авторитетные деятели славянской церкви после жестоких побоев и унижений были изгнаны из

страны. Многие бежали в Далмацию. Значительная часть молодых священников была продана на невольническом рынке в Венеции. Так трагически завершился второй период славянской письменности. Следует, однако, заметить, что полностью искоренить славянскую литургию в западнославянских землях было нелегко, так как она пустила здесь глубокие корни.

Указывая на местные славянские памятники X—XI вв., Ягич имел основание полагать, что в некоторых местах Моравии славянская литургия продолжала еще существовать. Следы влияния старославянского языка обнаруживаются в ранних памятниках чешского языка. Разгром славянской церкви в Моравии в меньшей степени захватил западные (чешские) области. Преследование славянского богослужения в Моравии в IX в., вероятно, еще не касалось чешских земель.

УЧЕНИКИ

Константин-Философ и Мефодий за годы своей деятельности воспитали немало учеников. Некоторые из них внесли большой вклад в историю славянской культуры и письменности. О существовании учеников у Солунских братьев до 863 г. никаких сведений не дошло. До этого года оба брата выполняли только административные и дипломатические поручения. Конечно, у Константина-Философа было много учеников во время его преподавания в Константинопольском университете, но в те годы деятельность молодого преподавателя не выходила за рамки отвлеченных философских доктрин и богословия. После прибытия в Константинополь моравской миссии Солунские братья получили весьма ответственное поручение, к выполнению которого они оба были готовы. Среди молодых монахов монастыря Полихрон, бесспорно, были славяне из различных районов Империи. Естественно, что Мефодий, будучи игуменом этого монастыря, наиболее способных из них привлек к выполнению поручения византийского императора. С уверенностью здесь можно назвать Климента, прошедшего с апостолами славный путь борьбы за утверждение славянской письменности. Было много учеников у Солунских братьев и во время первого пребывания их в Моравии. Особенно число учеников возросло в последний период деятельности Мефодия (873—885 гг.). Однако имен мы знаем немного: Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва. Вместе с Константином-Философом и Мефодием они составляли «семерку» (*седмочисленици*). К сожалению, о Горазде, в котором Мефодий видел своего преемника на посту архиепископа, Ангеларии и Савве известно очень мало, поэтому мы вынуждены ограничиться описанием деятельности только Климента и Наума. Среди младших учеников Мефодия первое место, бесспорно, принадлежит Константину Преславскому.

Жизнь Климента известна лучше, нежели жизнь

других учеников Солунских братьев, так как сохранились обширное его житие, написанное Феофилактом, и краткое житие, содержащие весьма ценные сведения. Об этих житиях уже рассказывалось. «Климент Охридский, несомненно, является самым видным среди всех непосредственных учеников и последователей основоположников старославянской письменности Константина-Философа и Мефодия» (Дуйчев. Климент Охридски и неговото дело в научната книжнина, с. 415). Год рождения Климента в источниках не указан. По этому вопросу среди исследователей имеются расхождения. Наиболее вероятным следует считать 840 г. Именно этот год указан в «История на българската литература» (т. I, с. 96). Таким образом, во время моравской миссии Клименту было 23 года. В источниках отсутствуют сообщения о месте его рождения. Хоматиан в кратком житии Климента пишет, что Климент *по роду был из европейских мизов, которых народ знает обыкновенно и как болгар*. Миклошич полагал, что Климент по происхождению был из Паннонии, т. е. был словенцем. В настоящее время болгарское происхождение Климента не вызывает сомнений. Георгиев утверждает, что имя *Климент* было взято учеником Солунских братьев в честь Климента Римского, и, следовательно, он принимал участие в хазарской миссии и в обнаружении мощей римского епископа. Все эти заключения делаются только на основе собственного имени Климент. «Если человек будет двигаться в духе воображения Георгиева, он с таким же основанием мог бы допустить, что никто другой, а только Константин-Философ должен был бы принять имя Климента Римского, даже с большим основанием, так как он открыл его мощи» (Велчев. Съществувало ли е развито славянско писмо и книжнина преди дейността на Константин-Кирил и Методий в Моравия, с. 68). Хоматиан продолжает, что Климент «с самого начала был с Мефодием, известным учителем мизийского народа благочестия и православной веры». В БЛ читаем: *Он (Климент) поставил за образец своей жизни жизнь великого Мефодия, стремился и молился, чтобы не ошибиться, когда ему подражал... Как никто другой, он знал его жизнь, так как с молодых и юношеских лет его*

сопровождал и видел своими глазами все дела своего учителя. Возможно, что Климент принимал участие в переводе Апракоса с греческого на славянский язык. Он прибыл со своими учителями в 863 г. в Великую Моравию, где трудился над переводами с греческого на славянский язык. Вместе с Солунскими братьями в конце 867 г. он оказался в Риме и был здесь рукоположен в священники. Надо полагать, что после смерти Константина-Философа Климент стал играть большую роль во всех начинаниях Мефодия до самой смерти апостола. В БЛ в разных местах специально отмечается, что после смерти Мефодия борьбу за славянскую церковную службу и славянскую письменность возглавили Горазд и Климент. По свидетельству БЛ, их устами говорили все ученики Мефодия. *А они* (ученики Мефодия. — *С. Б.*) *ответили, используя Горазда и Климента как свои уста, когда они вели разговор* (со Святополком. — *С. Б.*). Особенно остро стоял вопрос о Троице, в толковании которой были весьма существенные расхождения. Горазд и Климент изложили князю Святополку свое ортодоксальное учение. *Князь едва понял малую часть из сказанного, потому что был совсем тупым, чтобы быть в состоянии что-нибудь понять в божественных делах. Он был не только грубо и неразумно воспитан, но и затмил свой разум нечистыми удовольствиями, как об этом уже было сказано* (БЛ).

Расправа с деятелями славянской письменности и богослужения в Моравии в 886 г. была жестокой. Наиболее известные деятели были изгнаны из страны. Этому предшествовали побои, унижения и надругательства. Узники были закованы в кандалы, почти лишены одежды, их морили голодом, держали на холодном ветру, пытали. *Священника Климента, мужа многоученого, Лаврентия, Наума и Ангелария, а с ними еще многих других славных мужей заковали в железные цепи и заключили в тюрьму, в которой им было отказано во всяком утешении, потому что ни родственники, ни знакомые не осмеливались каким-нибудь образом их посетить* (БЛ). О Горазде БЛ сообщает кратко, но выразительно: *Очень озлобленная толпа еретиков не хотела иметь Мефодия и после его смерти своим живым противником. Они*

говорили: «Приходите, произведем над Гораздом насилие, устроим ему засаду, потому что его жизнь не годится для нас и пути наши различны. Он изобличает нас за наши грехи. Если мы позволим ему жить, то Мефодий снова оживет среди нас». Больше никаких сведений о Горазде не сохранилось. Вероятно, он был убит в первые дни жестокого разгула.

Климент, Наум и Ангеларий после жестоких истязаний были изгнаны за пределы столицы Моравии. *Солдаты... вывели их за пределы города, раздели и голыми тащили по земле... Кроме того, солдаты прикасались своими мечами к их шее, чтобы убить, а свои копья упирали в их грудь, чтобы окровавить копья. Пораженные смертельным ужасом, они должны были умирать не один раз, ожидая каждый раз удара... Когда они оказались далеко от города, солдаты их бросили, а сами направились обратно в город* (БЛ). С большими мучениями страдальцы добрались, наконец, до Дуная. *Когда они добрались до берегов Дуная, увидели большую и поэтому непроходимую реку. Они связали три дерева с помощью липового лыка и переплыли ее* (БЛ). Мучения Климента, Наума и Ангелария закончились в Белграде, который в то время находился на территории Болгарии. Они с честью были встречены здесь наместником болгарского князя боритоканом Радославом, который знал, что болгарский князь очень нуждается в таких людях. Во втором житии Наума этот наместник назван князем Радиславом. *Поэтому он их оставил при себе, чтобы они пришли в себя после долгого пути, а затем направил их князю как драгоценный дар и сообщил ему, что это как раз те люди, которых он с большим желанием ищет* (БЛ). Действительно, встреча Бориса с Климентом, Наумом и Ангеларием была исключительно торжественной. *Они рассказали все от начала и до конца, ничего не пропуская. Выслушав их, князь благодарил Бога за то, что он послал ему таких служителей для Болгарии и что дал ей в учителя и в устроители веры не случайных лиц, а исповедников и мучеников. Он приказал дать им подобающие священникам одежды, удостоил их всяческих почестей и распорядился предоставить им жилища, которые принадлежали его ближайшим друзьям* (БЛ). Климент и

Наум поселились в доме сампсиса Есхача, Ангеларий — в доме Чеслава. Вскоре после всех перенесенных лишений и страданий Ангеларий скончался.

Болгария в это время в культурном и церковном отношениях находилась в большой зависимости от Константинополя. Родной язык был языком лишь устного общения. Функцию литературного, административного и церковного языка выполнял греческий язык. О существовании славянской письменности и славянской литургии в Моравии и Паннонии здесь в Болгарии было известно. Князь Борис ясно отдавал себе отчет в том, что необходимо освободиться от культурной и церковной гегемонии Византии, но он также отлично понимал, что своими силами осуществить это невозможно. Нужна письменность на родном языке, нужны люди, способные осуществить в Болгарии то, что свыше 20 лет тому назад в Моравии и Паннонии осуществили Константин-Философ и его брат Мефодий. Таких людей в распоряжении болгарского князя не было. И вот теперь в Болгарии оказались ближайшие ученики апостолов. Выдающийся государственный деятель своего времени, Борис хорошо понимал, что начинать нужно не с решения церковного вопроса, а пока лишь с организации обучения молодых болгар славянскому письму, с создания необходимого количества богослужебных книг на славянском языке. Лишь осуществив все это можно будет серьезно поставить вопрос о полной церковной самостоятельности. Не желая привлекать особого внимания к своим планам патриарха, архиепископа и их людей в Болгарии, Борис принял решение организовать подготовку молодых людей далеко от столицы, в юго-западном захолустье страны, лишь недавно присоединенном к Болгарии (в 864 г.). «Открытие такого училища в резиденции князя или в другом каком-нибудь центре Восточной Болгарии возбудило бы подозрение у греческого духовенства, которое не замедлило бы помешать и даже сорвать это хорошее начинание и могло бы вызвать негодование среди тех болгарских боляр, которые не разделяли славянской политики своего князя. А такие боляре имелись» (Златарски II, с. 225).

Местопребыванием Климента Борис избрал Кутмичевицу, управителем которой был Домета. Желая

подчеркнуть особую важность миссии Климента, Феофилакт пишет: *...передал блаженного Климента управителю Домете или, точнее, Домету передал Клименту, а еще точнее скажем — передал одного другому* (БЛ). Климент был послан учителем. *Был оглашен приказ всем жителям этой области принять святого с почетом, предоставить ему все необходимое щедро и преизобильно.* Топоним Кутмичевица известен только из БЛ. Много было различного рода предположений. Наиболее убедительное принадлежит Златарскому, который полагал, что Кутмичевица находилась между Охридским озером и Адриатическим побережьем. Таким образом, речь идет о Юго-Западной Македонии и некоторых областях Албании. Местопребыванием Климента был назначен город Девол, который не сохранился. Развалины города находятся возле села Гостима в Албании. По реке Девол Климент получил в дар три дворца, *отличающихся своей роскошью... Кроме этого Борис подарил ему и места для отдыха около Охриды и Главиницы.* Топоним Главиница был объектом многих разысканий, точно не локализуется. Григорович в 1845 г. недалеко от Охриды обнаружил три поселения с данным наименованием. Феофилакт спрашивает: *«Не загордился ли Климент от почестей и не стал ли он думать о себе больше того, кем он был? И после этого не начал ли он жить более роскошно, полагая, что он достиг всего?»* И сам же отвечает: *«Совсем нет... Мы никогда не видели его бездействующим. Он учил детей различным предметам — одним показывал формы букв, другим объяснял смысл написанного, третьим показывал, как нужно писать. Работал не только днем, но и ночью, то предавался молитве, то читал или же писал книги, а иногда одновременно делал две вещи — писал и преподавал детям, так как знал, что безделье — учитель всякого зла».*

За семилетний период времени (886—893 гг.) Климент проделал огромную работу в разных направлениях. О ней подробно и достоверно сообщает БЛ. В различных местах Кутмичевицы он организовал училища для детей и взрослых. В школах для взрослых готовили священников, которые в будущем могли бы вести церковную службу на славянском языке,

а также учителей для детских школ. О масштабах деятельности Климента свидетельствует тот факт, что за семь лет существования школы для взрослых ее окончили 3500 человек. Следует иметь в виду, что до 893 г. Климент не имел отношения к церковным делам. Он был только учителем. Церковная служба в Кутмичевице шла на греческом языке. Таким образом, он готовил лишь будущих священников и дьяконов. Можно предположить, что проповеди уже и в это время читались по-славянски.

Одновременно в Кутмичевице шла активная литературная деятельность. Переписывались в большом числе тексты еще моравского периода, создавались новые переводы. Всем этим руководил неутомимый Климент. Конечно, в полном согласии с моравской традицией здесь употреблялась только глаголица. Сообщение ОЛ о создании Климентом новой славянской азбуки является недостоверным. *Он изобрел и другие формы букв для большей ясности нежели те, которые нашел мудрый Кирилл. С их помощью он написал все боговдохновенное писание, похвальные слова, жития святых мучеников и преподобные и священные песни, по которым с усердием обучал наиболее способных своих учеников, а наиболее достойных из них повышал до священнического сана.* Не без основания Лескин считал это место поздней интерполяцией. Еще в XI в. в Македонии господствовала глаголица. Кириллица родилась в Восточной Болгарии.

Климент продолжал в Македонии литературную деятельность. Здесь он написал много произведений церковной литературы, поучительных и похвальных слов. *Он составил простые и ясные слова на все праздники, которые не содержат ничего глубокого и очень мудрого, но которые понятны даже самому простому болгарину. Ими он питал души простых болгар, питая молоком тех, которые не могли принимать более твердую пищу* (БЛ). С его переводческой деятельностью слависты связывают Цветную Триодь, Синайский евхологий и другие тексты церковной литературы. Своей литературной деятельностью Климент заложил основы Охридской литературной школы, которая сыграла выдающуюся роль в истории болгарской средневековой литературы.

По свидетельству БЛ, Климент много сил и времени уделял развитию в Македонии садоводства. *Так как по всей болгарской земле росли лишь дикие деревья и отсутствовали благородные плоды, он подарил ей и это благо, перенеся из страны греков различные сорта облагороженных деревьев, и с помощью пересадки создал из диких деревьев культурные, чтобы воспитать, я думаю, таким путем человеческие души, которые воспринимают соки доброты и приносят как плоды богу исполнение божественной воли, что он считал единственной пищей для себя.*

В 893 г. во главе Болгарского государства становится третий сын Бориса Симеон, получивший блестящее по тому времени образование в Константинополе. С его именем связано много важных событий в истории Болгарии. Одним из таких было утверждение полной церковной самостоятельности и переход всего богослужения на славянский язык. Это важное событие было подготовлено той большой работой, которая была проделана на западе страны Климентом и его многочисленными учениками, на востоке — Наумом, Константином Преславским и их учениками начиная с 886 г. Решение было принято на знаменитом соборе осенью 893 г. уже в новой столице Болгарии Преславе. Теперь Болгария располагала большим числом хорошо подготовленных священников и дьяконов, способных вести богослужение на славянском языке. К этому времени было осуществлено много новых переводов, переписывались старые переводы моравского периода. На соборе Климент был возведен в сан епископа, став, таким образом, первым болгарским епископом. В БЛ сообщается, что Симеон, *посоветовавшись со своими приближенными, назначил его епископом Дрембицы или Велики.*

Указанные два топонима не подкрепляются современной географической картой. Существует много опытов их идентификации (см.: Коледаров. Климент Охридски, «първи епископ на български език» на драговитите в Солунско и на Великия в Западните Родопи). Милев имел полное основание написать: «Так или иначе епархия и данные географические объекты находились близ Охриды» (Милев. Гръцките жития на Климент Охридски, с. 159). От

топонима *Велика* первый болгарский епископ стал именоваться епископом Величским.

Епископ Климент был освобожден от обязанностей учителя. Он смог посвятить все время организации богослужения и литературной деятельности. Именно к этому периоду относится большинство его собственных произведений и переводов. Однако как человек практической складки Климент не мог ограничиться только этим. Теперь он много сил отдает строительству монастырей, церквей, возводит памятники. По сообщению БЛ, он построил в Охриде монастырь, церковь, которая позже стала кафедральным собором. *Таким образом, в Охриде были три церкви: одна соборная и две святого Климента, которые были по величине значительно меньше соборной, но красивее своей округлой и сферической формой* (БЛ). Охридская легенда сообщает о строительстве каменного столба близ Главиницы, на котором была выбита надпись о крещении болгарского народа.

Сгорбленный от старости и утомленный делами, он (Климент. — *С. Б.*) *принял решение* [после 23-летнего епископства] *отказаться от сана епископа не потому, что хотел освободиться от службы ... но потому... что боялся, чтобы из-за его немощи не расстроилось бы Божье дело. И пришел он к царю* (Симеону. — *С. Б.*) *и сказал ему: «... ты видишь, как старость меня гнетет и как мои большие труды отняли у меня все силы, позаботься о церкви и поставь в доме господа такого служителя, который имеет хорошую телесную и духовную силу и чтобы он был моложе меня, чтобы он мог взять на себя церковные заботы. Исполни это мое последнее желание. Дай мне эти немногие дни провести в беседе с самим собой и с Богом. Для этого монастырь мое лучшее жилище. Позволь мне умереть там»* (БЛ). Симеон очень огорчился от этой неожиданной просьбы и стал уговаривать Климента остаться епископом. *Как я могу видеть другого на этом престоле, пока ты жив?.. Твой уход с престола епископа был бы плохим предзнаменованием моей детронации.* Старец был вынужден согласиться с царем. Однако по возвращении домой Климент заболел. Скончался достойный ученик и последователь Солунских братьев 27 июля

916 г. в возрасте 76 лет. В месяцеслове Ассеманиева евангелия (начало XI в.) Климент назван святым. Таким образом, он был канонизирован уже в X в.

Произведения Климента рано получили широкую известность не только в Болгарии и Сербии, но и на Руси. После Ундольского русские слависты их находили в самых различных сборниках смешанного содержания, часто вместе с сочинениями таких известных авторов, как Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Дамаскин и др. Наибольшее число списков произведений Климента находим в сборниках XVI—XVII вв. Больше всего сохранилось списков русской редакции. Они свидетельствуют о большой популярности сочинений Климента даже на крайнем севере русской территории. Конечно, особое место Климент занимает в делах и помыслах деятелей болгарского национального возрождения, писателей, художников, музыкантов XIX—XX вв. Софийский университет носит его имя.

О деятельности Наума в Болгарии после 886 г. мы знаем значительно меньше, нежели о деятельности Климента. Как уже было отмечено, сохранились два жития Наума, но они очень кратки и содержат мало информации. Во втором житии Наума читаем: *Этот преподобный и великий отец Наум вырос в Мизии* (т. е. в Северной Болгарии). Еще в раннем возрасте он вошел в группу Константина-Философа и Мефодия, *путешествуя с ними всюду вплоть до старого Рима.* Здесь он вместе с Климентом был рукоположен в священники и служил церковную службу *по болгарскому тексту.* О страданиях Наума и о прибытии его вместе с Климентом и Ангеларием в Плиску уже говорилось. Наум был оставлен Борисом в Плиске, где занимался проповеднической деятельностью. Об этом периоде его жизни мы знаем очень мало. Велика роль Наума в создании в Восточной Болгарии крупного центра письменности — Преславской школы. Не обладая литературным дарованием, он не оставил собственных произведений. Однако он был широко образованным, волевым человеком, отличным организатором и администратором. После собора 893 г. по приказу Симеона Наум занял ту должность учителя, которую прежде занимал Климент. В этой должности учителя он состоял до 900 г.

В первом житии Наума читаем: *Когда назначили Климента епископом, тот же благоверный царь Симеон направил товарища его Наума учительствовать вместо него.* Ильинский высказал предположение, что Наум был Симеоном отправлен учителем в Македонию за то, что он отказался от участия в создании новой славянской азбуки (кириллицы). Оба жития ничего не сообщают о результатах его учительской деятельности. На южном берегу Охридского озера он построил монастырь, в котором провел последние годы жизни. Скончался он 23 декабря 910 г.

Особое место среди учеников младшего поколения занимает Константин Преславский. Вероятно, он стал учеником Мефодия уже после смерти Константина-Философа. Биографических сведений о нем сохранилось очень мало, так как нет его жития. В первом житии Наума имеется следующий пассаж: *Пусть и это будет известно вам, которые прочитают то, о чем мы писали раньше, как еретики одних мучили, а других — пресвиторов и дьяконов — продали евреям за деньги. Купив их, евреи привезли их в Венецию. Когда их продали, в Венецию прибыл царский человек из Константинополя по государственным делам. Узнав о судьбе этих людей, царский человек их откупил. Затем он их отвез в Константинополь и рассказал обо всем императору Василию. Здесь им вернули их чины и саны пресвитеров и дьяконов, которые они имели прежде. Дали им и службу. И никто из них не умер в рабстве. Одни из них, покровительствованные императорами, получили успокоение в Константинополе, другие пришли в болгарскую землю, где с великой честью нашли покой.* Многие специалисты полагают, что среди пресвитеров и дьяконов, пришедших в Болгарию, был Константин Преславский.

О болгарском периоде жизни Константина Преславского мы знаем очень мало. Из приписки к «Четырем словам против ариан Афанасия Александрийского», принадлежащей Тодору Доксу, мы узнаем, что Константин Преславский был учеником Мефодия. В Болгарии он первоначально был пресвитером, а позже стал первым болгарским епископом в столице Болгарии Преславе, принадлежал к той группе болгарских книжников, которая была близка к болгар-

скому царю Симеону. В предисловии к «Учительскому евангелию» Константин пишет, что начал работу над текстом Евангелия по просьбам Наума (*когда поверил в это после твоих просьб, брат Наум*). Это говорит о том, что до 893 г. он был тесно связан с Наумом и, вероятно, входил в группу его последователей и учеников. В 906 г. Константин был уже епископом, о чем свидетельствует приписка к «Четырем словам против ариан Афанасия Александрийского». Год смерти Константина Преславского не зафиксирован.

Перу Константина Преславского принадлежат «Учительское евангелие», «Азбучная молитва», «Проглас», «Историкии», «Служба Мефодию». Кроме того, он перевел с греческого «Четыре слова против ариан Афанасия Александрийского» и «Церковное сказание».

«Учительское евангелие» содержит 51 беседу, в которых объясняется и комментируется Евангелие. Возникли эти беседы из проповедей. Самый древний список русской редакции датируется концом XII в. Обнаруженный Гильфердингом древнейший список сербской редакции идет от 1286 г.

«Азбучная молитва» представляет собой акростих, первый в истории славянской поэзии. «Хотя по структуре стиха она сближается в какой-то степени с 12-сложным византийским стихом, все же «Азбучная молитва» имеет много самостоятельного и оригинального; в ней есть нечто, что ее отдаляет от византийских церковных песней» (Куев. «Азбучната молитва» в славянските литератури, с. 119). В настоящее время известно 38 списков, самый древний от конца XII в. Об этом замечательном произведении древнеболгарской литературы писали многие слависты. Об авторстве акростиха высказывались различные точки зрения. После публикации фундаментального исследования проф. Куева все сомнения в авторстве Константина Преславского отпали.

«Азбучная молитва» свидетельствует о высоком поэтическом даровании Константина Преславского. Его можно с полным основанием считать первым славянским поэтом. Некоторые художественные образы «Азбучной молитвы» оказали глубокое влияние на формирование и развитие светской поэзии

славянских народов. Даже в новое время «Азбучная молитва» служила источником вдохновения поэтов. Акростих Константина Преславского помог решить один немаловажный вопрос в изучении кириллицы: он явился надежным источником в установлении последовательности букв в кириллической азбуке.

«Проглас» также принадлежит к древнейшим славянским стихотворениям. «Проглас» — это возвещение к славянскому переводу Четвероевангелия. Текст представляет собой подлинный панегирик славянскому книжному языку. Автор пишет: *Бескнижная человеческая душа мертва... Слушать слова чужого языка все равно, что слушать медный звон... Народы, которые не имеют книг, являются голыми, беззащитными, потому что они не могут бороться с врагами наших душ.* Всего «Проглас» имеет 108 12-сложных стихов с цезурой после пятого или седьмого слога. Таким образом, он написан тем же размером, что и «Азбучная молитва». На это в свое время обратил внимание еще Соболевский. «Необходимо иметь в виду, что «Проглас» — стихотворение, написанное тем же размером, которым пользовался Константин (Преславский. — *С. Б.*) для своей Азбучной молитвы, с той же цезурой после пятого слога» (Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, с. 19). «Каковы бы ни были источники отдельных частей «Прогласа», как целое он является оригинальным памятником старославянской поэзии не только по языку, но и по композиции» (Топоров. «Проглас» Константина-Философа как образец старославянской поэзии, с. 28). До наших дней дошли четыре списка этого стихотворения (три списка сербской редакции и один — русский). Древнейший список Хилендарский от XII в. Голубинский, Франко, Георгиев, Якобсон и Топоров считают автором «Прогласа» Константина-Философа. Однако значительно убедительнее доказательства тех ученых, которые полагают, что автором этого произведения древнеболгарской литературы был именно Константин Преславский. К ним принадлежат Соболевский, Вайан, Иванов, Кодов, Куев и многие другие. В доказательство приводятся убедительные аргументы:

близость размера «Прогласа» и «Азбучной молитвы», все оригинальные произведения Константина-Философа были написаны по-гречески. Художественные произведения Константина-Философа с греческого на славянский переводил Мефодий. «Проглас» начинается словами: *Блаженного учителя нашего Константина-Философа.* Сам автор так о себе написать не мог.

Константин Преславский написал первую славянскую летопись под названием «Историкии», известную в русской редакции XII в. Написана летопись была в 894 г. «Служба Мефодию» представляет собой канон.

Константин Преславский был не только выдающимся для своего времени писателем, но и крупным организатором культурной и церковной жизни Болгарии периода царствования Симеона. Уже на соборе 893 г. он определял решения многих первостепенных вопросов. Остановлюсь на одном.

Вопрос о генезисе славянских азбук глаголицы и кириллицы всегда стоял в центре внимания славистов, начиная с самых начальных периодов истории славянской филологии. Однако до сих пор в нашей науке существуют глубокие разногласия по ряду важнейших аспектов данной проблемы.

Как известно, древние памятники славянской письменности ничего не сообщают о существовании у славян двух азбук. Молчит об этом Черноризец Храбр, молчат и другие авторы. Лишь в ОЛ упоминается, как уже сообщалось, о второй славянской азбуке (см. с. 134). Это место у многих ученых вызывало сомнение. Так, например, Гильфердинг, Голубинский, Лескин усматривали в данном случае интерполяцию позднего происхождения. И естественно, возникал вопрос: почему об этом молчит БЛ, в которой подробно описан жизненный путь Климента? Однако некоторые слависты к этому сообщению относятся с доверием. Авторы ряда исследований и популярных работ считают Климента создателем кириллицы.

Как мы уже знаем, вся деятельность Климента и как учителя, и как епископа проходила в Юго-Западной Болгарии, в Македонии. Именно здесь глаголица оказалась наиболее устойчивой. Все до-

шедшие до нас старославянские памятники конца X—XI в. македонского происхождения написаны глаголицей (Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь и др.). Об этом свидетельствуют и более поздние палимпсесты. С полной уверенностью о существовании кириллицы в Македонии можем говорить только применительно к концу X в. (кириллическая надпись царя Самуила 993 г.). Окончательную победу кириллица здесь одержала лишь в XII в. Иначе было в Восточной Болгарии. Наиболее древние восточноболгарские старославянские тексты XI в. написаны кириллицей (Саввина книга, Супрасльская рукопись).

В свое время Ильинский предложил гипотезу о происхождении кириллицы. По его предположению, она была принята на соборе осенью 893 г. в Преславе по инициативе Симеона. Было взято хорошо известное здесь греческое унциальное письмо (устав), к которому лишь добавлены некоторые буквы, необходимые для передачи специфических славянских звуков. В отличие от глаголицы, которая представляла собой самостоятельный алфавит, лишь восходящий в своей основе к греческой скорописи, кириллица — это греческое унциальное письмо в чистом виде, только дополненное рядом букв. В отличие от глаголицы здесь творческого элемента было сравнительно мало. «Славянский язык (на соборе. — *С. Б.*) провозглашался официальным языком как государства, так и церкви, но письмо должно было остаться чисто греческим в своей основе» (Ильинский. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей», с. 83). По мнению Ильинского, всю работу по «созданию» кириллицы на соборе выполнял Константин Преславский. «Сделать это было не так трудно», — полагает автор.

В соображениях Ильинского имеется одно очень важное и существенное положение: в подлинном смысле слова самостоятельным славянским письмом является только глаголица, освященная авторитетом Константина-Философа и Мефодия. Она представляет собой творческую переработку греческой скорописи. Кириллица — это греческий устав, при-

способленный для передачи звуков славянской речи. Большой знаток кирилловской палеографии акад. Карский пишет: «Сходство это так велико, что при первом взгляде, если не обращать внимания на язык, лёгко смешать греческую рукопись со славянской и наоборот» (Карский. Славянская кирилловская палеография, с. 164). Это принципиальное отличие двух древнейших славянских азбук четко обозначил Щепкин. «Кириллица — точное повторение греческого литургического устава IX—X вв., глаголица основана на греческой скорописи приблизительно того же времени» (Щепкин. Русская палеография, с. 26). Ни Климент, ни Наум не подняли бы руку на священное для них глаголическое письмо. Именно в Македонии, где протекала деятельность Климента и Наума, кириллическое письмо встретило наибольшее сопротивление. «По счастью для Симеона, среди учеников Мефодия нашелся все-таки один, который согласился сделаться исполнителем его предначертаний в области реформы азбуки. Это был младший современник «седмочисленников», блестящий оратор, широкообразованный писатель и поэт, пресвитер Константин. По указанию Симеона он составил новый славянский алфавит на основе греческого уставного письма, заимствовав недостающие для славянских звуков знаки из глаголицы либо целиком(как Ш), либо после известной их стилизации (как Ъ, Ь, Ѣ, Ѫ, Ѧ и др.)» (Ильинский. Там же, с. 85). В «Повести временных лет» говорится о *прѣложении книгъ*, которое состоялось, по расчетам Златарского, между 1.IX 893 г. и 15.V 894 г., т. е. во время Преславского собора. Ильинский толкует это выражение как перемену букв, письма. «Очевидно, мы имеем здесь дело с хронологической датой введения так называемого «кирилловского письма» на место глаголического... Как известно, ученики Мефодия принесли в Болгарию глаголические рукописи, но было бы ошибочно думать, что они всюду вызывали только один восторг... А так как готовых кадров славянского духовенства, которые могли бы заменить греческое, в то время еще не было, да и не могло быть, то Симеону не оставалось ничего другого, как предложить созванному собору следующий компромисс: славянский язык про-

возглашался официальным языком как государства, так и церкви, но письмо должно было остаться чисто греческим в своей основе» (Ильинский. Там же, с. 83). Так, по мнению Ильинского, возникло кириллическое письмо, созданное Константином Преславским в 893 г. Конечно, все это лишь гипотеза, которая, однако, может объяснить многое. Это предположение Ильинского нельзя причислить к тем беспочвенным гипотезам, которыми богаты труды ряда исследователей старославянского языка.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Интерес к жизни и деятельности Солунских братьев возник задолго до появления первых трудов в области славянской филологии. Речь идет о деятелях русской православной церкви XVI—XVII вв., которые провели большую работу по выявлению древнейших списков рукописей кирилло-мефодиевской традиции. Под руководством московского митрополита Макария (1482—1563) были составлены «Великие Минеи-Четьи» — церковные сборники православных святых, где есть и тексты, относящиеся к жизни Солунских братьев. Особенно велики в этом отношении заслуги митрополита Дмитрия Ростовского (1651—1709), который много сделал для изучения древней славянской письменности. О нем Шлёцер писал: «Все это доказывает, что он был муж почтенный и благомыслящий, а не такой, каковы были нередко жалкие писцы латинских легенд». По словам Лаврова, «Дмитрий Ростовский внимательнейшим образом оценил житие Константина-Философа и умело воспользовался его данными, правильно объяснил некоторые места, испорченные в копии, сделанной с Хиландарской рукописи, например, он первый задолго до Шафарика исправил место, относящееся к Варде, указав, что это был вуй, т. е. дядя императора Михаила» (Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, с. IV).

Полный историографический очерк, посвященный жизни и деятельности Константина-Философа, Мефодия и их учеников, потребовал бы обширной специальной монографии. Создание такой монографии — очередная задача современного славяноведения. В ней необходимо дать всестороннюю оценку наиболее значительным трудам в этой области и охарактеризовать основные этапы и направления в освещении событий политической, культурной и церковной жизни южных и западных славян второй половины IX в.

В настоящей главе будут названы те обобщающие труды отечественных и зарубежных славистов, которые оставили в истории славяноведения заметный след и в какой-то степени определили характер и направление исследований тех аспектов кирилло-мефодиевской проблематики, о которых идет речь в нашей книге. Труды, посвященные таким специальным вопросам, как изучение славянских азбук, их происхождение и история, палеография, история древнейших славянских памятников письменности, техника перевода, история славянской литургии и история старославянского языка, в этой главе не рассматриваются.

Работы, посвященные Солунским братьям, впервые появились уже в XVII в. Так, в Праге в 1667 г. был издан на латинском языке труд Гиршментцеля «Vita ss. Cyrilli et Methodii, archiepiscoporum Moraviae, sive vetus Wellehrad, nunc primum vindicatum». И в XVIII в. были публикации на аналогичную тему. Добровский широко использовал книгу Стржедовского «Sacra Moraviae historia sive vita SS. Cyrilli et Methodii» (1710) и, конечно, десятую главу из III тома капитального труда Шлёцера «Nestor» (Гёттинген, 1802—1805; русский перевод. Спб., 1809—1819), посвященную биографии Солунских братьев. Ягич дал высокую оценку этой главе: «Это была первая и для своего времени действительно блестящая попытка вникнуть в смысл разногласных преданий, отделить пшеницу от плевел, оценить известие русской летописи». Однако наш краткий обзор мы с полным основанием можем начать со знаменитого труда патриарха славянской филологии аббата Добровского «Cyrill und Method, der Slaven Apostel (Prag, 1823). Именно этот труд положил начало всестороннему научному изучению биографии основоположников славянской письменности.

В основе труда Добровского лежат западные источники, доступные чешскому слависту. Автор основательно использовал ИЛ, послания папы Иоанна VIII, сочинения Анастасия Библиотекаря, Conversio Bagoariorum et Carantanorum и другие сочинения. Из византийских источников он широко привлекает БЛ. В распоряжении Добровского славянских источников было мало («Проложные жития

Кирилла и Мефодия»). Несмотря на это, чешскому ученому во многих случаях удалось разграничить достоверные факты из жизни апостолов от вымыслов, привести в известную систему эти достоверные факты. «Пользуясь его трудом, — писал Погодин, — мы знаем теперь, что̀ в истории сих достопамятных мужей, столько запутанных невеждами, есть истинного и верного, что̀ сомнительно и по законам критики вовсе должно быть отвергнуто, наконец, что̀ требует дальнейших изысканий и пояснений».

Труд Добровского сочувственно был встречен в России. Сразу же после выхода книги из печати у канцлера Румянцева возникла мысль перевести и издать ее в России. Эту идею поддержал акад. Востоков, который, однако, лучше всех видел недостатки этого сочинения, обусловленные скудостью славянских источников. Востоков не без основания полагал, что издание труда Добровского в России даст толчок к появлению новых исследований уже на широкой славянской источниковедческой базе. Перевод книги был поручен молодому тогда историку Погодину. Он был выполнен в короткий срок, но потребовал от редактора Востокова больших исправлений. В результате спешки переводчика сохранились неточности и в печатном тексте. Так, например, в § 3 «Итальянская легенда» названа Италийской. Уже в 1825 г. сочинение Добровского «Кирилл и Мефодий. Славянские первоучители» вышло в свет в Москве на средства Румянцева. Книга, однако, состояла не только из текста Добровского, но и большого приложения, содержащего житие Кирилла и Мефодия из нескольких списков Прологов, отрывок из Хронографа, переданный Погодину Востоковым, некоторые замечания переводчика, отзыв Блумбергера, опубликованный в «Jahrbucher der Literatur» (1824, t. 26), извлечения из Библиографических листов Кеппена, свидетельство Анастасия Библиотекаря. «Перевод книги Добровского, — писал акад. Лавров, — обогащал нашу литературу, полагая начало изучению кирилло-мефодиевских вопросов, первостепенная важность которых была вполне очевидна и обсуждение которых и у нас и в славянских землях шло таким быстрым темпом».

Конечно, вся работа по переводу книги Добров-

ского с различного рода примечаниями и дополнениями лучше была бы выполнена самим Востоковым. Однако, глубоко интересуясь кирилло-мефодиевской проблематикой, он уделял главное внимание изучению языка старославянских текстов и их изданию. «Но у Востокова был такой склад ума, что его исследования всегда нуждались в большом запасе положительных данных; где же этого не было, он предпочитал воздерживаться от предположений и догадок. Поэтому и в вопросах, относящихся к Кириллу и Мефодию, он оставался посторонним зрителем, предоставляя борьбу разногласных взглядов другим, конечно, не по недостатку сочувствия к ним, — ведь он посвятил всю свою жизнь предметам, близко касающимся до этого вопроса, — а скорее потому, что, вдумавшись в постановку таких вопросов, как о происхождении церковнославянского языка, о двоякой письменности, он не находил пока моментов, дающих возможность высказать свое мнение с той решительностью и положительностью, которую он любил в своих трудах» (Ягич. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии, с. 17).

Первые десятилетия XIX в. — период интенсивных поисков древних славянских рукописей, их публикаций и изучения. Здесь особенно велика роль русских славистов, так как именно в России сохранилось наибольшее число древних славянских памятников письменности. Они бережно хранились в рукописных собраниях государственных библиотек, монастырей, церквей, частных лиц. В течение всего XIX в. эти собрания постоянно пополнялись новыми ценными памятниками древней славянской культуры. Мы с благодарностью вспоминаем имена просвещенных русских людей, которые, располагая значительными материальными средствами, способствовали обнаружению и публикации многих древних славянских памятников. Среди них, бесспорно, первое место занимает известный государственный деятель России канцлер Румянцев, который объединил вокруг себя талантливых знатоков древней письменности, палеографов и археографов. В отличие от многих русских меценатов, участие которых ограничивалось лишь материальной помощью, Румянцев сам

отлично знал древнюю письменность, самостоятельно разбирался в трудных вопросах палеографии и языка, оказывал помощь молодым талантливым ученым. «Румянцев сумел устроить дело так, что лучшие специалисты и знатоки принимали участие в собирании, описании и издании различных древнерусских памятников» (Ягич. История славянской филологии, с. 166).

Главное внимание деятели кружка графа Румянцева уделяли обнаружению и публикации древнерусских памятников письменности, но и проявляли интерес к собственно южнославянским текстам. Здесь следует назвать прежде всего труды Калайдовича, автора капитальной монографии «Иоанн Экзарх болгарский» (М., 1824). Калайдович «обогатил тогдашние довольно скромные сведения по церковнославянской письменности древнейшего южнославянского (болгарского) периода таким количеством новых данных, что даже знатоки вроде Добровского пришли в недоумение» (Ягич. История славянской филологии, с. 169). В своей монографии Калайдович познакомил ученый мир с трудами болгарского Экзарха Иоанна «Небеса» и «Шестоднев». Для нас специальный интерес представляет опубликованное здесь «Сказание о письменах» Черноризца Храбра по Лаврентьевскому списку 1348 г. Это не было первым изданием памятника, но Калайдович первый указал автора. «Итак, заслуга Калайдовича как издателя Храбра состоит в следующем: 1) он первый издал Лаврентьевский список, до того неизвестный ученому миру; 2) он впервые связал безымянные списки сказания с именем Храбра; 3) он первый обнаружил существование Храбра как деятеля письменности» (Куев. Черноризец Храбър, с. 13).

В историю изучения жизни и деятельности Константина-Философа и Мефодия 1843 г. вошел как год выдающегося события. Речь идет об открытии известным русским археографом Горским ЖК и ЖМ и публикации статьи об этих памятниках в журнале «Москвитянин» (1843, № III). Статья была опубликована без указания фамилии автора. Однако для немногочисленной семьи славистов здесь тайны не было. «Это сравнительно небольшая статья, можно смело сказать, сделала такую же эпоху в истории

о Кирилле и Мефодии, как лет двадцать раньше «Рассуждение» Востокова по церковно-славянскому языку» (Ягич. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии, с. 24). Эту статью, позже перепечатанную Погодиным в сборнике «Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России» (М., 1865), Лавров справедливо назвал блистательной. В научный обиход вошли новые чрезвычайно важные тексты, содержащие ценнейшие сведения о Солунских братьях. Многие прежде известные факты получили новое подтверждение, некоторые пришлось отвергнуть, у исследователей появилось много новых и совсем прежде неизвестных событий и фактов. Статья Горского явилась подлинной сенсацией, и, естественно, она сразу же получила международный резонанс. Уже в 1846 г. в переводе Ганки она была напечатана в журнале «Časopis Českého Musea» (sv. I). Оба жития стали предметом самого внимательного изучения. В первую очередь следует назвать издание текстов житий Шафариком (1851), многочисленные издания, статьи и отклики Дюммлера, Рачкого, Бодянского, Миклошича и многих других известных славистов середины прошлого столетия.

Открытие ЖК и ЖМ Горским отнюдь не означало, что прежде эти памятники не были известны. «Открытие это... нельзя назвать открытием в собственном смысле, а только признанием исторической важности... возобновлением в памяти памятника, забытого было небрежным потомством. Паннонские жизнеописания Кирилла и Мефодия издавна пользовались известностью в нашей древней письменности и служили для наших предков источником сведений о славянских благовестниках» (Викторов. Кирилл и Мефодий, с. 32). До нас дошло много списков этих житий, что говорит о популярности этих произведений средневековой славянской литературы. «Жития вовсе не новость какая-либо, что они хорошо были известны нашим предкам, доказательством чему их списки, довольно нередкие, идущие, сколько нам известно, с самого XII в., которыми и пользовались составители наших рукописных и печатных Четий-Миней, равно как и новейшие писатели, ссылав-

шиеся на эти последние» (Бодянский. О времени происхождения славянских письмен, с. 200). И тем не менее публикацию Горского с полным основанием можно считать открытием. Дело в том, что до него слависты не использовали данных ЖК и ЖМ для изучения биографии Солунских братьев. Горский первый ввел их в научный оборот, показал их значение для решения многих аспектов кирилло-мефодиевской проблематики.

К 40-м гг. прошлого столетия относятся и другие важные открытия. Греческие жития Климента Охридского были хорошо известны уже первым исследователям кирилло-мефодиевских вопросов. Однако о произведениях самого Климента ничего не было известно. Имя Климента встречалось в текстах, в ряде случаев с указанием на его авторство, но все это идентифицировали с именем папы Климента, херсонесского мученика. Открытие собственных произведений Климента Охридского было осуществлено в 40-х гг. XIX в. русским археографом Ундольским и почти одновременно Шафариком. Эти открытия существенно обогатили источниковедческую базу.

Значительно расширилась источниковедческая база и за рубежом. Так, Ваттенбах в своем исследовании «История христианской церкви в Моравии и в Богемии» (Вена, 1849) впервые опубликовал послание Стефана V князю Святополку, в котором папа запрещал славянское богослужение в Моравии. Были осуществлены и другие публикации, иногда с большим запозданием (как, например, письмо Анастасия Библиотекаря Гаудериху).

В середине XIX в. началась интенсивная подготовка к тысячелетнему юбилею славянской письменности и тысячелетию со дня кончины Константина-Философа. Особенно активно эта подготовка проходила в России, где, как уже говорилось, хранится много древних памятников славянского письма. В этот период было опубликовано несколько фундаментальных монографий, осветивших многие стороны жизни и деятельности Солунских братьев и их учеников.

В 1855 г. в Москве была издана капитальная монография Бодянского «О времени происхождения славянских письмен», в которой всесторонне анали-

зируются сохранившиеся источники, все дошедшие до наших дней свидетельства, подробно рассматривается история вопроса. Правда, содержание монографии не вполне соответствует ее названию. Что касается происхождения славянских азбук, их древнейшей истории, то эта проблематика занимает в монографии скромное место. С именем Бодянского связаны издания кирилло-мефодиевских текстов, хранившихся в рукописных собраниях России. Издания Бодянского по точности воспроизведения древних текстов значительно уступают изданиям археографов из кружка Румянцева. Он еще не владел новой для этого периода техникой издания памятников, сохранившихся в различных списках. Это отмечено Ягичем. «Самое замечательное его издание представляют легенды о Кирилле и Мефодии, напечатанные им по многим рукописям, но не по приемам критики, которая требует прежде всего тщательного изучения всех отдельных текстов, определения их взаимной зависимости и сгруппирования тех, которые окажутся в более близкой зависимости, в одно целое, с одним основным текстом, к которому были бы подведены разночтения из всех прочих той же группы. Не так поступил Бодянский. У него тексты воспроизведены совсем механически, рядом один за другим» (Ягич. История славянской филологии, с. 462—463). Это критическое замечание Ягича в равной степени относится и к многочисленным публикациям древних текстов Срезневского и других славистов. Они утратили точность воспроизведения конкретного памятника, свойственную издателям первой четверти XIX в., и не овладели новой для того периода техникой реконструкции древнего текста на основе сравнительного изучения сохранившихся списков этого текста. В России эта новая методика была связана с именем Ягича, который последовательно разграничивал издание конкретного текста от издания памятника со всеми его вариантами. Последнее предполагает реконструкцию исходного текста, которая опирается на строгую методику филологического анализа.

Из многочисленных публикаций 60-х гг. следует отметить серию исследований медиевиста Бильбасова, крупнейшего в России знатока истории папства. Это прежде всего его двухтомный труд «Кирилл и

Мефодий» (ч. I. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. Спб., 1868; ч. II. Кирилл и Мефодий по западным легендам. Спб., 1868—1871), а также несколько статей: «Римские папы и славянские первоучители» и др. Исследования Бильбасова, написанные историком, среди многочисленных трудов славистов выделяются своим высоким профессионализмом, умением автора анализировать сложные и противоречивые данные сохранившихся памятников. Несколько уступают по своему научному уровню обобщающие труды славистов-филологов, которые не прошли серьезной школы критики исторических текстов. Среди них видное место занимает большая монография Лавровского «Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян в связи с современной им историей церковных несогласий» (Харьков, 1863). В критической части автор довольно обстоятельно показал неосновательность суждений по кирилло-мефодиевскому вопросу ученых католической ориентации. Однако в положительной части исследования он сам не смог проявить достаточной объективности, свободной от догм православной церкви. Позже он опубликовал статью об ИЛ, высказав ряд неосновательных и весьма спорных суждений.

Из трудов чешских авторов этого периода выделяется ценное исследование Билого «Dějiny svatých apoštolů slovanských Cyrilla a Methoda» (Прага, 1863), переведенное на немецкий, словенский и болгарский языки.

Много появилось различного рода публикаций по кирилло-мефодиевскому вопросу в 70—80-е гг. И это не случайно: приближалась тысячелетняя годовщина со дня смерти Мефодия. Из трудов русских славистов этого периода следует отметить сочинения Воронова «Кирилл и Мефодий. Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия» (Киев, 1876—1877); Малышевского «Св. Кирилл и Мефодий первоучители славянские» (Киев, 1886) и др. Продолжая традиции Добровского и Шафарика, в эти годы заметно оживился интерес к нашей проблематике у чешских славистов. Были изданы сочинения Первольфа «Legendy o sv. Cyrillu a Methodu» (Прага, 1873), публикации Снопека, монография Прохазки

«Život sv. Methoda, apoštola říše Velkomoravské a Slovanů vůbec» (Брно, 1884) и др.

К концу XIX в. в изучении биографии Солунских братьев, их учеников и последователей слависты достигли заметных результатов. Значительно расширилась и география исследований, хотя подлинными центрами продолжали оставаться Россия и Австрия.

В Венском университете с конца 40-х гг. прошлого столетия славистику представлял Миклошич. В центре его научных интересов находились решительно все аспекты кирилло-мефодиевской проблематики. Интересовали его и те вопросы, которым посвящена данная книга. Еще в самом начале своей научной деятельности (в 1847 г.) он издал с интересным предисловием текст «Болгарской легенды». «Хорошее издание Миклошича приобрело известность и оно было перепечатано много раз. На его основе были выполнены многие переводы на русский, чешский, болгарский, латинский и другие языки вплоть до 1918 г., когда Туницкий издал текст Московской рукописи» (Милев. Гръцките жития на Климент Охридски, с. 17). Значительно позже (в 1870 г.) он вместе с Дюммлером опубликовал ЖК, и в том же году ЖМ с переводом на латинский язык. В 1886 г. наступил венский период в научной и педагогической деятельности Ягича. С этого времени австрийская столица становится крупнейшим центром научных исследований в области славянской филологии. Это было обусловлено не только научными достижениями самого Ягича, но и его блестящим талантом университетского преподавателя. Глубокий интерес к Константину-Философу и Мефодию Ягич пронес через всю свою жизнь. Однако большой специальной монографии о жизни славянских апостолов он не написал. Мы уже цитировали слова Ягича об акад. Востокове. Они в какой-то степени относятся и к самому Ягичу и могут объяснить отсутствие такой монографии. Однако это не помешало ученому нарисовать наиболее точный психологический портрет братьев, во всех спорных и трудных случаях дать наиболее объективное и убедительное толкование. Из венской школы Ягича вышло много ученых, которые внесли свой вклад в изучение кирилло-мефодиевских проблем. Достаточно назвать имена Вон-

драка, Гётца, Решетара, Нахтигала и многих других. Особо следует отметить многочисленные публикации и исследования профессора Пражского университета Пастрнека, труды которого сохраняют свое значение и в настоящее время.

В начале XX в. началась подготовка к тысячелетию со дня смерти Климента Охридского. Однако события первой мировой войны помешали широко отметить эту дату. Наиболее значительными были публикации русского слависта Туницкого «Св. Климент епископ словенский. Его жизнь и просветительская деятельность» (1913); «Материалы для истории, жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия» (1918) и др. До сих пор они не утратили своего значения.

Из украинских ученых наиболее крупный вклад в проблематику нашей книги внес Франко, автор известного исследования «Св. Климент у Корсуні» (Львов, 1905). К более позднему периоду относится двухтомная монография Огиенко.

Среди трудов межвоенного периода внимание привлекают прежде всего многочисленные публикации акад. Лаврова. Первые из них относятся еще к концу XIX в. В 1898 г. в популярной серии «Книга для чтения по истории средних веков» он опубликовал перевод «Паннонских легенд», «Итальянскую» и «Болгарскую легенды». Желая придать своему переводу плавность современной русской речи, Лавров в ряде случаев достигал этого за счет точности перевода. Следует иметь в виду, что серия предназначалась не для специалистов. Итогом его многолетнего труда в этой области явились две капитальные монографии: «Кирило та Методий в давньо-слов'янському письменстві» (Киев, 1928), «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (Л., 1930), а также многочисленные статьи. «При широкой, вообще, разносторонности его славяноведческих интересов, вопросы древнеславянской письменности были для него, несомненно, основным предметом всей его ученой жизни и деятельности. Вот почему в этой именно области П. А. Лавров дал наибольшее количество трудов и притом наиболее значительных в научном отношении, причем труды эти преимущественно, если не исключительно,

связаны с деятельностью основоположников древнеславянской письменности — Солунских братьев Константина и Мефодия и их ближайших сотрудников Климента и Наума. Заслуги П. А. Лаврова в этой области не подлежат никакому оспариванию и представляют собой большой вклад в историю исследования и разработки одной из основных проблем славянской филологии, так называемого кирилло-мефодиевского вопроса в целом, во всей сложной сумме образующих его частных вопросов и проблем» (Державин. Труды академика П. А. Лаврова в области древнеславянской письменности, с 137).

Из русских современников Лаврова широко освещали кирилло-мефодиевскую проблематику Никольский, Истрин, Ильинский и др. Последнему принадлежит много исследований и публикаций памятников славянской письменности. Большую ценность представляет «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии» (София, 1934). Эту библиографию продолжили до 1940 г. Попруженко и Романский «Кирило-Методиевска библиография за 1934—1940 год.» (София, 1942).

В межвоенное двадцатилетие кирилло-мефодиевская проблематика интенсивно разрабатывалась учеными Чехословакии, не только филологами, но и историками. Речь идет о трудах Вайса, Вашицы, Вайнгарта, Гавранка, Станислава и др. К этому периоду относится начало научной деятельности выдающегося историка византиниста Дворника, автора фундаментальных трудов, посвященных жизни и деятельности Константина-Философа и Мефодия. Опираясь на хорошо известные источники, Дворник, однако, сумел извлечь из них много новой информации, показать неосновательность в ряде случаев давно укоренившихся в науке положений. Его широкая профессиональная ориентация не только в византийских источниках, но и в латинских и славянских, его объективность и беспристрастность в вопросах религиозных догм, отсутствие национальных амбиций обеспечили ему успех в решении весьма сложных и запутанных проблем.

Заметно оживился интерес к кирилло-мефодиевской проблематике в межвоенный период в Болгарии. Здесь следует назвать имена Теодорова-Балана, Ива-

нова, Снегарова, Генова и др. Много важного и нового внесли труды Трифонова.

Среди югославских ученых первое место бесспорно принадлежит словенскому ученому Гривецу. Его специальные научные интересы были последовательны и необыкновенно устойчивы. Первую свою работу, посвященную Солунским братьям, Гривец опубликовал еще в 1907 г. После этого почти шестьдесят лет он упорно и целеустремленно трудился в этой важнейшей области славяноведения. Итоги его деятельности велики. Его издания древних памятников, их переводы безупречны. Исследования характеризуются научной объективностью. Велик вклад в проблематику нашей книги югославского ученого Мошина.

Современный период в изучении жизни и деятельности Солунских братьев наступил после второй мировой войны. Продолжается деятельность многих названных ученых. Появляются новые имена. Значительно расширилась география исследований. Если прежде приходилось учитывать труды ученых славянских стран, Австрии, отчасти Германии, то теперь наша проблематика серьезно разрабатывается также во Франции, Италии, Румынии, Греции, в Скандинавских странах, в США. Одним из важнейших стимулов являются юбилейные даты: 1100 лет создания славянской письменности (1963), 1100 лет со дня кончины Константина-Философа (1969), 1050 лет со дня кончины Климента Охридского (1966). В связи с этими датами в разных странах было проведено много конференций и симпозиумов, опубликованы специальные исследования, коллективные сборники, популярные книги. Не стоят в стороне писатели и художники, которые, согласно своим знаниям и представлениям, пытаются воссоздать облик великих славянских просветителей, их жизнь и деяния.

Приближается новая юбилейная дата. В 1985 г. исполнится 1100 лет со дня кончины Мефодия. Исследования последних десятилетий показали, что роль Мефодия в древнейшей истории славянской письменности значительнее, нежели это представлялось ученым-славистам в XIX и даже в первой половине XX в. Однако многое еще продолжает оставаться неясным. Новые труды помогут осветить жизнь и деятельность этого выдающегося деятеля.

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов Б. С. Няколко наблюдения върху книжовното дело на Климент Охридски. — В кн.: Климент Охридски. София, 1966.

Ангелов Д. Кирил и Методий и византийската култура и политика. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1964.

Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Л., 1948.

Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий, ч. I. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. Спб., 1868; ч. II. Кирилл и Мефодий по западным легендам. Спб., 1868—1871.

Бильбасов В. А. Римские папы и славянские первоучители. — Журнал Министерства Народного Просвещения, 1868, № CXXXVIII.

Бодянский О. М. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.

Вашица Й. Кирилло-мефодиевские юридические памятники. — Вопр. славянского языкознания, 1963, № 7.

Велчев В. П. Съществувало ли е развито славянско писмо и книжнина преди дейността на Константин-Кирил и Методий в Моравия. — Език и литература, 1965, т. XX, № 4.

Вечерка Р. Великоморавские истоки церковнославянской письменности в Чешском княжестве. — В кн.: Магна Моравиа. Прага, 1965.

Викторов А. Е. Кирилл и Мефодий. Новые источники и ученые труды для истории славянских апостолов. — В кн.: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.

Гейль Ф. Византийское посольство в Великую Моравию на политическом фоне тогдашней Европы. — В кн.: Магна Моравиа. Прага, 1965.

Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.

Георгиев Е. Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури. София, 1956.

Георгиев Е. Работили ли са Кирил и Методий като просветители на българските славяни. — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957.

Георгиев Е. Кирил и Методий. Истината за създателите на българската и славянска писменост. София, 1969.

Геров Б. Към въпроса за народността на Кирил и Методий. — Славиа, 1939, № XVII.

Голубинский Е. Е. По поводу перестроя В. И. Ламанским истории и деятельности Константина-Философа, первоучителя славянского. — Изв. Отделения русского языка и словесности, 1907, № XII.

Грацианский Н. П. Деятельность Константина и Мефо-

дия в Великоморавском княжестве. — Вопр. истории, 1945, № 1.
Григорович В. И. Несколько слов, сказанных проф. славянских наречий В. Григоровичем по поводу празднования тысячелетия со времени кончины св. Кирилла. — В кн.: Собр. соч. В. И. Григоровича (1864—1876). Одесса, 1916.
Дворник Ф. Славяне и Византия в IX веке. М., 1949.
Державин Н. С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии. — В кн.: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2. М., 1946.
Державин Н. С. Труды акад. П. А. Лаврова в области древнеславянской письменности. — Изв. АН СССР, 1931.
Динеков П. Българската литература през XI—XII вв. — В кн.: История на българската литература, т. 1. София, 1962.
Динеков П. Личността на Константин-Кирил Философ. — В кн.: Константин-Кирил Философ. София, 1969.
Добровский Й. Кирилл и Мефодий. Славянские первоучители. М., 1825.
Дуйчев И. Въпросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянската азбука през първата половина на IX век. — Изв. на Института за българска история. София, 1957.
Дуйчев И. Към тълкуването на пространните жития на Кирила и Методия. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963.
Дуйчев И. Климент Охридски и неговото дело в научната книжнина. — В кн.: Климент Охридски. София, 1966.
Златарски В. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934.
Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1931.
Иванов Й. Сарацинска (арабска) мисия на Кирил-Философ. — Изв. на Института за литература, кн. XVI. София, 1965.
Извори за българската история, т. VII. Латински извори за българската история, т. II. София, 1960.
Ильинский Г. А. Один эпизод из корсунского периода жизни Константина-Философа. — Славиа, 1924.
Ильинский Г. А. Написание о правой вере Константина-Философа. — В кн.: Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925.
Ильинский Г. А. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей». — Бизантинославика, 1931, № III.
Ильинский Г. А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934.
История на българската литература, т. I. София, 1962.
Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
Кипарский В. О происхождении глаголицы. — В кн.: Климент Охридски. София, 1968.
Коледаров П. Климент Охридски, «първи епископ на български език» на драговитите в Солунско и на Великия в Западните Родопи. — В кн.: Константин-Кирил Философ. София, 1969.

Куев К. Към въпроса за Кириловото пространно житие като исторически паметник. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963.

Куев К. Черноризец Храбър. София, 1967.

Куев К. «Азбучната молитва» в славянските литератури. София, 1974.

Лавров П. А. Евангелие и Псалтырь, «русьскими (рушкими) писмены» писанные, в житии Константина-Философа. — Изв. по русскому языку и словесности, т. I. Л., 1928.

Лавров П. А. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ, 1928.

Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — Тр. славянской комиссии, т. I. Л., 1930.

Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник.— Журнал Министерства Народного Просвещения, 1903—1904, № CCCXLVI—CCCLIII; отдельным изданием — Пг., 1915.

Ламанский В. И. Появление и развитие литературных языков у народов славянских. — Изв. Отделения русского языка и словесности, 1901, т. VI, кн. 1.

Лер-Сплавински Т. Има ли следи от моравската дейност на Методия в Полша. — Списание на Българската академия на науките, 1939, № LVIII.

Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М.—Л., 1961.

Львов А. С. О пребывании Константина-Философа в монастыре Полихрон. — Советское славяноведение, 1971, № 5.

Мареш В. Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. — Вопр. языкознания, 1961, № 2.

Малышевский И. И. Св. Кирилл и Мефодий первоучители славянские. Киев, 1886.

Мечев К. Към въпроса за авторството на пространните жития на Кирил и Методий. — Изв. на Института за литература БАН, кн. XVI. София, 1965.

Милев А. Гръцките жития на Климент Охридски. Увод, текст, превод и обяснителни бележки. София, 1966.

Можаева И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980.

Мулич М. К. К вопросу о художественном мастерстве в древнейших славянских переводах служебных миней. — В кн.: Кирил Солунски, кн. II. Скопје, 1970.

Огiенко И. «Руськi» переклади в Херсонесi в 860 р. — В кн.: Юбiлейний збiрник на пошану ак. Д. Багалiя. Київ, 1927.

Огiенко И. Костянтин i Мефодiй, їх життя та дiяльнiсть, I, II. Варшава, 1927—1928.

Панов Б. Дejноста на Кирил и Методиjа во Македониjа. — В кн.: Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски, кн. 1. Скопje, 1970.

Петканова-Тотева Д. Литературни особености на пространното житие на Константин-Кирил. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963.

Погорелов В. А. Формы греческих слов в кирилло-ме-

фодиевском переводе Евангелия. — Бизантинославика, 1930, № II.

Погорелов В. А. На каком языке были написаны так называемые Паннонские жития. — Бизантинославика, 1932, № IV.

Райков Б. Два новооткрити преписа от службата на Кирил-Философ и няколко бележки върху нейния състав. — В кн.: Константин-Кирил Философ. София, 1969.

Синайский патерик. Изд. подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967.

Соболевский А. И. Чудо св. Климента папы Римского.— Изв. Отделения русского языка и словесности, 1901, т. VI, кн. 1.

Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Спб., 1910.

Теодоров-Балан А. Кирил и Методий, т. I. София, 1920; т. II. София, 1934.

Топоров В. Н. «Проглас» Константина-Философа как образец старославянской поэзии. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков. М., 1979.

Трифонов Ю. Константин-Философ (св. Кирил) като царски пратеник при сарацини и хазари. — В кн.: Сборник в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933.

Трифонов Ю. Две съчинения на Константина Философа (св. Кирила) за мощите на св. Климента Римски. — Списание на Българската академия на науките, 1934, XLVIII.

Трифонов Ю. Съчинението на Константина-Философа (св. Кирила) Написание о правой вере. — Списание на Българската академия на науките, 1935, LII.

Туницкий Н. Л. Св. Климент, епископ словенский. Его жизнь и просветительская деятельность. Сергиев Посад, 1913.

Туницкий Н. Л. Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия. Сергиев Посад, 1918.

Христоматия по старобългарската литература. София, 1967.

Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.

Шлёцер А. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, ч. 1—3. Спб., 1809—1819.

Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.

Ягич И. В. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии. Записки Академии Наук, прил. к LI тому. Спб., 1885.

Ягич И. В. История славянской филологии. Спб., 1910.

Ягич И. В. Глаголическое письмо. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 3. Спб., 1911.

Ястребов Н. В. Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских. Спб., 1911.

Bílý J. Dějiny svatých apoštolů slovanských Cyrilla a Methoda. Praha, 1863.

Dvorník F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Praha, 1933.

Dvorník F. Byzantské misie u Slovanů. Praha, 1970.

Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

Lehr-Spławiński T. Żywoty Konstantina i Metodego (obszerne). Poznań, 1959.
Macůrek J. Obrysy Slovanstva. Praha, 1948.
Pastrnek F. Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda z rozborem a otiskem hlavních pramenů. Praha, 1902.
Grivec F. Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960.
Snopek F. Sv. Cyrill a Methoděj, apoštolé slovanšti. Životopisný náštin. Praha, 1920.
Stanislav J. Slovanskí apoštoli Cyril a Metod a ich činnost vo Velkomoravskej ríši. Bratislava, 1945.
Stender-Petersen A. Die kyrillo-methodianische Tradition bei den Polen «Cyrillo-Methodiana». Köln-Graz, 1964.
Ševčenko I. On the Social Background of Cyril and Methodius. Studia palaeoslovenica. Praha, 1971.
Vaillant A. Les «lettres russes» de la Vie de Constantin.— Revue des études slaves, 1935, XV.
Vavřínek V. Staroslovenské životy Konstantina a Metoděje. Praha, 1963.
Večerka R. Slovanské počátky české knižní vzdělanosti. Praha, 1963.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Содержание

Самуил Борисович Бернштейн

КОНСТАНТИН-ФИЛОСОФ И МЕФОДИЙ

Зав. редакцией
М. Д. Потапова

Редактор
Л. Н. Левчук

Обложка художника
А. Н. Герасимова

Художественный редактор
Ю. М. Добрянская

Технический редактор
Г. Д. Колоскова

Корректоры
И. А. Мушникова, С. Ф. Будаева

Тематический план 1984 г. № 154
ИБ № 1804

Сдано в набор 30.05.83.
Подписано к печати 16.11.83.
Л-95561. Формат 84×108 1/32.
Бумага тип. № 3.
Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,9.
Тираж 5600 экз. Заказ 126.
Цена 55 коп. Изд. № 2774.

Ордена «Знак Почета»
издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

Цена 55 коп.

МГУ